

ACADEMIA

ПЕРИОДА  
ПРОТКНЫХ

I











Петр Алексеевич Кропоткин  
(в мундире камер-пажа) 1861 г.



Александр Алексеевич Кропоткин  
1860 г.







**ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА**

**ПЕРЕПИСКА**  
**ПЕТРА и АЛЕКСАНДРА**  
**КРОПОТКИНЫХ**

**«А С А Д Е М И А»**  
*Москва — Ленинград*

**ПЕТР и АЛЕКСАНДР**  
**КРОПОТКИНЫ**

**ПЕРЕПИСКА**  
**ТОМ ПЕРВЫЙ**  
*1857 — 1862*

*Предисловие И. Смильги*  
*Редакция, примечания и*  
*вступительная статья*  
*Н. К. Лебедева*

**«А С А Д Е М І А»**  
**1 9 3 2**

*Супер-обложка Г. Ечеистова*  
*Переплет А. П. Могилевского*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Переписка братьев Петра Алексеевича и Александра Алексеевича Кропоткиных представляет большой общественно-исторический интерес. Во-первых, «переписка» является первоклассным документом эпохи шестидесятых годов прошлого столетия. Во-вторых, «переписка» позволяет нам яснее судить о том, почему братья Кропоткины — князья, ведущие свой род от Рюриковичей и занимающие виднейшее место среди сановной знати, оказались в числе врагов самодержавия, которому П. А. Кропоткин нанес столько чувствительных ударов. В этом смысле «переписка» является ценнейшим комментарием к «Запискам революционера» — автобиографии П. А. Кропоткина. Далее, письма дают богатейший материал для суждения о взаимоотношениях братьев и о том влиянии, которое они оказывали друг на друга. Если облик П. А. Кропоткина в определенном смысле отлился и запечатлелся в нашем сознании по его трудам и по работам о нем, то с А. А. Кропоткиным дело обстоит гораздо сложнее. Из «Записок революционера» мы знаем о дружбе братьев и о влиянии старшего брата, Александра, на младшего, Петра. Письма братьев на эти взаимоотношения проливают яркий свет. И, наконец, переписка значительно уточняет обычные представления о наших авторах.

В то же время работа над перепиской братьев Кропоткиных представляет серьезные трудности для исследователя. Эти трудности в основном сводятся к тому, что обработанным к печати является только первый том переписки братьев (1857—1862 годы). Второй том только готовится к печати музеем Кропоткина. Будучи ограничен материалом, автор настоящих строк не имел возможности исчерпывающе

осветить предмет. Читатель должен мириться с тем, что полное представление о «переписке» он будет иметь лишь после выхода в свет второго тома.

\* \* \*

Шестидесятые годы прошлого столетия с полным правом могут считаться вторым этапом буржуазной революции в России. После неудачного восстания декабристов последовал знаменитый николаевский режим, под мрачной внешностью которого скрывалась диктатура наиболее реакционных элементов дворянства. Крепостничество и режим неприкрытого господства палки с его Третьим отделением и самоуправным разгулом чиновничества не могли, однако, остановить процесса буржуазного перерождения страны. Рост капитализма в городах и на селе укреплял экономическую мощь буржуазии и ослаблял позиции дворянства. Пропасть между крепостническим самодержавием и «широкими слоями» нового русского общества становилась все шире и глубже. Борьба, начатая декабристами, продолжалась с нарастающим обострением и ожесточением. Это обострение борьбы между феодальным абсолютизмом и нарождающейся буржуазной Россией объясняется как ростом хозяйственной мощи общественных классов, выраставших на почве капиталистического развития страны, так и беспримерной эксплуатацией и угнетением широких народных масс — крестьян и рабочих. Весьма важно отметить тот факт, что различные общественные классы и группы участвуют в этой борьбе по-разному: разными являются как цели, так и средства борьбы. В зависимости от того, какая общественная группа в тот или другой период накладывает свою печать на движение в основном, различаются между собою двадцатые, сороковые и шестидесятые годы прошлого столетия. Возьмем декабристов. Социально-экономической почвой революционного движения двадцатых годов прошлого столетия является капиталистическое развитие России. Однако выразителями потребностей нового, буржуазного уклада являются в огромном своем большинстве дворяне, пытающиеся учесть применительно к тогдашним условиям опыты Великой революции, Империи и Реставрации. Восстание

14 декабря 1825 года является как бы эпилогом к наполеоновским войнам. Часть русского офицерства—дворян в мундирах, похоронив буржуазного наследника Великой французской революции, вернулись с похода зараженные идеями недавнего прошлого Франции. Эти идеи находят благоприятную почву среди наиболее мыслящей и культурной части тогдашнего общества, раздумывающей над дальнейшими судьбами России. Участники заговора единодушны в отрицательном отношении к самодержавию. Несмотря на то, что движение декабристов было движением внутри самого господствующего класса, в нем уже тогда ясно наметились своя Жиронда и своя Гора. Между умеренно конституционными взглядами северян и «Русской правдой» Пестеля — основного политического документа южан, разница очень велика. Среда армейского офицерства оказалась уже подготовленной к восприятию идей республиканизма и якобинства. И не может быть никакого сомнения, что разница во взглядах гвардейского офицерства (северяне) и армейского (южане) имела под собой серьезные социально-экономические основания. Северяне собирались произвести политический переворот, используя для этого армию, но категорически возражали против участия в перевороте «народа». В случае удачи переворота северяне собирались создать конституционную монархию, освободить крестьян и создать условия для буржуазного развития России, сохраняя господствующее положение для той части дворянства, которая собиралась перестраивать свое хозяйство на новый, буржуазный лад.

Южане же мечтали о гораздо более решительных мерах. Централизованное республиканское устройство с привлечением к власти гораздо более широких слоев русского народа, уничтожение императорской фамилии и расправа с контрреволюционной феодальной реакцией — вот как представляли Пестель и его друзья задачи переворота. Совершенно ясно, что только разная социальная среда могла породить эти два направления в первом серьезном революционном движении XIX века. Радикализм южан объяснялся отнюдь не свойствами их темперамента, а тем, что армейские заговорщики представляли интересы гораздо более «демократических» слоев офицерства, чем северяне.

Дальнейшие события всем известны. Основную роль в восстании пришлось играть северянам, которые, действуя крайне нерешительно (тактика зависит от целей борьбы), потерпели поражение на Сенатской площади. Поражение северян делает неизбежным и поражение южан. Николай вступает на престол как представитель феодальной реакции и палач декабристов.

Характерным для обоих направлений декабристов является их стремление к политическому перевороту с довольно смутной программой социальных преобразований. Однако то, что мы знаем по этой части, говорит о буржуазном и мелкобуржуазном характере взглядов декабристов. Неясность и неразработанность их программы целиком и полностью объясняется незрелостью тогдашних экономических и классовых отношений. Однако для своего времени движение это было передовым и прогрессивным, объединившим лучшие умы того времени.

Умственное движение сороковых годов, связанное с именами Герцена, Белинского, Станкевича, Огарева и др., является уже гигантским шагом вперед по сравнению с движением декабристов. Противоречие между крепостническим укладом николаевской России и потребностями буржуазного развития ее обострилось до крайности. В ряды борцов с самодержавием, этим оплотом крепостного права и реакции, наряду с представителями нищающего дворянства, вступает новая сила—«разночинец» (сборное название тогдашней не-дворянской интеллигенции). Белинский, создатель русской критики и величайший борец против мракобесия и азиатчины николаевского периода, вместе с Герценом и другими закладывает основы так называемого «западничества» в истории русской общественной мысли. Впервые на нашей общественной арене появились люди, непорожжденные дворянской культурой и намечающие свой жизненный путь не для службы дворянству, а для борьбы с ним. Как и во времена декабристов, оружием людей сороковых годов служили революционные и философские идеи Запада.

Во Франции, как известно, после Июльской революции 1830 года процветали идеи утопического социализма. В Германии среди гегельянцев шла борьба между ле-

выми и правыми. В Европе зрела и созревала революция 1848 года.

Революционные уроки и умственная жизнь Запада питали русских западников. Почва для восприятия этих идей расширялась с каждым днем, и блестящая плеяда деятелей сороковых годов с неслыханным успехом применяла эти идеи в борьбе с охранителями старины и варварства.

Однако умственное движение сороковых годов не привело к серьезному революционному движению. Революционные силы были малочисленны и не организованны. Основная сила революции — крестьянство — выражала свое недовольство отдельными восстаниями, которые подавлялись с неслыханной жестокостью. Правительство зорко следило за неблагонадежными элементами и круто с ними расправлялось. Кружок Петрашевского был разгромлен и участники его приговорены к смертной казни, которая потом была заменена ссылкой в Сибирь, отдачей в солдаты и т. д. После эмиграции Герцена и смерти Б. Линского движение сороковых годов тускнеет, чтобы через 10—15 лет вспыхнуть с новой силой и с новым содержанием.

Шестидесятые годы, или, вернее, их начало, являются периодом начала переписки между братьями Кропоткиными. В это время старшему, Александру, было около 17 лет, а младшему, Петру, около 15. Следовательно мировоззрение обоих юношей формировалось именно в эти годы. Что является наиболее характерным для этого интереснейшего периода в развитии русского общества и русской общественной мысли?

Россия в это время проиграла Крымскую войну. Анализ причин поражения русской армии приводил к убийственным выводам для крепостного права и всего аппарата государственного управления. Окончание войны совпало со смертью Николая Первого и восшествием на престол Александра Второго, который начал свое царствование, наподобие своего дяди, эрой либерализма. Манифестом было возведено о предстоящей отмене крепостного права. Началась работа бесконечных комиссий, задача которых состояла в том, чтобы предстоящую реформу провести в интересах помещиков. Лучшие земли должны были остаться за помещиками, а за получаемую «освобожденными» крестьянами землю они должны были уплатить



помещикам громадные суммы денег. Один из этих проектов и получил утверждение 19 февраля 1861 года.

Противоречия между потребностями буржуазного развития России и крепостным феодальным режимом к этому времени стали зияющими. Промышленность требовала «свободных» рабочих рук и была заинтересована в росте внутреннего рынка. Экономически падающее помещичье хозяйство и разоренное крестьянство представляли слишком узкую базу для развития капитализма. Глухое недовольство крестьян (периодические восстания и жестокие усмирения) и резкая оппозиция всей прогрессивной части общества вынудили Александра Второго отменить крепостное право. «Лучше идти на реформы сверху, чем дожидаться, пока они будут взяты снизу» — вот чем руководствовало правительство, отменяя крепостное право. Но как бы то ни было, всеми этими событиями общественная жизнь страны была потрясена до основания.

Если мы посмотрим на характер общественного движения шестидесятых годов, то увидим, насколько быстро двигался в это время «локомотив истории». Во главе движения стоят уже разночинцы — Чернышевский и Добролюбов. «Современнику» организует и воспитывает радикальное крыло тогдашнего общества. Люди сороковых годов оттесняются на задний план. В противовес Герцену, который на известный период времени теряет революционную перспективу и приветствует Александра словами: «Ты победил, Галилеянин», Чернышевский ни на минуту не сомневается в истинном смысле «освобождения крестьян» и ведет пропаганду о необходимости революции в интересах народных масс, в первую очередь крестьянства, при решительном участии этих масс. Революционное движение в России впервые облекается в демократические одежды. В отличие от революционера-дворянина, который, исповедуя самые радикальные взгляды, значительной частью своего я все-таки оставался дворянином, раздваиваясь между своими взглядами и практическим поведением, разночинец-шестидесятник выступил на общественную арену как целостный общественный тип. По своему социальному положению он был выходцем из недворянской среды. Будучи связан своими корнями с народом, широкими слоями городского и сельского населения, разночинец совершенно иначе воспринимал окру-

жающее, чем радикальные представители дворянства. Его ум и воля были направлены на единую цель — сокрушение помещичьей власти в интересах народа.

Когда мы говорим, что основными классовыми противоречиями шестидесятых годов были противоречия между крепостничеством и буржуазным развитием России, то этим мы ни в каком случае не хотим сказать, что шестидесятники были представителями именно класса буржуазии. Представлять себе дело таким образом было бы величайшей ошибкой и величайшей несправедливостью по отношению к деятелям этой эпохи. Мы только хотим сказать, что по уровню развития производительных сил и по хозяйственному состоянию России того времени объективным содержанием революции могло быть только ускорение буржуазного развития России. Что же касается субъективных представлений общественного движения и радикальной мысли того времени, то дело обстояло совершенно иначе. Разночинец вовсе не стремился к замене для народа помещичьей кабалы буржуазной. Он вовсе не был связан социальными нитями с рыцарями «первоначального накопления». Кроме того, он уже учел объективные результаты революций на Западе. Либеральные и радикальные представители дворянства также мало были связаны с непосредственными интересами нарождающегося капитализма. Ярким образцом того, насколько велико может быть противоречие между объективным положением вещей и субъективными представлениями людей, может служить дискуссия между народниками и марксистами четверть века спустя после описываемых нами событий. В то время, когда капиталистическое развитие России уже было непреложным фактом, народники были еще убеждены, что капитализм принесен извне и что страна может развиваться по «особому», некапиталистическому пути.

Было бы также ошибкой представлять себе дело таким образом, что общественное движение шестидесятых годов было революционным движением с определенной политической программой. Как мы уже говорили, шестидесятники составляли весьма разношерстную массу. Кроме того, известно, что без политических партий серьезной политической борьбы вести невозможно. Партий же в это время не существовало. Их заменяли литературные группировки и кружки. То общее,

что характеризует людей этой эпохи, является ненависть к крепостничеству и к его власти — самодержавию. Методами, которыми действовали шестидесятники, была широкая просветительная работа, беспощадная критика крепостничества во всех его видах, демократизация знаний, борьба за раскрепощение женщины. На общественной арене появляется своеобразный тип радикального просветителя — «нигилист», который в противовес поповщине, философским словесным высотам и дворянскому эстетизму выступал с проповедью точных наук, материализма, простоты в людских отношениях и радикальных политических взглядов. Он заклятый враг не только казенной России, он груб, язвитель и непочтителен и по отношению к «отцам» из лагеря сороковых годов, которые к этому времени в значительной своей массе уже превратились в заправских либералов, апостолов умеренности и аккуратности. Ярким отражением этой борьбы между «отцами» и «детьми» является разрыв Тургенева с «Современником». Либеральный дворянин Тургенев не смог помириться с идейной гегемонией «семинаристов» Чернышевского и Добролюбова. «Прогрессивное русское общество» раскалывалось на два враждебных лагеря. Классовые корни этого раскола очевидны. «Отцы» в подавляющей своей массе становятся предтечами русского либерализма по его дворянской линии, которые потом сливаются с промышленной его (либерализма) ветвью. «Дети» же (разночинцы, «кухаркины сыны») в дальнейшем комплектуют ряды радикально-демократических и социалистических группировок и течений.

Как декабристы и люди сороковых годов, так и шестидесятники формировали свое мировоззрение под непосредственным влиянием революционных движений и умственных течений Запада. Чернышевский отдавал себе совершенно ясный отчет о событиях 1848 года и оттачивал свое оружие и против самодержавия и против либералов. Он был превосходно знаком с идеями утопического социализма и, будучи фейербахианцем по своим философским взглядам, дал в своих работах блестящие образцы материалистической трактовки вопросов экономики, критики и публицистики. Н. Г. Чернышевский с полным правом может считаться ближайшим предшественником русского марксизма, «отцом» Г. В. Плеханова.

С другой стороны, в России получили широкое распространение взгляды так называемого «вульгарного» материализма Бюхнера и Молешотта, которые, однако, в это время толкали сознание русской интеллигенции вперед и давали ей превосходное оружие для борьбы как с мракобесием, так и с туманными высотами спекулятивной философии. И, наконец, достижения и открытия естественнонаучной и технической мысли широко пропагандировались шестидесятниками, которые по своему умственному развитию стояли головой выше своих противников из лагеря охранителей и лагеря либералов.

Мы, таким образом, видим, что на всем протяжении первой половины XIX века идеи Запада оказывали исключительное влияние на умственную жизнь России. Процесс этот продолжался и во второй половине минувшего века и завершился идейной гегемонией марксизма. Выступивший в конце прошлого века на арену классово-борьбы пролетариат оказался вооруженным теорией научного социализма Маркса, Энгельса, с помощью которой его представители — социал-демократы, а в дальнейшем коммунисты, не только покончили с помещиками, но и с буржуазией. Такое влияние именно радикальных и социалистических идей Запада находит свое объяснение как в расположении общественных классов старой России, так и в факте громадного опережения России Западом — как в экономическом, так и политическом и культурном отношении. События сложились так, что российская буржуазия сошла со сцены, не вкусив от плода политического господства. Несколько месяцев существования Временного правительства, да и то под дулом пистолета пролетариата и крестьянской бедноты, не могут быть приняты всерьез. Буржуазии не удалось возглавить крестьянского движения, которое нашло своего вождя в лице пролетариата. Этим самым судьба буржуазии была предопределена. Тот факт, что буржуазия как класс выступила на сцену слишком поздно, привел к тому, что в царской России в смертельную борьбу вступили между собою классы с полярными интересами. Радикальная интеллигенция шестидесятых годов, следуя примеру своих предшественников и заведя свой пример потомкам, брала из идейного арсенала Запада то, что соответствовало ее стремлениям и что имело в России социаль-

ную почву. Царское правительство задержало развитие страны на долгий исторический срок. Оно могло быть свергнуто только путем революции. Это понимали шестидесятники и делали все для приближения этой минуты. В этом их величайшая историческая заслуга.

В эту эпоху великого перелома в развитии России мы встречаем наших авторов на заре их юности. Теперь уже для нас нет ничего необъяснимого в том, что молодые князья Кропоткины, формируя свое мировоззрение, идут по пути господствующих идей шестидесятых годов. Известно, что силе революционного напора сопутствует разложение в среде господствующих классов, отдельные представители которых переходят на сторону новых порядков. Кроме того, мы знаем, что по вопросу об отмене крепостного права были величайшие разногласия в среде самого дворянства. Наиболее дальновидная часть дворянства ясно сознавала необходимость перестройки своего хозяйства на новых началах. Поэтому сама идея отмены крепостного права имела широкое хождение в среде самого дворянства. Любопытно отметить, что братья Кропоткины в своей переписке не обсуждают вопроса о том, целесообразно или нецелесообразно отменять крепостное право. Для них этот вопрос был решен. Их занимает вопрос только о шансах этого проекта, за прохождением которого они следят с величайшим вниманием. Их положительное отношение к вопросу об отмене крепостного права сразу ставит их в ряды так называемого прогрессивного русского общества.

Но прежде чем приступить к освещению идейного пути, проделанного братьями в течение пятилетия 1857—1862 г., остановимся вкратце на личностях наших авторов. Мы знаем, что они происходят из древнего княжеского рода. Их дворянское происхождение обеспечивает им известное домашнее воспитание в детстве и открывает перед ними двери привилегированных учебных заведений. Но уже в детстве в их семье наряду с неизбежным французом-гувернером появляется разночинец-студент, который вносит в княжеский дом настроение тогдашней русской интеллигенции. Он не только учит мальчиков правильному письму, но и знакомит их с запрещенными стихотворениями и революционными идеями. Таким образом, уже с детства мальчики испытывают на себе

влияние «разночинцев». При свете нового сознания отвратительные явления крепостного права становятся для братьев совершенно нетерпимыми. В «Записках революционера» П. А. Кропоткин дает превосходные страницы, посвященные этому периоду жизни.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание,—это громадная природная одаренность юношей. Приходится прямо удивляться, что в такие молодые годы люди уже успели проделать над собой такую большую работу. Из «Записок революционера» мы знаем, что еще за два года до отъезда Петра Кропоткина в Пажеский корпус, т. е. когда ему было около 12 лет и Александру около 14 лет, братья издавали рукописный журнал под названием «Временник». Название журнала родилось, вероятно, не без влияния «Современника», что также указывает на источник, которым питался студент-репетитор и которым он делился со своими воспитанниками. В этом журнале братья помещали свои первые литературные опыты: Александр — стихи, Петр — повести.

Наряду с природной одаренностью братья отличались еще редким трудолюбием. Из переписки видно, как усердно работали братья над собой и с какой серьезностью относились к переписке. Мощная умственная хватка и исключительные трудолюбие и работоспособность — вот то впечатление, которое производят на нас авторы переписки. Поэтому неудивительно, что сочетание богатой эпохи с одаренными людьми дало блестящий эффект. П. А. Кропоткин вошел в историю как выдающийся революционер, крупный ученый и впоследствии крупнейший представитель анархизма. А. А. Кропоткин, человек безусловно выдающихся способностей, но лишенный железной воли брата и не нашедший твердого пристанища среди борющихся сил, кончает жизнь самоубийством в сибирской ссылке.

Переписка между братьями началась немедленно после отъезда П. А. Кропоткина в Петербург в Пажеский корпус. Из нее видно, что братья очень болезненно переживали разлуку. В семье Кропоткина Петр и Александр составляли тесное дружество, держась обособленно от старшего брата и сестры и находясь в открыто враждебных отношениях с отцом и мачехой.

Враждебное отношение братьев к отцу и мачехе объясняется не только соображениями личного и семейного характера. Помимо того, что отец держал сыновей «в черном теле» в смысле материальном, отпуская им на карманные расходы буквально гроши, разрыв между младшим и старшим поколением Кропоткиных носил глубоко общественный характер. Старший Кропоткин и его жена были типичными крепостниками и представителями николаевской эпохи. Младшее же поколение попало в жизнь в период, когда крепостнические устои рушились и началась либеральная эра, связанная с первыми годами царствования Александра II. Обострение отношений между охранителями старого и сторонниками реформ гарантировало углубление конфликта и в семье Кропоткина. По мере того как росли и мужали братья, становилось все более и более ясным, что жизненный путь братьев будет совершенно иным, чем путь их родителей. Классовое противоречие тогдашнего общества раскололо на два враждебных лагеря княжескую семью, представители которой сотни лет верой и правдой служили царской монархии. Все основания для этого раскола имелись в тогдашней объективной общественно-идеологической ситуации.

Следующий вывод, к которому мы приходим при изучении переписки, состоит в том, что ведущая роль в формировании мировоззрения братьев в этот период времени принадлежит старшему брату, Александру Алексеевичу Кропоткину. В его длинных и обстоятельных письмах он знакомит младшего брата с волнующими его вопросами и дает на них посылительные ответы. Поэтому крайне интересно проследить основные этапы в развитии его умственной жизни. Формирование его нового мировоззрения начинается с ломки религиозных представлений. Еще в пределах веры он отдает предпочтение рационалистическим элементам протестантизма перед православной ортодоксией. Его весьма интересуют воззрения средневековых еретиков, этих предтеч рационализма нового времени. Однако его увлечение лютеранством продолжается недолго. Через небольшой промежуток времени он приходит к рационалистическому атеизму. Вся эта эволюция его взглядов подробно излагается в письмах к брату, который с величайшим интересом и сочувствием их прочитывает. Вслед за этим начина-

ется увлечение А. А. Крпоткина материализмом молешт-бюхнеровского толка. Это означало, что он оказался целиком и полностью захваченным господствующими идеями передовой части тогдашнего русского общества. Но рационализм и его неизбежный спутник — скепсис — не позволили нашему автору длительно остановиться и на этой позиции. В дальнейшем он эволюционирует к кантианскому агностицизму. Он не сумел сочетать материализм естественнонаучный с материализмом в оценке общественных явлений. Для того, чтобы выработать более последовательное материалистическое мировоззрение, у него не хватало знания Фейербаха и гегелевской диалектики. Чернышевский, который был превосходно знаком с эволюцией гегельянства и Фейербахом, выработал гораздо более последовательное материалистическое миропонимание, являясь в этом смысле, как мы уже говорили, ближайшим предшественником русского марксизма. Способный, но деклассированный А. А. Крпоткин (деклассированный как социально — нищета после разрыва с отцом, так и идейно — порывистость и скепсис) не сумел подняться до мировоззрения великого мыслителя шестидесятых годов.

Однако не подлежит никакому сомнению, что умственная эволюция А. А. Крпоткина оказывала громадное влияние на Петра Алексеевича. Старший брат помог младшему освободиться от традиционных взглядов своей среды и направить свой ум и выдающиеся способности по другому пути. Но на этом его влияние и кончается. В письмах юности П. А. Крпоткина уже чувствуется самостоятельный и спокойный ум, нащупывающий свой собственный путь. Его мировоззрение формируется медленнее, но прочнее. Александр увлекается философией и поэзией, Петр упорно работает над точными науками и историей. Вращаясь в кругу одних и тех же общих идей, юноши складываются в два различных по своему характеру и вкусам человека. В дальнейшем события увлекают П. А. Крпоткина в ряды революционеров. Он делает практические выводы из своих революционных взглядов. Он связывает свою судьбу с судьбой других общественных групп, порывая навсегда со своим классом. А. А. Крпоткин не сумел сделать этих выводов. Он был безусловным врагом крепостничества и сторонником радикальных идей. Но он по натуре



не был бойцом. В других условиях из него, вероятно, получился бы блестящий публицист, но варварские условия тогдашней России обрекли его на трагический конец в Сибири.

Не может быть никакого сомнения, что даже в частной переписке братья считались с жандармерией. Поэтому письма не вскрывают влияния на братьев заграничных органов Герцена — «Полярной звезды» и «Колокола». Мы знаем, что П. А. Кропоткин в Петербурге у княгини Друцкой эти издания читал. Они были превосходно известны и А. А. Кропоткину. Но как именно братья представляли себе желательный им ход событий, из писем не видно. Вероятно, их взгляды в эти годы не шли дальше дворянского либерализма, причем П. А. Кропоткин уже в это время рисуется левее своего брата. Перспектива революции мало увлекает А. А. Кропоткина. Он целиком остается в пределах просветительной идеологии. На основании юношеской переписки братьев Кропоткиных нет необходимости делать выводы об их дальнейшей судьбе. Она достаточно хорошо всем известна. Главный интерес первого тома «переписки» состоит в том, что она является ярким документом шестидесятых годов и отражает влияние эпохи в сановитой дворянской семье. В этом смысле письма являются первоклассным историческим документом.

\* \* \*

Суммируем сказанное. Братья Кропоткины в юношеский свой период целиком и полностью отразили общественную психологию шестидесятых годов. В дальнейшем П. А. Кропоткин шагнул от радикального просветительства в ряды революционеров. В этот период оформляются его анархистские взгляды. За границей он принимает деятельное участие в борьбе бакунистов против марксистов. В конце века он становится виднейшим теоретиком анархического коммунизма. В начале империалистической войны занимает шовинистическую позицию на стороне Антанты. Умирает глубоким стариком в 1921 году в Советской республике в разладе с эпохой. Таковы основные этапы в жизни этого выдающегося человека. В России он вырастает до революционера с яркой программой отрицателя существующего порядка, но с крайне туманными и

противоречивыми положительными взглядами. В его воззрениях причудливо переплетаются радикализм с либерализмом. В этом отношении он уступает целостной фигуре разночинца. Из России он уносит ненависть к государственной машине, что облегчает ему усвоение взглядов Прудона и Бакунина. Пролетарским революционером он не становится. До конца своей жизни он относится враждебно к марксизму, оставаясь представителем мелкобуржуазных группировок в революционном движении.

Второй том переписки поможет уяснить нам дальнейшую эволюцию взглядов этих двух выдающихся по способностям людей, которых мы оставляем на пороге их умственной зрелости.

*И. Смилга*

Москва, август 1931 г.

## ОТ РЕДАКТОРА

«Переписка» братьев Петра и Александра Кропоткиных охватывает период 1857—1871 гг.

«Переписка» началась с того момента, как младший из братьев, Петр, был отправлен в Петербург, в Пажеский корпус, а старший, Александр, остался в Москве в кадетском корпусе.

В «Переписке» братьев Кропоткиных мы находим живое отражение жизни и быта той эпохи русской жизни, которая характеризуется ломкой старых крепостных устоев и заменой их новыми. В письмах братьев-юношей мы ощущаем дыхание давно ушедшего прошлого, в них мы чувствуем аромат эпохи «шестидесятих годов» — эпохи, интересной во многих отношениях.

Но и помимо этого «Переписка» братьев Кропоткиных представляет большой интерес как переписка двух талантливых юношей, из которых впоследствии один стал выдающимся революционером, ученым и знаменитым теоретиком анархического коммунизма.

Наконец письма братьев Кропоткиных интересны и с чисто психологической точки зрения: начинаясь с 1857 года, когда старшему брату было 16 лет, а младшему всего 14<sup>1</sup>/<sub>2</sub>, «Переписка» показывает, как развивались оба брата и как из них складывались личности с разными характерами.

В настоящее издание вошли не все письма, сохранившиеся в архиве П. А. Кропоткина, но лишь часть, а именно те письма, которые имеют историко-общественный или биографический интерес. Некоторые письма печатаются в сокращенном виде, так как во многих из них встречаются повторения или же передается содержание тех или иных книг, прочитанных братьями. Некоторые письма, в особенности письма старшего брата, представляют целые рефераты по тому или иному вопро-

су. Конечно, печатать все такие письма целиком нет никакой возможности, и поэтому мы даем такие письма в извлечениях, или же совершенно опускаем.

Вся «Переписка» разделена нами на два тома: в первый входят письма за период 1857—1862 гг. — с момента поступления Петра Алексеевича в Пажеский корпус вплоть до его окончания.

Во второй том входят письма за период 1862—1871 гг., то есть письма из Сибири, где П. А. прожил 5 лет (1862—1867 гг.), и затем нами прибавлено несколько писем Петра Алексеевича к брату из Финляндии и Швеции в 1870—1871 гг., когда Петр Алексеевич был командирован Географическим обществом для геологических исследований.

«Переписка» братьев Крототкиных сохранилась благодаря заботливости старшего брата. Александр Алексеевич, ценя переписку с братом, еще в 1872 году взял у Петра Алексеевича свои письма к нему, подобрал их в хронологическом порядке, перенумеровал страницы и отвез их за границу (летом 1872 г.).

Когда же Александр Алексеевич решил возвратиться в 1874 г. в Россию, чтобы облегчить участь сидевшего в крепости Петра Алексеевича, он передал «Переписку» на хранение П. Л. Лаврову, бывшему в то время в Цюрихе. По словам вдовы Александра Алексеевича, Веры Севастьяновны Крототкиной, «Переписка» хранилась у Лаврова до 1899 года. В 1899 г. П. Л. Лавров переслал ее в Россию семье А. А. Крототкина (застрелившегося в 1886 г. в ссылке в Сибири).

В 1905 году Вера Севастьяновна Крототкина переслала письма Петру Алексеевичу в Англию, и Петр Алексеевич привез их с собою весной 1917 года в Россию в числе своих наиболее ценных бумаг.

## МОЛОДЫЕ ГОДЫ П. А. КРОПОТКИНА

Петр Алексеевич Кропоткин в своих «Записках революционера» рассказал нам частично поэму своей необычайной жизни. Но будучи по своей натуре очень скромным человеком, он сравнительно мало говорит о себе и о своих внутренних переживаниях:

Психологу и исследователю предстоит разрешить не легкую задачу: каким образом родовитый князь, камер-паж самодержца всероссийского, ученый географ, секретарь Географического общества превратился в анархиста-революционера, в рабочего агитатора и пропагандиста?

Что заставило юного князя П. А. Кропоткина добровольно уйти с «верхов» общества в «низы» и предпочесть жизнь гонимого революционера сытому благополучию царедворца? Что заставило молодого пажа променять царский дворец на казематы Петропавловской крепости?

Нам теперь, в современной обстановке, после великой революции, уничтожившей все старые классовые привилегии, трудно представить себе насколько необычен и резок был шаг, который совершил молодой П. А. Кропоткин, порвав со своим классом.

Сам П. А. в своих «Записках революционера» очень кратко говорит о том, что заставило его уйти из «высших» сфер. В этом отношении его письма к брату из Пажеского корпуса освещают несколько подробнее этот вопрос.

К сожалению, и «Переписка» далеко не полно отражает духовное развитие Петра Алексеевича. О многом братья умалчивают, о многом говорят вскользь и полунамеками. В ту эпоху даже в частных письмах нельзя было писать обо всем открыто.

Но тем не менее «Переписка», которая началась между братьями с момента поступления П. А. в Пажеский корпус и продолжалась 10 лет, дает нам возможность познакомиться с процессом формирования личности П. А. Кропоткина.

В этом отношении письма П. А. к брату являются ценнейшим дополнением к «Запискам революционера».

Родословное дерево Кропоткина своими корнями уходит далеко в глубь русской истории. И недаром отец П. А. не раз говорил сыну:

— Ты знаешь, откуда идет наш род?

Подводя сына к пожелтевшему от времени пергаменту, висевшему на стене в кабинете, отец с гордостью читал сыну:

«Род князей Кропоткиных происходит от князей Смоленских. В родословной князей Смоленских, находящейся в Бархатной и других Родословных книгах, показано, что правнук великого князя Владимира Святославовича, крестившего русскую землю, великий князь Владимир Всеволодович Мономах имел сына Мстислава, князя Смоленского, а у него был сын Ростислав князь Смоленский же, которые потом находились и на великом княжении Киевском. Потомок сего князя Ростислава князь Святослав Иванович имел внука князя Дмитрия Васильевича Кропотку. Потомки сего рода князья Кропоткины многие служили российскому престолу стольниками и в иных знатных чинах и жалованы были от государей поместьями и другими почестями и знаками монарших милостей. Все сие доказывается сверх российской истории Бархатной книгой и справкой Разрядного архива...»

Правда, не все предки П. А. были верными слугами престола. В Смутное время один из Кропоткиных ходил с Тушинским вором, то есть с восставшим крестьянством, против московского боярства. Возможно, что за это род Кропоткиных и попал в опалу у Романовых, и ближайшие предки П. А. не занимали высоких государственных должностей.

По матери П. А. был украинец, потомок запорожских казаков, той украинской вольницы, которая создала в XVII веке на берегах Днепра, в Запорожьи, своеобразный общественный строй жизни.

Один из предков П. А. по матери, Иван Сулима, был гетманом запорожским, и в 1635 году его захватили поляки в плен и четвертовали в Варшаве. Дети и внуки этого Ивана Сулимы были также запорожские казаки и боролись за независимость Украины.

Таким образом, в лице Петра Алексеевича Кропоткина соединились две главные ветви славянского племени: великорусская и украинская. Сам Петр Алексеевич в разговорах нередко называл себя «скифом».

Правда, дед и прадед П. А. по матери порвали уже связь с традициями вольного казачества и служили в качестве военных генералов у русских царей. Отец матери П. А., генерал Николай Семенович Сулима, был одним из видных участников войны 1812 года, а затем долгое время занимал пост генерал-губернатора Западной и Восточной Сибири.

Таким образом, родовая традиция П. А. тысячами уз прочно и крепко соединяла его с родовитым барством.

Петр Алексеевич Кропоткин рос и воспитывался в тяжелой обстановке крепостной жизни, когда многомиллионные массы крестьян были, по выражению Герцена, «крещеной собственностью» помещиков.

Детские годы П. А. протекали в мрачную эпоху «николаевщины», когда глухая реакция тяготела над всей русской жизнью и когда символом политической свободы был кнут.

У А. С. Пушкина при описании русской жизни той эпохи вылились такие строки:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,  
Присвоило себе насильственной лозой  
И труд, и собственность, и время земледельца.  
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,  
Здесь рабство тощее влачится по браздам  
Неумолимого владельца.  
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,  
Надежд и склонностей в душе питать не смея,  
Здесь девы юные цветут  
Для прихоти развратного злодея...

В своих «Записках революционера» П. А. Кропоткин посвящает много страниц описанию крепостной жизни, и эти

мастерски написанные страницы рисуют нам то бесправие и тот гнет, какие испытывал русский народ.

Тяжелая социальная атмосфера усугублялась для П. А. еще и тяжелой семейной обстановкой. Отец П. А. был грубый помещик-самодур и «николаевский» военный служака.

Будучи человеком сравнительно богатым, обладая крупными имениями в трех губерниях, Алексей Петрович Кропоткин держал своих детей в «черном теле» и был деспотом в семье. По мере того как дети росли, разнь между отцом и детьми увеличивалась все больше и больше, и в семье Кропоткиных мы можем наблюдать очень яркое проявление борьбы «отцов и детей», столь характерной для эпохи шестидесятых годов.

«В начале шестидесятых годов,—говорит П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера»,—почти в каждой богатой семье происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддерживать старые порядки, и сыновьями и дочерьми, отстаивавшими свое право располагать собою и жить согласно собственным идеалам».

Эта борьба шла и в семье Кропоткиных. По некоторым письмам братьев, и в особенности старшего, Александра, мы можем видеть, до каких пределов доходила иногда эта «борьба отцов и детей».

Свои лучшие черты П. А. Кропоткин, возможно, унаследовал от матери, которая была, повидимому, высокоодаренной женщиной. Она любила и понимала музыку, поэзию и искусство.

После ее смерти в ее бумагах нашли переписанные ее рукою запрещенные стихотворения Пушкина и Рыльева и переводы из Ламартина.

Любовь к музыке, поэзии и искусству передалась и ее детям, в особенности младшему сыну, Петру Алексеевичу. Он страстно любил музыку и сам хорошо играл на рояле, увлекался рисованием.

Рано лишившись матери, П. А., как и его старший брат Александр, был отдан на воспитание немке-бонне и русской крепостной няне, которые потом были заменены гувернером — французом и русским учителем — студентом.

Позднее домашнее воспитание сменилось школьным.



По личному распоряжению царя Николая Первого П. А. Кропоткин был зачислен в «Пажеский его величества корпус» и в 1857 году был отвезен в Петербург. Пажеский корпус представлял собою закрытое военное учебное заведение, где воспитывалось около 150 мальчиков — детей высшего дворянства первых трех разрядов, занесенных в «бархатные книги».

Все воспитание пажей было направлено к одной цели — сделать из них верных и преданных защитников «престола», верных слуг самодержавия.

От одуряющего и отупляющего влияния Пажеского корпуса П. А. Кропоткина спасли, быть может, его врожденная даровитость и его неутомимое стремление к знанию.

В этом отношении большую роль в жизни П. А. сыграл его старший брат Александр Алексеевич. В то время как П. А. воспитывался в Пажеском корпусе в Петербурге, его старший брат учился в кадетском корпусе в Москве. Оба брата, бывшие с юных лет вместе, остро почувствовали горечь разлуки, и у них началась обширная переписка.

Старший брат был значительно развитее Петра Алексеевича, он направлял его внимание на различные вопросы и будил его мысль.

«Саша сильно опередил меня в развитии, — пишет П. А., — и побуждал меня развиваться. С этой целью он поднимал один за другим вопросы философские и научные; присылал мне целые ученые диссертации в своих письмах, советовал мне читать и учиться. Как счастлив я, что у меня был такой брат, который при этом еще любил меня страстно. Ему больше всего и больше всех обязан я моим развитием».

Молодые годы Петра Алексеевича Кропоткина и его брата протекали в эпоху «шестидесятых годов» — в эпоху «возрождения России», как называет это время сам Петр Алексеевич.

И, действительно, в это время в России рушились старые устои экономической жизни, перестраивался быт и совершалась коренная ломка всех взглядов и понятий.

После Крымской войны 1854—1856 гг., окончившейся для России полным поражением, всем стала ясна невозможность дальнейшего существования крепостного права.

«По всей России пошли крестьянские бунты, доходившие до таких размеров,— пишет П. А.,— что на «усмирение» посылались уже не роты и не батальоны солдат, а целые части с артиллерией»<sup>1</sup>.

Даже правящие верхи увидали, что нельзя успешно строить всю экономическую жизнь страны на подневольном, рабском труде крепостных. Крепостной уклад жизни экономически стал невыгоден для государства. И жизнь с жестокой неумолимостью показала неотложность отмены крепостного права.

А отмена крепостного права неизбежно требовала реформ и в других областях жизни. Самодержавие вынуждено было пойти на уступки, и в России началась эра так называемых «великих реформ».

Все передовые и мыслящие люди были захвачены этим движением. На страницах журналов разрабатывались проекты освобождения во всех частях. Герцен в «Колоколе» и в «Полярной звезде», Чернышевский в «Современнике» посвятили ряд статей так называемому «крестьянскому вопросу». Эти статьи читались и перечитывались всеми. «Современник», — пишет Петр Алексеевич, — читался в гвардейских полках едва ли не столько, сколько в либеральных кружках»<sup>2</sup>.

Новые веяния проникали даже и в стены такого благонамеренного училища, как Пажеский корпус, и отражались даже в кругу родственников П. А.

С революционной литературой Петр Алексеевич знакомится впервые у своей тетки княгини Друцкой. Герцен только что начал тогда издавать в Лондоне «Полярную звезду», которая быстро распространилась в публике.

«Я почти с молитвенным благоговением,— вспоминает Петр Алексеевич,— глядел на напечатанный на обложке «Полярной звезды» медальон с изображением голов повешенных декабристов — Бестужева, Каховского, Пестеля, Рылеева и Муравьева-Апостола».

Таким образом, мы видим, что уже в корпусе, будучи совсем мальчиком, Петр Алексеевич постепенно освобождается от

---

<sup>1</sup> Из неизданных вариантов «Записок революционера» из «Архива Кропоткина».

<sup>2</sup> Из неизданных вариантов «Записок революционера».

предрассудков своего класса. В этом освобождении громадную роль сыграла русская литература. Некрасов своими стихами, полными скорби о горе народном, заставил задуматься над судьбою трудящихся масс. С другой стороны, сам П. А. говорит, что «красота и сила творений Герцена, мощный размах его мыслей, его глубокая любовь к России охватили меня».

Вопрос — будет или не будет освобождение — глубоко волновал Петра Алексеевича.

«По воскресеньям вечером, когда товарищи возвращались из отпуска, — пишет Петр Алексеевич, — я спрашивал, что говорят о воле их родные. В начале 1861 года вести приходили все хуже и хуже.

— У нас дома говорят, что партия Валуева взяла верх. Хотят пересмотреть все положение, назначить новые комиссии, — говорили одни. — Освобождение решено отложить, — говорили другие, — боятся революции»<sup>1</sup>.

Но отложить освобождение крестьян было нельзя, и 5 марта Петр Алексеевич узнает, что воля дана, и «восторгу моему, — пишет он, — не было конца. Воля — и не воля. Никак нельзя было понять, в чем дело, так как объявлялась воля, а между тем крестьяне должны были оставаться почему-то крепостными еще два года.

Одно, впрочем, было ясно: крепостное право было уничтожено. Крепостному праву был положен конец».

Перед Россией открывалась новая эпоха...

Эпоха «шестидесятых годов — время общественного пробуждения русского народа — совпала и с умственным и научным подъемом в Западной Европе. В 1859 г. вышла знаменитая книга Дарвина «О происхождении видов», совершившая настоящую революцию в области науки. В это же время вышла другая знаменитая книга — Бюхнера «Сила и материя», ставшая своего рода евангелием материализма.

В эпоху 1857—1862 гг. был сделан целый ряд важных открытий в химии и физике. Естествознание и материализм совершали победу за победой над старыми, отжившими понятиями.

Все эти новые идеи находили горячий отклик и в России, проникая через все цензурные кордоны и запреты.

---

<sup>1</sup> Из неизданных вариантов «Записок революционера».

Из «Переписки» Петра Алексеевича с братом мы видим, как была захвачена передовая молодежь этими новыми идеями. В пространных письмах оба брата говорят о теории Дарвина, о материализме, о великих вопросах, волнующих человечество.

Но жизнь толкала молодого Петра Алексеевича в другую сторону. В 1861 г. Петр Алексеевич как первый ученик в корпусе назначается камер-пажем к царю. Таким образом, он становился лично известен государю, что считалось, конечно, важным шагом в дальнейшей карьере.

«Со странным, смешанным чувством вступил я в эту должность,—пишет Петр Алексеевич.—Вся придворная обстановка казалась мне чрезвычайно глупой. Ходить за императором на выходах мне нисколько не нравилось.

Но Александр II, только что освободивший крестьян, несмотря на всю реакцию, ополчившуюся против него, представлялся мне в несколько ином свете, чем он был на самом деле. Его окружал тогда ореол героя. Тогда, в мае 1861 г., еще не было признаков реакции, и Александр II представлялся всем тружеником, который старается провести в России целый ряд реформ, едва начатых освобождением крестьян. Суд, военные экзекуции, самоуправление — все это должно было быть переформировано. Ради личности царя я закрывал тогда глаза на придворную роль, которую мне придется играть»<sup>1</sup>.

Близкое знакомство с придворною жизнью и с царем рассеивает окончательно иллюзии у Петра Алексеевича, которые он еще сохранял относительно «облагодетельствования» народа «сверху». Он убедился, что ни царь, ни его приближенные не заботятся об интересах народа и об его нуждах.

Один незначительный факт окончательно убивает у П. А. веру в царя.

В январе 1862 г. в «крещенье», возвращаясь вместе с царем и великими князьями с «крещенского водосвятия», Петр Алексеевич был свидетелем такой сцены: старый крестьянин протолкался сквозь двойную цепь солдат, стоявших вдоль пути, и упал на колени перед царем, держа в руках прошение.

---

<sup>1</sup> Из неизданных вариантов «Записок революционера».

— Батюшка-царь, заступись! — крикнул он со слезами, и в этом восклицании сказалось все вековое угнетение крестьян.

Но царь сделал вид, что не заметил, ускорил шаги и прошел, не удостоив взглядом человека, валявшегося у него в ногах.

«Я шел за Александром, — пишет Петр Алексеевич, — и заметил в нем только легкое содрогание испуга, когда мужик внезапно появился и упал перед ним... Царь прошел мимо как истукан. Хоть бы голову повернул, хоть бы сказал одно слово: хорошо.

В этот же день в мое сердце закралось первое сомнение, первое разочарование в моем герое-освободителе Александре II».

Мысль молодого пажа неустанно работает... Он ищет выхода, стремится расшевелить своих товарищей, начинает издавать свою первую «революционную» газету и не скрывает своих оппозиционных взглядов. И еще в письме от 29 марта 1859 г. Петр Алексеевич пишет брату, что «теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся же теперь...»

В черновых рукописях «Записок революционера» имеется между прочим разговор Петра Алексеевича с его теткой, княгиней Друцкой. Тетка, слушая «крамольные» речи своего племянника и его восторженные отзывы о декабристах, с грустью не раз замечала:

— Смотри, Петя, и тебя когда-нибудь так же повесят, как и их.

Такая перспектива, однако, не страшила П. А. Но он не вступил на революционный путь, потому что в это время он не нашел своей дороги «в Дамаск».

Интересно отметить, что как Петр Алексеевич, так и его брат не испытали личного влияния революционеров той эпохи. Революционные идеи они воспринимали только через литературу, через книги.

В «Переписке» можно проследить, как оба брата сначала увлекаются почти одними и теми же вопросами, заботятся о выработке миросозерцания и развиваются первое время в одном и том же направлении.

Но по мере развития у братьев все более и более проявляется разница в характерах. Старший брат, обладая более

пассивной натурой, склоняется больше к отвлеченным наукам и философии, а младший брат, Петр, увлекается более конкретными науками. В то время как любимыми философами старшего брата были Кант и Гегель, младший брат отдавал предпочтение французским философам-рационалистам, преимущественно Вольтеру.

Оба брата, родившись и выросши в одинаковых условиях, получив одинаковое воспитание, тем не менее становятся разными людьми и по-разному относятся к жизни. С этой точки зрения оба брата представляют благодарный материал для исследователя. На самом деле, что же заставило одного брата стать революционером и бунтарем, а другого «лишним человеком» — Рудиним, как он сам себя называет, только говорящим хорошие слова?

В нашу задачу не входит разрешение этой проблемы. Здесь мы отметим только еще одну черту, обрисовывающую обоих братьев. Когда однажды отец побил Александра, то он, сообщая об этом факте своему брату Петру, пишет, что после нанесенного ему отцом оскорбления он профилософствовал всю ночь со своим старшим братом Николаем, а на другое утро пришел к отцу и... поцеловал его.

В ответ на это младший брат пишет: «Скажи, пожалуйста, что ты за баба такая? Отец бьет тебя и ты ничего не предпринимаешь, ты даже не обороняешься; когда дело дошло до драки, нечего церемониться, я бы сопротивлялся, таких господ учить надо».

И вот этот дух протеста и сопротивления, дух возмущения против насилия постепенно рос в душе младшего из братьев и заставил его в конце концов перейти в ряды революционеров.

В то время, как старший брат в письме 10 февраля 1861 г. пишет: «у меня нет идеалов, ни социализму, ни коммунизму я не верю... предвижу бурю, но в этой буре я не подниму никакого знамени...» — младший брат весь горит стремлением принять участие в социальной буре. Он волнуется, недоволен той медленностью, с какой идет работа по освобождению крестьян. Пробует издавать в корпусе революционный журнал, чтобы «расшевелить пажей». Одним словом, он, по выражению его старшего брата, «петушится».

Но готовый порвать с «родовой традицией» и уже полуосвободившись от предрассудков своего класса, Петр Алексеевич еще не видит выхода, не знает, что предпринять. Его в это время интересует преимущественно наука.

И Петр Алексеевич сообщает брату, что по окончании корпуса он оставит военную службу. Он мечтает сделаться историком (история сильно увлекала Петра Алексеевича еще в корпусе).

Но брат в ответ на это пишет:

«Нет, тысячу раз нет, ты не человек науки. Наука не для тебя. Научное поприще так тернисто, что только страстная любовь к науке и верность ей может поддержать на нем человека. У тебя нет этой страстной любви, не отрицай, Петя, я это вижу. У человека науки может ли вырваться такое жалкое опасение за кусок хлеба? Нет. Если бы ты жил для науки, ты был бы идеалистом в жизни, особенно в наши лета...» (письмо 23 сент. 1861 г.).

И Петр Алексеевич оставляет мечту стать историком. Он пробует писать повести и рассказы. К писательству он чувствует тягу с детства. Еще до поступления в корпус он аккуратно издавал ежемесячный журнал «Временник», в котором помещал свои первые литературные опыты.

В корпусе он пишет повесть «Наши соседи», затем рассказ из крепостной жизни «Воспитанница», очерк «Пребывание в Унцовске» (Мещовске). Эти первые свои литературные произведения Петр Алексеевич отсылает в редакции разных газет и журналов, но все они попадают в редакционную корзину.

Однако надо полагать, что эти повести и очерки П. А. были уж не так плохи. Брат, довольно строгий критик, прочитав очерк «Пребывание в Унцовске», писал П. А.: «Третьего дня я читал твою повесть «Пребывание в Унцовске» Ярцеву. Вдоволь посмеялись в иных местах, действительно очень порядочных и действительно юмористических. Повесть «Пребывание в Унцовске» в самом деле очень порядочная повесть, недостатки слога, не более... Васильковскому я тоже сегодня кое-что прочитал из твоей повести, ему также понравилось. Вообще «Пребывание в Унцовске» тебе, особенно 15—16-летнему мальчику, делает, как говорится, честь...» (письмо 26 марта 1860 г.).

Весной 1862 г. Петр Алексеевич окончил Пажеский корпус первым учеником и при выпуске был назван «отличнейшим» и «имя его было занесено на мраморную доску».

Таким образом перед Петром Алексеевичем открывалась широкая возможность блестящей карьеры. Но в то время в Петербурге началась реакция, и Александр II все больше и больше подпадал под влияние крепостников. Петр Алексеевич решает покинуть придворную жизнь и уехать в Сибирь.

Решение уехать на Дальний Восток Петр Алексеевич принял после долгих колебаний и вопреки советам брата. Брат уговаривал Петра Алексеевича остаться в Петербурге. Этого хотелось и самому П. А. Он мечтал поступить в университет и заниматься наукой.

Но отец и слышать не хотел, чтобы его дети—«князья»—шли в «студенты». Он грозил сыновьям (Александр точно так же стремился поступить в университет) «проклятием» и лишением наследства.

Правда, у П. А. была возможность попасть в университет и без помощи отца. Он знал, что ему стоит только заикнуться о своем желании кому-нибудь из великих князей, и ему, конечно, дадут стипендию. Но этого он ни в коем случае не хотел.

Преподаватель русской литературы в корпусе, профессор университета В. И. Классовский, убеждал П. А. не бросать научных занятий и поступить в университет.

— Поверьте мне, — говорил Классовской П. А., — вы будете гордостью России. Учитесь, поступайте в университет...

«Что я мог сказать ему, — пишет П. А. брату, — сказать, что университет моя мечта и что только затруднения в деньгах, тогда он сейчас же добьется мне стипендии, но я этого не хочу...»

И Петр Алексеевич отказывается от поступления в университет и сообщает отцу о своем желании ехать на Амур.

Отец, узнав о «безумном» решении сына, немедленно посылает великому князю Михаилу Николаевичу, начальнику военно-учебных заведений, телеграмму: «Сыну моему выходить на Амур запрещая».

Но Петр Алексеевич преодолел и это препятствие и вопреки воле отца уехал в Сибирь.



Но, уезжая в Сибирь, Петр Алексеевич готов уже примкнуть к революции, если она вспыхнет. И если старший брат писал в это время, что он «не поднимет никакого знамени в революционной буре», П. А., наоборот, в письме к брату от 18 февраля 1862 г. говорит:

Но если бы рук для борьбы захотела свобода,  
Сейчас прилечу на защиту народа...

И дальше он добавляет: «По первым симптомам можно при- скакать».

В Сибири, вдали от культурных центров, среди дикой и суровой природы П. А. занимается своим самообразованием. Он изучает природу далекого края, много путешествует, и в этой «школе жизни» формируется будущий ученый и стойкий революционер.

В Сибири закаляется не только его физическое здоровье, но и воля. И если в первые годы юности руководящая роль принадлежала старшему брату, в Сибири, наоборот, младший брат далеко обгоняет старшего.

В Сибири Петр Алексеевич окончательно отбрасывает пред- рассудки своего класса и становится демократом. В Сибири, где он прожил пять лет, Петр Алексеевич освобождается от всех уз, наложенных на него наследственностью и средой, в которой он вырос и воспитался. В Сибири он решает бро- сить военную службу и думать посвятить свою жизнь науке. В Сибири П. А. еще не революционер, но он уже не хочет жить паразитической жизнью привилегированного меньшин- ства. «От ликующих, праздно болтающих, обгагрющих руки в крови» П. А. решает перейти в другой лагерь—в лагерь борющихся за народное освобождение.

Во вступительной статье ко второму тому «Переписки» мы подробно остановимся на сибирском периоде жизни Петра Алексеевича, имевшем большое значение в развитии его личности.

*Н. Лебедев*

**ПИСЬМА БРАТЬЕВ  
ПЕТРА и АЛЕКСАНДРА  
БРОПОТКИНЫХ**



## 1857 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

С.-Петербург, 28 августа 1857 г.

Очень, очень давно не писал я тебе, милый друг Саша, и на то были причины: 1) я только 23-го поступил сюда, а до того времени жил с своей не любезной, а проклятой мачехой<sup>1</sup>. Нынче только собрался писать и сам не знаю, с чего начать—так много накопилось. Начну с первого твоего письма.

Напрасно ты буквально понял мои слова—я не одного с тобой мнения! Нужно было сказать о Серве<sup>2</sup>, но я не сказал, чтоб не поняла мачеха, а то бы она вывела, что ты веру переменял и т. п.

«Je ne suis pas poète»<sup>3</sup>—сказал я и теперь вижу, что, может быть, ошибся. Я писал это не думая, а по всегдашнему убеждению, давно укоренившемся во мне, и потому, что я прежде никогда не любил читать стихов. Ты тоже странный: даешь совет и извиняешься. Неужели ты думаешь, что я обижусь

---

<sup>1</sup> Мачеха — вторая жена отца Кропоткина — Елизавета Марковна, дочь адмирала черноморского флота Карандино. Алексей Петрович Кропоткин женился вторым браком в 1848 г., когда Петру Алексеевичу было шесть лет, а его брату Александру семь с половиной. Мачеха с первых же дней своего замужества не влюбила своих пасынков и старалась восстановить их отца против них, что ей в конце концов и удалось, особенно по отношению к старшему из братьев, как это мы увидим ниже из «Переписки». Такое отношение мачехи и дало повод мальчикам наградить мачеху эпитетом «проклятой». Иногда мальчики называли свою мачеху также «Пугачихой».

<sup>2</sup> Серве — испанский богослов XVI в., протестант, сожженный в Женеве в 1553 г. как еретик.

<sup>3</sup> «Я не поэт».

(Прим. ред.)

за совет, скажу, как прежде говаривал: ты старше меня только одним годом. Я всегда, всегда буду за совет благодарен: если он мне не понравится, неужели я это скрою от тебя?

На первое твое письмо ответил, — на 2-е почти не могу. Проклятая мачеха взяла его, вот как это было. Экзамен по случаю свадьбы Михаила Николаевича<sup>1</sup> был отложен до 28-го, следовательно, с ним вместе и мое поступление, а пока мы жили в одной гостинице рядом с железной дорогой, куда мачеха посылала каждый день смотреть, нет ли писем. Раз, когда я ходил к Желтухину<sup>2</sup> за чем-то и пришел, она мне отдала твое распечатанное письмо и как-то намекнула (не помню как, только очень хитро), что прочла, сказала, что ты пишешь глупости, но она не обижается на твои названия ее, как-то: «милейшая мачеха» и т. п., а потом прислала все вещи, но письма твоего не было; я спросил и получил ответ, что оно у нее, зачем оно ей, — не знаю, может быть, покажет папаше (она едет в Ярославль и велела никому не говорить). Дела бабкины не знаю как идут; он не унывает; теперь начинает утешаться, что его дело<sup>3</sup> скоро кончится.

Ну, заболтался я о бабке и о матке. Довольно. Скажу о себе. До сих пор я ничего не пишу, ничего еще не придумала моя глупая голова, да и признаться не до того было в первое время: теперь начинаю привыкать, а вместе с тем помышлять о нашей литературе, задавать себе вопросы: что писать? что переводить? Положим переводить найдется что, но теперь еще

---

<sup>1</sup> Вел. князь — брат царя Александра Второго, бывший в это время начальником военноучебных заведений.

<sup>2</sup> Генерал, директор Пажеского корпуса, куда был определен Петр Алексеевич.

<sup>3</sup> «Дело» отца заключалось, по словам Петра Алексеевича, как он передавал мне лично, в следующем: против него в 1857 г. было возбуждено преследование за злоупотребления по службе. Эти злоупотребления состояли в том, что А. П. Кропоткин, чтобы угодить своему корпусному командиру, генералу Гартунгу, по его просьбе записал в разряд «неспособных» одного из солдат, служившего у Гартунга «за управляющего». Этот проступок едва не стоил А. П. Кропоткину генеральского чина, которого он добивался всю жизнь. Благодаря связям и хлопотам жены дело удалось уладить, и отец Кропоткина получил чин генерал-майора.

(Прим. ред.)

неоткуда взять. У Кравченко<sup>1</sup> есть хорошие книги, но я не хожу к нему в отпуск по милости мачехи. Расскажу тебе дело последовательно: в самом начале просили Кравченко сообщать «все, все». Он так и делал, писал каждый день о делах, потом каждые две недели сообщал ход дел. Раз, перед тем как папашу предали суду, он написал мачехе, что «дела идут скверно, принимают дурной оборот, что папаша может быть предан суду. Но что это дело может кончиться пустяками, что не пишу князю, чтоб не быть зловещим ворогом, а вы передайте ему это в удобную минуту».

Это действовало на нервы ее сиятельства. Они испугались, при мне рассказывали папаше, что Николай Павлович<sup>2</sup> рад папашинуму несчастью, что он написал это, чтоб убить ее. «И ты напиши ему, дружочек, чтоб он не смел мне вперед писать, разругай его». Одним словом расписала это так, что батька под ее диктовку написал Леночке<sup>3</sup> такое письмо, что она несколько дней плакала, разругал ее и ее мужа. Спрашиваю: за что? Из-за каприза этой подлой бабы. Она же сказала мне в деревне, что не позволит мне часто ходить к сестре, что там много говорят вольного и т. п. и что она напишет об этом мужу. И написала она, действительно, и так написала, что папаша запретил мне ходить к Кравченко. Ей, конечно, полезно ссорить Кравченко с отцом. Леночка, как знаешь, должна была родить в августе. Она родила в ночь с 11-го на 12-е число, очень долго и ужасно мучилась, так что чуть не умерла, и что же? Бесполезно страдала, потому что ребенок тотчас умер... Мы приехали в Питер на 3-й день после ее родов, и не видели ее дней пять, теперь, слава богу, здорова, поправляется, но очень грустит.

Ты говоришь, что много намекаешь в своем «Детстве»<sup>4</sup> на

---

<sup>1</sup> Кравченко Николай Павлович — зять Кропоткиных, женатый на старшей сестре Петра и Александра — Елене Алексеевне, которая фигурирует в «Переписке» под именем Л е н о ч к и.

<sup>2</sup> Кравченко.

<sup>3</sup> Старшая сестра братьев, жена Кравченко.

<sup>4</sup> Повесть, которую намеревался было писать Александр Алексеевич и которую Петр Алексеевич хотел поместить в «издаваемом» им ежемесячном рукописном журнале «Временник». Случайно сохранившиеся номера «Временника» выставлены в Музее Кропоткина, в Москве.

воспитание, это отлично, но в таком случае пристанет ли название «Рассказов», не лучше ли «Воспоминание о детстве» или что-нибудь в этом роде. Ты пишешь, что хорошо бы вывести Никольское<sup>1</sup> в повести, я сам имел уже эту мысль—вывести его в повести, где хотел рассказать поступление в школу, впечатление от нового города: об этом. кажется, немного трактовали, а так как теперь мемуары очень в ходу, то отчего бы и не поместить; одно только меня удерживает, не много ли это будет, что два Крототкина оба пишут о детстве. Переводить не могу еще по той причине, что можно было бы купить какую-нибудь книгу, но... денег нет. Мне на собственные надобности не дано ни гроша, а дали три рубля сер., чтобы писать письма каждые 2 недели в Никольское и каждые две недели папаше, эти же деньги употреблять и на мытье перчаток, а «на орехи» не дали ничего. Не знаю, что делать. О «Сборнике»<sup>2</sup> вот мое мнение: выдавать бессрочными выпу-

<sup>1</sup> Никольское — родовое имение Крототкиных, село Мещовского уезда, Калужской губернии. В Никольском семья Крототкиных жила летом (см. «Зап. рев.», т. I, главы «Переезд в Никольское», «Наши соседи»).

<sup>2</sup> Речь идет об издании рукописного сборника. До поступления в корпус П. А. «издавал» сам рукописный журнал «Временник» (вероятно, в подражание «Современнику»). В этом «журнале» П. А. и его брат помещали свои первые литературные опыты.

В 1906 г. в с. Никольском среди старых бумаг на чердаке было найдено несколько номеров «Временника» (в настоящее время они выставлены в Музее Крототкина) и кроме того 4 листка в 1/8 долю листа: «Алфавитный указатель» статей в «Временнике» за 1856—1857 г., писанный рукой Петра Алексеевича. В этом указателе под буквой К имеется список статей и заметок, писанных П. А. Крототкиным. Здесь мы приводим этот список полностью: К р о т о т к и н П. А. «Воспоминание», стих. 1856, I, стр. 46. Кручина Абдул-Меджида, стих. *ibid.*, 51. «Не все бывает так, как мы хотим», повесть 1856 г., XI, стр. 53—59, 73—XI. Стих., *ibid.*, 70. Рассказ денщика, 1856, 91, 101, 107, 116, 136, 146. Герои, отрывок из повести, 1856, I, 94, 99, «Деревня ночью», стих., *ibid.*, 105. «Неверность», повесть, 1856, II, 4. «Весенняя прогулка», рассказ, *ibid.*, 53. «Урок», повесть, пер. с франц., *ibid.*, 91, 113. «Рассказ старухи», 1856, II, 105, 1856, III, 5, 29. «Взгляд на войну», 1853—1856 г., 1856, II, 123. «Об уме», пер. с фр., 1856, III. Слов. 15. «О пользе удобрений из гипса и навоза для хлебных растений», пер. с франц., 1856, III. Слов. 42. «Две ивы», повесть, пер. с франц., *ibid.*, 35, 49.—«Изобретение гравировки», пер. с фр. *ibid.*, 67.—«Раздел земли», — Шиллера, пер. с фр., *ibid.*, 90.—«Приключение в губернии»

сками, но чтобы мы не заленились (ведь русский человек, я сужу по себе, если дать ему волю, заленится ужасно и ничего не станет делать), назначить не менее как 4 книги в 15 листов каждая. Здесь ни одного человека нет, кто бы занимался литературой, двое или трое читают охотно, но предпочитают французский роман дельной русской книге. Следовательно, надежда на чье-либо сотрудничество должна лопнуть, мы одни деятели в «Сборнике».

Прескверно писать письма в Корпусе, беспрестанно мешают, начал 28 вечером, а теперь 31. Да, кстати, поздравляю тебя с твоими именинами и желаю... ну что для тебя лучшее, то и желаю.

Ты, может быть, уже знаешь, что я поступил в 5-й класс, т. е. во 2-й общий, срезался из математики. Я во все лето не брался за нее ни разу буквально, поэтому мне придется сидеть 5 лет, а если прибавят 5-й общий (а здесь об этом сильно поговаривают), то 6 лет, а здесь-таки скука порядочная, приходится слушать такие вещи, которые уже надоели: именно священную историю, арифметику и т. п. Притом с самого начала я надеялся на кашу. У нас в саду есть место, где сидят камер-пажи. Я этого не знал и пошел туда. Они мне закричали: «Эй, ты, прочь отсюда!» Думая, что это товарищи, я закричал, что подойду ближе, и пошел к кеглям. Они бросились на меня, и если бы не Талицын, которого ты, может быть, помнишь, они бы меня поколотили. Вследствие этого начали надо мною смеяться, не давали пройти ни шагу, чтоб не закричать: «Князь... (маленькая пауза) Кропоткин, или Хропоткин, Хопоткин», так что все в старших двух классах называли меня так; я смеялся, шутил, сам говорил им, когда они меня по несколько раз в день спрашивали, как моя фамилия, теперь это все утихает, и только

---

ском городе К.», рассказ, *ibid.*, 93. — «Вечер у соседей». Первая половина 1857 г., II, стр. 49. Вторая половина, *ibid.* 69., «Пребывание в Унцовске», очерки, первая половина 1857, II, 45. Вторая половина 1857, III, стр. 1. «Роскошь в Париже при Людовике XIV», 1857, II, 119 стр. Перевод из Ламартина, «Мысли о бсге, или Иегова», 1857, III, 73.—«Первая любовь», элегия, *ibid.*, 83.—«Воспоминания о детстве или скрытая жизнь», *ibid.*, 93. «Дуб», *ibid.*, 112. «Современная летопись в 1856 — 1857 г....» Дальнейшие страницы «Указателя» до буквы У утеряны. (Прим. ред.)



два дурака продолжают трунить, так что теперь еще жить можно.

Прощай. Скоро, может быть, начну писать что-нибудь и пришлю на имя Добрицкого (не помню его имени, ни где он живет) и остаюсь любящий тебя твой брат

*П. Кротопкин*

31 августа.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Прежде всего выписываю тебе статейку, мною составленную, об издании «Сборника» и правила, которыми должна руководиться редакция при принятии и помещении статей. Статейка об издании будет помещена тотчас же после тебе известной: «Обманывать мы не намерены».

«О б и з д а н и и. Трудно, почти невозможно нам быть деятельными в литературных занятиях, не имея ничего такого, что побуждало бы нас к тому кроме потребности высказываться. Нет ничего легче в таком случае, как залениться,— замедлить свое развитие,— а следовательно, нанести себе вред надолго, быть может, на всю жизнь. Сознание это заставило нас издавать сборник.

Цель его — возбудить нашу деятельность, а собрание ученых статей составит для нас школу.

Нет ничего хуже скороспелых произведений. Круг же наш так тесен и так мал, что собрание статей даже в очень продолжительный срок может быть иногда самым незначительным. Чтобы выпускать назначенное число листов в срок, очевидно, нам пришлось бы подгонять себя, и поэтому все наши произведения были бы скороспелыми, недозрелыми...

Приняв это в соображение, мы положили: издавать сборник в произвольные сроки, произвольным числом номеров, произвольным числом листов в каждом номере.

Р е д а к ц и я.

20 августа 1857 г.

Боюсь только, чтоб в «Сборнике» не помещались только мои да твои труды, хотя и это не беда.

В «Детстве»<sup>1</sup>, как я тебе говорил, я обращаю главное внимание на воспитание. Я не отказываю себе в уме сказать хоть что-нибудь дельное о воспитании, ибо если составить себе идеал воспитания вообще, а затем обратиться к своему собственному воспитанию, то разве не заметишь разницы? Пожалуй, ты скажешь: да не тебе, брат, составлять идеалы.

На это вот что скажу: правда, я не читал пока еще ничего о воспитании, сам мало опытен, но сам я поставлю главной задачей родителям: угадать натуру своих детей, а затем развить этих последних, сообразуясь с тем, что будет повелевать разум, — ужели я буду не прав? Но лучше всего увидишь ты все мои мысли на деле, в самых моих «воспоминаниях», тогда уж рассудишь, сверх ли своих сил поставил я себе задачу, или нет...

Помнишь, во время нашего грустного последнего свидания ты говорил, что можешь очертить семейство Толмачевых<sup>2</sup> гораздо полнее, нежели прежде, так как ты успел подметить многое. Мысль превосходная. Вот напиши искусные очерки— и будет еще прекрасный материал для сборника...

Да, вот моя статья о Веневитинове<sup>3</sup>... Веневитинов, которого я изучал с такою любовью и столько времени, верно мною понят. О Веневитинове у нас ничего почти не писали, его не знают. Но придет время, его узнают.. Если бог даст буду жив, до тех пор не буду спокоен, пока не напишу статью о Веневитинове. Вместе с мечтой о поступлении в университет мечта написать статьи о Веневитинове есть моя мысль задушевнейшая...

Объявляю тебе новость. Вчера (4 сент.) меня посетила татап<sup>4</sup> и так неожиданно, что я удивился. Во время всего свидания я упорно молчал, и Надежда Семеновна<sup>5</sup>, которая

<sup>1</sup> А. А. намеревался писать воспоминания о своем детстве. В «Переписке» эти воспоминания сокращенно именуется «Детство».

<sup>2</sup> Толмачевы—семья генерала, соседа по имению. Братья Кропоткины дружили с детьми Толмачевых и часто бывали у них. Семейство Толмачевых охарактеризовано П. А. в его «Записках революционера», в главе «Наши соседи».

<sup>3</sup> Веневитинов Дм. Вас. (1805—1827)—поэт; его поэзия проникнута философскими настроениями.

<sup>4</sup> Мачеха.

<sup>5</sup> Сулима, тетка братьев.

тоже приехала и к великому моему смеху (конечно, тайному), заметила: «Что это вы нынче такие серьезные? Видно, молодость-то проходит?» Мамап встретила меня словами: «Bon jour, милый друг Саша, вот к тебе приехала твоя «милейшая мачеха».

Ну, каково твое здоровье, занятия? Я ответил «хорошо» и кроме подобных этому 3, 4 слов ничего не говорил. Мамап много рассказывала о тебе; я слушал жадно все ее слова. Опять назвала она мои письма галиматьей и дала мне совет не писать тебе выражений, подобных «милейшей мачехе», ибо твои письма будут читать, и наконец в завершение дала мне 1 рубль серебром с словами: «Четвертак ты должен, на остальные будешь мне каждые две недели писать письма в деревню, а «на орехи» ничего не дала, как ты говоришь. Благословив меня и несколько раз повторив: «я не обижаюсь», она уехала. Прибыла она в Корпус около половины пятого, уехала около четверти седьмого.

Это свидание решило все. Наши прежние отношения кончились; ясно, что нельзя нам жить душа в душу; тем более, что в противном случае обоим нам (мне и ей) пришлось бы лицемерить, а я, по крайней мере, от этого отказываюсь. Отныне она будет видеть во мне только почтительного пасынка, и ничего более.

Теперь поговорю о твоей жизни. Ты не поверишь, как стало мне досадно, когда я прочел твои слова о камер-пажах. Говоря без преувеличения, кровь бросилась мне в голову, я задрожал и проклял их и по-русски и (сам не знаю почему) по-французски. Не думал я, что есть между большими такие дети, которые смеются над фамилиями. Два года тому назад это вывелось у нас даже из первой роты. Что же касается до двух продолжающих еще трунить над тобою болванов,— они отстанут. Только избегай до крайности обращения к посредничеству начальства: нехорошо, знаю на опыте. Лучше в 100 раз терпеть несколько времени, нежели жаловаться. Ты жалуешься на то, что не с кем душу отвести; правда, что это неприятно, но зато и не бог знает что. Приятеля иметь тебе скоро и желанья не будет, а наступит это тогда, когда ты совершенно обживешься и (главное) когда ты будешь завален книгами.

— Но нет, не все мне изменило,  
 Еще один мне верен друг,  
 Он для души моей унылой  
 Друзей здесь заменяет круг,  
 Его беседы и уроки  
 Ловлю вниманьем жадным я,  
 Они и ясны и глубоки,  
 Как волны бытия.  
 В его фантазии богатой  
 Я полной жизнью ожил,  
 И ранний опыт не купил  
 Восторгов раннею утратой...  
 ... Ему порок и добродетель  
 Равно несут покорно дань,  
 Как гордому владыке мира.  
 Мой друг, узнал ли ты Шекспира.

Так говорил Веневитинов. Как видишь, он друга нашел в книге; то же будет и с тобой, в чтении ты будешь находить отраду, равносильную отраде дружеской задушевной беседы.

А помнишь ли, я дал слово изучить немецкий язык к 1856 г. Но я не виноват. Отвлек меня от занятий им Минье; там Веневитинов и т. д. Но теперь я стал опять изучать его, но по маленьку, так что к выпуску, не ближе мая 1859 г.; с божией помощью труды мои будут увенчаны успехом. Если же и к тому времени не удастся мне, — буду продолжать офицером. Но ясно, мне невозможно не знать немецкаго языка, ибо я в противном случае буду нуль и (не шутя) весьма несчастливый человек. Страсть изучить Шекспира, Гете, Платона, Байрона, Гегеля, прочесть Ранке, и пр., и пр. возрастает во мне с каждым днем, и я иной раз чуть не плачу с досады; а изучив немецкий язык, я буду вполне удовлетворен, в сочинения поименованных мною писателей превосходно переведены на немецкий язык. А какова их литература! Все знаменитейшие политико-экономы, статистики, историки и пр., поэты, философы — по большей части немцы. Ну, словом, ты понимаешь, в чем дело. Следовательно и ты изучи немецкий язык; сам ты должен знать справедливость такого приобретения...

Пиши, если можно, почаще, но как это делать? Вот в чем беда. Да, — нет денег — и плохо...

*А. Крпоткин*

6 сентября, а начал 3-го 1857 г.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

10 сентября 1857 г.

Пишу тебе заблаговременно, буду писать понемногу, милый брат Саша, а потом соберусь и отправлю. У меня теперь есть 1 рубль сер.; мне мачеха оставила 1 руб. на подсвечник, а Кравченко мне дал свой подсвечник, а 1 руб. и остался у меня.

Скажу тебе сперва, что я начал писать повесть: «Поступление в Корпус». Я размыслил и решил так: 1) что в одном журнале 2 повести из Детства это не беда, об этом и говорить не стоит; 2) я могу под псевдонимом и 3) в нашей школе могут быть без различия все наши опыты, притом же теперь потребность на мемуары. В этом я буду иметь в виду Никольское, моего отца, потом, главное, Корпус и злоупотребления в нем, следовательно повторения того же не будет, наконец и Аксаков и Толстой писали о детстве, о разлуке с семейством и обрив сочинениям рады, тем более, что я о детстве ничего почти и не скажу, это показывает заглавие. Перешлю я ее тебе в письмах, тонкой бумаги можно класть в конверт 4 листа, а на 4 листах можно много уписать.

Скажу о переводах. Пока еще я ничего не нашел. Я у Кравченко был только два раза, потому что 3 сентября только мне пришло разрешение ездить в отпуск. У него есть «Dictionnaire philosophique de Voltaire» 12 томов, он запрещен и не переведен. В нем найдешь объяснение всех слов, встречающихся в области философии, например: «Esprit, Enterrement, Nature, Fin du monde, Superstitutions» и т. п. Эти слова объясняются (т. е. говорится об их происхождении, о том, что они такое и т. п., по 2, по 3 и по 10 страниц), и можно из них выбрать от А до какой-нибудь буквы. Вольтер объясняет это легким слогом, и эта книга самая лучшая из всех его сочинений. Не знаю, можно ли мне будет выбрать что-нибудь небольшое для нашего «Сборника»? У Кравченко есть отличные исторические сочинения, но очень большие. Впрочем в корпусной библиотеке есть: «Histoire des révolutions» — посмотрю, может быть, в ней есть отдельные статьи, и переведу.

Продолжаю писать «Поступление в Корпус», и замечаю большую перемену в слоге, пишется не так плавно, не так

скоро, как прежде, и едва ли выйдет из этого что хорошее, впрочем надежды не теряю, и может быть, эта перемена к лучшему, труд будет пообдуманнее. Он будет не менее 7 листов, а может быть и больше.

Мачеха взяла твои два письма у меня из шкатулки, оставшейся дома, когда я был в Корпусе первый день, и повезла их батьке, ему очень не понравилось твое письмо о религии, об арианском учении, и он запрещает мне писать тебе, поэтому ты не говори, что получил мои письма. В этот раз напишу тебе с Леночкою. Пиши ты, когда будут деньги. Здесь получить письмо от тебя будет вдвое веселее, чем в деревне, а там-то уж как черт знаешь чего, ждешь писем; тут, брат, страшная скука, делать решительно нечего и почти некогда, заняты пустяками, в классах читать трудно, а главное—ничего. Всего 150 человек (я почти всех знаю) и по крайней мере у 90 я в разные времена спрашивал книг, и ни у кого нет, в библиотеку еще не пожертвовал ничего и брать не могу. Скажу о моем житье в Корпусе. Мне хорошо, а главное тем, что меня полюбили все товарищи даже до 1-го класса (2-й специальный состоит из камер-пажей, которые все меня возненавидели), так что мое положение не худо. Здесь камер-пажи имеют огромнейшую власть, заставляют делать все, что хотят, и за малейшее сопротивление отколотят или накажут. Я с первого же раза (на 2-й день) насолил, конечно по незнанию этих правил, а на 2-й неделе по знанию их. За 1-е ко мне все приставали, как ты знаешь, за 2-е отколотили. Один камер-паж велел мне приходиться качать его на качелях в саду. Я ходил раза два, а на третий не пошел и ушел наверх. Он явился ко мне, раскричался, ударил раз шесть фуражкой и, бросив ее на пол, велел поднимать. Я не поднял. Он рассердился, сконфузился (это было при всех) и ушел. За это он прибил меня несколько раз линейкой, так что у меня два дня болела рука, по которой он бил. Потом мне все старички советовали, если он тронет еще раз, итти к генералу. Я находил это нечестным, но все решительно говорили, что так, как они делают это с нами, жалуются на нас, то должно тоже сделать это и с ними. Кто-то мне сказал, что за это они меня отколотят, и когда я это сказал другим, то из 2-го и 3-го класса мне сказали, что если они тронут меня, то все за-

ступятся; теперь этот господин, который бил меня, совершенно перестал меня трогать. Здесь впрочем собираются все-таки отпоччевать камер-пажей, потому что достаточно было раз напомнить, чтобы возбудить охоту сбавить спеси у этих молодцов.

Фу ты, сколько я наговорил о себе, и лист почти весь, больше листа нельзя. Впрочем надеюсь через неделю опять написать тебе, потому что это письмо сверхкомплектное.

Нынче (14 сентября) получил твое письмо, скоро отвечу на него; я очень рад случаю писать о Т о л м а ч е в ы х. «Поступление в Корпус» брошу на время. Это тем приятнее, что «Поступление в Корпус» шло плохо, кажется — я толковал о семействе. В следующем письме поговорим поподробнее обо всем. Я получил книги от Маликова нынче же. Прощай.

Твой брат

*П. Кропоткин*

14 сентября.

В корпусной библиотеке есть «Decouvertes modernes»<sup>1</sup>. Перевести что-нибудь! Я думаю, да. А впрочем, предпочту «Tableaux des révolutions»<sup>2</sup>, если можно перевести оттуда. Нынче я пожертвовал<sup>3</sup> «Горе от ума» и с понедельника буду брать книги из библиотеки. Теперь мне позволили ездить в отпуск, и пиши пока к Николаю Павловичу<sup>4</sup>.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

18 сентября.

Статейка о б и з д а н и и очень хороша, но вот чего я боюсь, судя по себе: желая выпускать свои сочинения в год только книжку, я боюсь залениться, имея в виду, что время впереди, в свободное время очень легко могу заняться чем-нибудь другим, чтением например, а не сочинением, не буду напрягать своих способностей, а буду писать так, для развлечения, для забавы; не знаю, как ты, а я такого рода, тем более,

<sup>1</sup> «Современные открытия».

<sup>2</sup> «Картины революций».

<sup>3</sup> В корпусную библиотеку.

<sup>4</sup> Кравченко, мужу старшей сестры Петра Алексеевича.

(Прим. ред.)

я с апреля ничего не писал, можно залениться, поэтому можно положить в 3 месяца не менее хотя 25 листов, или 20, как хочешь, а прозой переведенные стихотворения, если можно, не допускать вовсе, только когда дело дойдет до зареза, можно их принять. Переводным ученым статьям нечего, я думаю, отдавать преимущество перед повестями и т. п., а помещать все, что будет. Накопится листов 20 или даже 50, все помещать.

О м о е м п и с а н и и не могу сказать ничего, не понимаю, что со мною делается: начал писать «Поступление в Корпус», и посыпались у меня желчные выражения на прежнее воспитание и на стариков, которые живут теперь; я распространился о том, что не так должно воспитывать. Отчего это? и ты пишешь о том же. Чисто бессознательно, не думал, а так шло у меня с пера, прочел после, и вижу, что вовсе не то я хотел написать, что у нас одинаковые что ли способности? Ей богу, начинаю соглашаться с изречением Poulain<sup>1</sup>, что мы «deux têtes sous un même bonnet»<sup>2</sup>. С каждым днем ненавижу я все более Корпус. Ты не так понял мои слова: «не с кем душу отвести», не в том смысле, что нет друга, а нет никого с одинаковыми мне наклонностями, удивляюсь, что здесь за дурачье, или я сам глупее всех и мои наклонности глупы, со вторым, что мои наклонности глупы — трудно согласиться, а между тем посмотри кто-нибудь со стороны, и выйдет так; преимущество на стороне большинства; ты говоришь: будешь завален книгами, как бы не так. С тех пор как я здесь (скоро месяц), ни одной книги еще не нашел прочесть. Из библиотеки чорт знает почему не дают книг, скука, скука такая, что хоть умри, как говорят, в особенности идет день за днем и почти лучших дней жизни, и себе никакой пользы не приносишь, прозябаешь просто, а не живешь, ждешь воскресенья как блага, там только можешь душу отвести книгами<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Пулен — француз-гувернер братьев Кропоткиных.

<sup>2</sup> «Две головы под одним колпаком».

<sup>3</sup> По воскресным дням П. А. уезжал из Корпуса или к своей сестре и ее мужу Кравченко, или же к своей тетке Елене Петровне Друцкой. В семье Друцких П. А. впервые познакомился в 1858 г. с нелегальными произведениями Герцена и его журналами «Полярная звезда» и «Колокол». Эти журналы произвели на юного П. А. сильное впечатление. (Прим. ред.)



17 октября.

Через месяц принимаюсь за письмо, извини: я после этого письма написал тебе одно, в воскресенье кажется, а в понедельник заболел, пролежал в лазарете 1½ недели, вышел, поехал домой и на другой день опять заболел, и пролежал неделю до 12 октября; на другой же день я хотел писать, но не нашел этого письма, ни твоего и положил, что они остались дома, так и не писал, а сейчас случайно нашел.

Я нынче начал писать «Соседи по имению» про Толмачевых, сначала идет описание их деревни, а там посмотрим, что бог даст. Я обдумывал это все время до сих пор, большею частью в лазарете. «Вечер у соседей» — я может после напишу. «Поступление в Корпус» — я начинаю сочувствовать этому сюжету. Я сначала думал написать «Соседи по имению» с описанием какого-нибудь происшествия, вроде повести, но решил писать просто их характеристику.

Теперь мне хорошо — есть что читать. Я подписался в л е т у ч е й б и б л и о т е к е, которую содержит один офицер, недавно поступивший в Корпус. Я познакомился в лазарете и с ним можно по крайней мере поговорить. Цена в месяц с доставкой книг 2 раза в неделю 60 к. с., залогом он не брал с пажей. Теперь с 3 октября мне по 2 раза в неделю носят книги, которые я назначаю, так я прочел «Областные учреждения», «Восшествие на престол Николая», «Рыбаки», «Государственные мужи Греции в эпоху ее распада» Бабста, «Историю Афин» Куторги, месяц будет что читать, кроме того из ротной библиотеки 1-й том Г р а н о в с к о г о, «Сельская хроника», «Для легкого чтения» и еще кое-что. Некоторые товарищи прозвали меня за то, что я читаю исторические книги, «историком», а Завадовский увидал раз «Временнику», но к счастью поверил, что это списан мой дневник, который я вел в 53-м еще году. Не могу писать — до завтра.

Странная судьба этого письма, как долго оно пишется, оно пропадало у меня неделю в книге, которую я дал одному товарищу, а у него подверглось опустошению, которое ты видишь, он, думая что это записки из истории, оторвал то, на чем не было написано.

24 октября 1857 г.

Мои «Соседи по имению» подвигаются довольно быстро, я думаю сделать из них что-нибудь порядочное, я, кажется, довольно хорошо знаю характеры Толмачевых, авось напишу. У Николая Павловича я нашел несколько книг, годных для перевода, они имеют отдельные статьи, итак, в переводных ученых статьях недостатка не будет, надеюсь. Времени мало их переводить, когда я нахожусь дома в воскресенье, много перевести не успеешь, брать в Корпус книги у Николая Павловича трудно, он если и дает, то неохотно. Напиши мне, какую книгу я могу купить не дороже 1-25, может быть ты найдешь, я — нет: у меня есть 1-50 к., они остались от покупки воротника, на который мне прислали 10 р. Я прочел в Р. В.<sup>1</sup> что Станкевич<sup>2</sup> перевел из Минье речь Лютера на Вормском сейме, не из *Essais historiques* ли?

Второе твое письмо получил. Не поспешно ли твое решение о вере, ты сам знаешь, какой это важный предмет, сравнивал ли ты ее с нашей верою, положим, в православной церкви много вкралось злоупотреблений, но главные догматы, кажется, справедливы, впрочем я пишу это почти наобум, я не знаю, ни в чем состоит лютеранское учение, ни различия его от нашего, где бы это узнать, не знаю; потом мне кажется, что нужно много начитанности и умения толковать и понимать тексты, чтобы совершить шаг, который ты совершил, ты считаешь истинным учение Лютера и Серве, так какое же из них вернее, ты, значит, еще не решил этого, а между прочим принимаешь учение Лютера и все-таки считаешь учение Серве тоже верным, а они далеко не похожи друг на друга, сколько я знаю, значит ты не совсем веришь Лютеру, а между тем лютеранин в душе. Я, по крайней мере, нахожу, что все-таки лучше быть лютеранином, как ты, чем православным, как я, потому что я не имею никакой религии, я нахожу, что я жалок даже теперь, верю, что бог есть, что Иисус Христос есть, а между тем это все так неясно в моей голове, что я

---

<sup>1</sup> «Русский вестник», журнал, издававшийся Катковым с 1856 г. Вначале был органом умеренного либерализма, и в нем сотрудничали Салтыков, Лев Толстой, Тургенев и др.

<sup>2</sup> Станкевич Николай Влад. русский гегельянец 40-х годов, друг Герцена и Белинского. (Прим. ред.)

путаюсь, я испытываю то, что ты писал, что не можешь молиться, я даже невольно смеялся иногда, проходя мимо молящихся на площадке у дверей нашей церкви. Какая этому причина? Я думаю — та, что читал некоторые сочинения о предметах, касающихся религии, напр. *Dictionnaire philosophique* Вольтера, потом сам отвергаю некоторые догматы нашей веры, многие предания, которые казались мне нелепыми; я наконец дошел до того, что почти ничему не верю, это состояние, когда я думаю о нем, неприятно поражает меня и я не знаю, как выйти из него, я чувствую, что этого не должно быть, что долго я оставаться так не могу, я не вижу средств выйти из него, ты, если можешь, дай мне совет насчет этого, расскажи мне, какие твои религиозные понятия, вот что значит не иметь в наши лета руководителя опытного, дельного человека, самому одному трудно пережить это время жизни, оно переходное, а многие же никогда и не задумывались о религии и о вещах, которые мучают меня теперь, не знаю, отчего это. Я думаю, не та ли вера самая истинная, которая образовалась после Иисуса Христа тотчас, ведь Лютер изменил ее, а мог ли он сделать ее лучшею, чем Иисус Христос. Напиши мне пожалуйста об этом. Вообще это очень запутанный предмет, который я не могу себе объяснить, а очень желал бы. Нам нужно бы непременно с тобой видиться, многое бы разъяснилось, а трудно будет это сделать, проклятая мачеха хочет, кажется, непременно сама приехать в Петербург, а на праздники едва ли удастся съездить мне в Москву. Кстати о мачехе. Я думаю: не будь с нею резок, а вежлив, особенно не говори еще ничего о ней отцу, а с ним будь любезен, я начинаю чувствовать к нему любовь, небольшую (при любви должно быть сочувствие, его-то нет у нас), и обращайся с мачехой, как Коля, если помнишь. Скажи ей или отцу, когда увидишь, что я не писал о деньгах, которые Николай Павлович прислал, конечно, ни слова, я скоро напишу тебе письмо официальное с Леночкой, ты подай его, если спросят, что будет наверное.

\* \* \*

На Защука я сам не надеялся, ждал разве каких-нибудь стихотворений, а жаль его: если бы его раньше начать преоб-

разовывать, можно было бы сделать что-нибудь лучшее, чем он есть, а скажи мне пожалуйста, что ты ждешь от Шонина, можно ли будет ждать от него содействия «Сборнику», мне было бы интересно знать: он, кажется (сколько могу знать, не будучи почти знакомым с ним и Защуком), немного дельнее Защука.

\* \* \*

Скажу еще о религии: я обдумывал твой шаг и верю тебе, что учение Лютера истинно, но ведь легко заблуждаться, впрочем я думаю сам, что очень может быть и должно быть даже правда то, что говорил Лютер, потому что, сколько вижу из твоих переведенных догматов лютеранской веры, они вернее наших, но я еще не могу решить, какая религия вернее, не зная их различия и оснований, на которые опирается Лютер, постараюсь, впрочем, изъяснить это себе, и попрошу тебя, укажи мне источники, из которых узнать это, оно меня начинает интересовать, потому что я не имею теперь вовсе религии. Ты меня удивил, сказав, что ты улыбнешься, узнав, что я лютеранин, я сначала принял это за излишнюю скромность, не поверил искренности этих слов и потом только, подумав о тебе, поверил этому; напротив, я поверил тебе на слово, я, сам не знаю почему, имею сильное к тебе доверие, ты имеешь даже некоторое влияние на меня, и, рассудив теперь, я нахожу, отчасти по собственному убеждению, отчасти по доверию к тебе, что ты прав, перешедши в лютеранизм, впрочем я не совсем еще слепо верю тебе, а постараюсь узнать, прав ли ты или нет, меня мучит этот вопрос, и твое письмо разбудило меня, напомнило мне, что я не имею религии, что пора выйти из этого состояния, в котором я нахожусь года три, но впрочем довольно.

\* \* \*

Я предложил переводить из словаря Вольтера, потому что в нем каждое слово вроде статьи, особенно интересно, в высшей степени, все, касающееся религии, там я многое узнал, например он дельно опровергает разные вещи: конец света, существование Моисея и многие другие вещи, дает ясное понятие обо многом, и я теперь нахожу, что весь сло-

варь имеет важное значение для всех вообще, а для «Сборника» — перевод слов, касающихся религии, например, имел только то значение для нас, что мог бы разъяснить многое непонятное, чем переполнена наша религия, впрочем это было бы очень трудно переводить, потому что, если помнишь, в «Современнике»<sup>1</sup> было сказано, что Лессинг в совершеннолетнем возрасте (лет 20, 22) начал переводить словарь Вольтера и перевел до какой-то буквы, и все удивлялись этому труду. *Decouvertes Modernes* возьму завтра и начну переводить, переведу что покажется получше, по праздникам буду переводить другое, так что авось наберется что-нибудь, а там, может быть, куплю книгу, которую ты назначишь, и буду переводить.

Я читал в «Московских ведомостях» три, четыре стихотворения Полежаева, и они мне очень понравились; не знаю, как другие, посмотрим, они, может, будут у меня на-днях.

Письмо мое очень безалаберно, писалось месяц, словно дневник, и я много, кажется, написал вздору. Ничего, я писал не думая, что чувствовал. Прощай!

*П. Кротокин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

К величайшему моему горю, я более и более разочаровываюсь в убеждении, что имею достаточное количество познаний в эстетической критике для того, чтобы написать дельную статью о сочинениях Веневитинова... И теперь не могу понять, как мог я так смело взяться за труд, превышающий мои силы; труд, который может совершить как следует только тот, кто изучил всех великих мыслителей, кто знает эстетику в обширных размерах, словом тот, кто может уже назваться критиком, философом...

Все эти размышления суть плод здравого чтения одной книги, предметом исследования которой есть Прекрасное, составляющее только одну сотую часть эстетики. Книга эта перевод с итальянского и носит заглавие: «*Essai sur le Beau*»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Журнал, издававшийся в это время Чернышевским.

<sup>2</sup> «Очерки о Прекрасном».

За одно благодарю бога, что не даром пропали мои труды, что я по крайней мере изучил личность Веневитинова и познакомился с процессом критической разработки, до которого сам я, безо всякой посторонней помощи, достиг. А все-таки тяжело и оскорбительно для самолюбия.

Да, брат, это не пустые жалобы, плод разгоряченного воображения, а, напротив, жалобы, проистекающие из чувства своего бессилия, из разочарования, из нравственной боли от быстрого низвержения в ничтожество с высоты самонадеянности, гордой мысли о том, что многое знаешь, что уж в шестнадцать лет можешь произнести здоровое, оригинальное, самобытное и достойное любого второстепенного критика суждение о первоклассном писателе. А тем более тут присоединялась мысль, что первый высказываешь эти мысли...

Вот следовательно моя исповедь; ты узнал теперь, как глуп и как горд своими мыслями, мнимыми познаниями был я до той поры. Но бог даст, придет время, мои мечты хотя вполвину осуществляются; я не теряю надежды и продолжаю с таким же жаром, как и прежде, изучать философию и эстетику.

\* \* \*

Но вот еще предмет не меньшей важности.

В начале XVI века совершилась реформация, сущность которой должен я рассказать тебе вкратце для того, чтобы ты лучше понял то, что последует. Лучше же всего возьми «Всеобщ. историю; соч. Др. Фридр. Лоренца», часть III, и прочти; после этого тебе будет еще более понятно то, что я сейчас расскажу.

Реформация совершена Лютером, восставшим против страшных злоупотреблений римской церкви. Дело возникло из-за индульгенций<sup>1</sup>, которые продавали папы за деньги желающим, уверяя, что купивший индульгенции будет спасен и грехи будут разрешены(!!!). — Доктор богословия и философии, августинского ордена монах Мартин Лютер восстал против этого злоупотребления в 1517 году и ясно доказал

---

<sup>1</sup> Квитанции на отпущение грехов.

(Прим. ред.)

св. писанием, как подло и как противно истинному христианскому учению поступали папы.

Выходка смелого августинца была встречена самым горячим одобрением и не как простое восстание против злоупотреблений, но как восстание против папства и католицизма. Потребность нравственного и политического возрождения была всеобщая; науки находились в страшном упадке, деспотизм папы тяготел над миром, словом Европа чувствовала огромную потребность в радикальном перевороте. Еще до Лютера несколько человек подавали голос во имя религии против папизма, но, будучи поставлены в иных обстоятельствах (и уступая Лютеру в дарованиях), не имели успеха. Но теперь голос Лютера получил самые восторженные отзывы со стороны всей Германии... и Европа заволновалась.

Долго слишком было бы описывать тебе в высшей степени интересный и увлекательный ход реформации; повторяю: прочти сам в В. истории Лоренца, которая есть во всех военно-учеб. заведениях, а после в *Histoire de la Réformation par Michelet*<sup>1</sup>. Умолчу о событиях, изучать которые ты верно будешь с увлечением, и прямо перехожу к тому, что непосредственно меня касается.

Месяц тому назад мне попала в руки книга под заглавием: «Augsb. Confession»<sup>2</sup>, которая есть не что иное, как речь, сказанная знаменитым соучастником Лютера Меланхтоном императору Карлу V на Аугсбургском сейме, собранном в 1530 году для исследования учения Лютера и для его обсуждения. В этой книге я нашел довольно полное изложение лютеранизма с указанием на евангельские тексты, на которых он основан. Чтение этой книги вполне подтвердило меня в истинности того учения, которое с первого разу показалось мне высоким.

Скажу, одним словом, что я в учение Лютера верю и смело отвергаю перед тобою теперь и отвергал перед нашим (ученым,

---

<sup>1</sup> «История реформации» Мишле.

<sup>2</sup> «Аугсбургское исповедание» содержит основные догматы протестантского вероисповедания. Эта книга была поднесена германскому императору на съезде в 1530 г. в городе Аугсбурге (Бавария), почему и получила название Аугсбургской декларации.

(Прим. ред.)

носящим звание магистра богословия) священником недавно учение нашей церкви там, где оно не согласно с лютеранством. Поспешно ли я поступил, не знаю, но я уже втайне лютеранин; явно нельзя, не лишившись по бесчеловечному русскому закону имущества и всех дворянских привилегий, а потому я обязан молчать, ибо несмотря на то, что Христос сказал: «продай имение свое и раздай нищим и следуй за мной», увы, я еще не так тверд в своей вере, чтобы решиться быть нищим за то, что не верю так, как верят наши митрополиты.

Не довольно, по мне, слепо верить во все, что учат, а надо, по возможности, самому доискиваться истины, за право делать это восстал Лютер; за него стою и я, хотя наша церковь почитает таких людей отступниками. Я слишком не в духе, чтобы хладнокровно выставить тебе всю мерзость этого ее правила; может быть, со временем поговорю с тобой и об этом, но теперь я не в силах. Скажу одно, что с тех пор как я лютеранин, я перестал богохульствовать, я более не атеист, спокойнее в душе, Петя... Дай мне бог еще более познать истину его учения, чтение Евангелия возобновило во мне остывшему в течение 7 лет любовь к нему; я стал более христианином, с тех пор как перешел в лютеранство и совесть моя чище, — я это чувствую.

Книг у меня для чтения, вот уже 3 месяца, пропасть; так что, читая одну, менее пятнадцати в запасе я не имею; и главное все книги хорошие: Marie Stuart Минье, Илиада, Статистические очерки России, несколько сочинений об Индии, Тацита, Фукидид и пр. и пр., словом насчет этого я счастлив и только недостаток времени мешает мне совершенно погрузиться в море науки и поэзии...

Защук<sup>1</sup> купил Полежаева, и я читал его. Нравятся мне только 20 или 25 его стихотворений, а именно, в которых он говорит о своем падении и судьбе. Остальные что-то не больно хороши. Замечу, что Белинский тоже говорит это в своей статье о Полежаеве, так что верно это не мне одному так кажется. Замечу также, что дядя Ник. Ник. Сулима говорил мне.

---

<sup>1</sup> Товарищ А. А. Кропоткина по корпусу.

(Прим. ред.)



что покойница татап<sup>1</sup> страстно любила произведения Полежаева, имела его сочинения и жадно перечитывала их и учила наизусть. Желал бы я знать, что именно нравилось ей у Полежаева? Каким из его стихотворений она сочувствовала?

Однако довольно. Пиши мне поскорее и ответь на оба письма непременно.

*Александр Крпоткин*

Суббота, октября ... [число неразборчиво] 1857 г.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

7 ноября 1857 г.

Теперь я пишу «Соседи по имению», оно подвигается понемногу; из переводов я еще ничего не начинал. У Николая Павловича нашлась книга: *Les moralistes grecs*, в ней есть несколько отдельных статей: *Les entretiens memorables des Socrate, Sentences de Demosthene* и др. Я думаю переводить из нее, прочел *entretiens*, это вот в каком роде: говорится о жизни Сократа и между прочим некоторые из разговоров, не самые глубокомысленные, но все-таки хорошие. Прощлое воскресенье я думал переводить оттуда, но приехав нашел новую книгу: *Histoire de la Russie par Lamartine*, я все читал ее. Книга очень интересная в особенности по своим подробностям о царствовании Петра I и до Николая; об этом у нас мало написано (эта книга тоже запрещена), а потому я думаю перевести оттуда из царствования Екатерины II или др., что будет лучше. В Корпус я не беру у Николая Павловича, потому что если он, может быть, и даст, но я знаю, что неохотно, потому я должен буду переводить по воскресеньям. В Корпусе я не мог получить еще книги, мне не выдали: еще у меня на примете: *Découvertes modernes* и *Oeuvres d'Augustin Thi-*

---

<sup>1</sup> Мать Петра и Александра Крпоткиных — Екатерина Николаевна, урожд. Сулима (дочь генерала Ник. Сем. Сулимы), была далеко незаурядной женщиной — она увлекалась не только поэзией, но любила музыку и хорошо рисовала. После ее смерти в ее бумагах нашли много запрещенных стихотворений Пушкина и Рыльева, переписанных ее рукой. Повидимому, она не была счастлива в замужестве и умерла 35 лет от чахотки.  
(Прим. ред.)

erry, не знаю, что взять; в Aug. Thierry не знаю наверное, есть ли небольшие статьи, а в Découvertes modernes наверное. Так как я думаю взять последнее, ты мне теперь напиши, что лучше перевести, я думаю взять Histoire de la Russie еще потому, что наш сборник будет немного однообразен, все исторические статьи, не лучше ли разнообразить его? Итак, я думаю дома переводить Histoire de la Russie, а в Корпусе писать «Соседи по имению» и переводить Découvertes modernes. Еще вот что: дома есть Types et Caracteres Russes И. Головина, который эмигрировал в Париж от цензуры и пишет про Россию, что, конечно, запрещено. Это отдельные повести, я их еще не читал, но Николай Павлович очень хвалит, переводить есть что, да времени мало, в Корпусе пишу только по вечерам и то не всегда, часто отвлекает чтение, читаю я много из Лет. библиотеки. Теперь я начал переводить из Princip[ales] Découvertes (3-е изд. замечт 1858 г.) статью L'Eclairage au gaz. Вот причины, почему я ее выбрал: в книге, взятой мною, были Aérostats (24 листа) очень интересная статья L'Etherisation (15 лист.), L'Eclairage au gaz (8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> листов наших, печатных) и Poudre (12 лист.), не слишком интересная и менее делная. Лучше всех Aérostats, но чтоб перевести 24 листа, нужно времени 32 дня, меньше нельзя. Вечером в <sup>1</sup>/<sub>2</sub> часа я не могу перевести более <sup>3</sup>/<sub>4</sub> листа, а 32 дня я не могу продержать одной книги. Больше 2 недель нельзя. Дома я переведу Dieu et dieux из Лексикона Вольтера, а может, что-нибудь другое из него же.

Твои два письма получил в воскресенье. Напиши пожалуйста, когда ты успеваешь заниматься и как тебе не мешают товарищи. Зная, как вы проводите время, я пойму, как ты находишь время для своих занятий. На все твое о сборнике согласен, от сказанного прежде отрекаюсь. Не знаю, как помочь покупке бумаги, у меня есть 1 р. с., может мне дадут на рождение, но как переслать также и мои статьи? На тонкой бумаге переписывать это отнимет очень много времени, лишнего нет. Я думаю, когда переведу, послать по почте и деньги, сколько окажется можно израсходовать на покупку бумаги. Напиши, как ты думаешь об этом. Жаль Защука (если он не будет ни писать, ни покупать бумаги для «Сборника», то его в дележе книг не просят; они лучше у нас сохраняются). Напи-

ши, какую книгу ты советуешь мне купить, чтоб перевести что-нибудь. Нападки твои на воспитание наше очень схожи на мои, странное сочувствие, причины этому—одинаковые наши направления, а главное—воспитание; если вся твоя статья написана как эти отрывки, то слог не дурен, содержание не знаю, надеюсь, впрочем, что, сочувствуя предмету, как ты, нельзя не написать что-нибудь хорошее, но какая разница между последним твоим сочинением и этим, далеко подвинулся ты вперед, у меня слог, кажется, на так много переменялся, но, обдумывая «Вечер у соседей» и «Соседи по имению», нахожу необыкновенную разницу и теперь удивляюсь, как мог я ничего не сказать об этих характерах, а они достойны того, чтобы описать, очень даже таких людей много найдешь. Я, может быть, после опишу и других соседей. Не знаю, сказать ли про Ваню Толя. Кажется, он достоин описания, как тип губернского гимназиста. Недавно говорил я с Николаем Павловичем<sup>1</sup> о Вольтере и вот что он мне сказал: «Спросите любого ученого, атеист ли Вольтер или нет, всякий скажет, что нет, а почему его называли таким? Потому что его сочинения произвели французскую революцию 1789 г., как то говорят революционеры писатели, и родители монархисты, как наш отец, конечно, просили гувернеров удалить учеников от Вольтера, также и другие, подобные им по направлению», а основывались они на том, что Вольтер осмеивал предания как о Моисее и чудесах его, которые он очень дельно объясняет, потом и другие, которые я не помню. При появлении сочинений Вольтера, само собою, не могли не явиться толки о них, когда он прямо говорил, что многое написанное в ветхозаветных книгах вздор, его и называли атеистом, а между тем он прав, я убеждаюсь в этом, читая Dictionnaire philosophique. Я много узнал через это сочинение, и именно вещи, которые бы не могли притти мне в голову без него, я бы мог представить тебе примеры в подтверждение, но у меня такая память, что не помню. Ты мне говоришь: прочти это, это и т. д., но не спросишь, где это взять; наша библиотека очень мала, книг 200—250 и половина роскошных кипсеков никуда не годных — вот наша библиотека. Исторических книг стало по-

---

<sup>1</sup> Кравченко, зять Кротопкиных.

(Прим. ред.)

ступать довольно теперь только, а было очень мало. Всеобщей истории Д. Лоренца нет, а есть Всеобщая история, сочинение Cesar Contu. Потом вот затруднение: книги дают не более как раз в неделю, а иногда и реже. Découvertes modernes пробудет у меня 2 недели и в это время другой книги я взять не могу. Постараюсь достать Geschichte der Reformation у нашего немецкого учителя, но едва ль. «Пропилеи» я читаю — все томы. За философию примусь, но не знаю, где достать книг для этого. У Николая Павловича есть много книг философских, различные системы, я ничего еще не читал, не желая начать изучение философии так, зря. Вот, брат, в наши лета-то нужно опытного наставника, профессора, а не вроде Poulain'a, а то действительно можно теперь много наделать ошибок, и именно наставника, который бы назначил выбор книг по системе, теперь бы он мог принести много пользы.

Ты предлагаешь мне перейти в лютеранство, но сам ты еще не во всех догматах его уверен. Я еще не прочел твоей немецкой выписки, не имея лексикона—прочитав без него, я многое не понял, почти ничего даже, а потому не скажу ничего решительного, может быть, я и перейду в лютеранство, но наверное не знаю. Твои понятия о вере так еще шатки, что бог знает, ты можешь через несколько времени опять переменить свое мнение, я (впрочем, основываюсь на твоих доводах) сам хочу докопаться до истины; странно, до нынешнего лета мне ни разу еще не случалось задумываться о своей вере, христианин ли я, магометанин и т. п. Мои понятия о вере были ужасно запутаны, скорее я никаких понятий не имел, знал что есть бог и таинство троицы, что глупо кланяться иконам, и все наше богослужение глупо, что много вздора в свящ. писании, например, что чорт повел Иисуса Христа на гору, с которой были видны все царства земные, и предложил отдать их ему с тем, чтоб Христос поклонился чорту и т. п., а между тем я о справедливости своих мнений и догматов церкви не думал. Минье и твое письмо о серветизме раскрыли мне глаза (теперь я соглашаюсь с Серве). Вольтер говорит что-то похожее на это, что и где — не помню, но узнаю в воскресенье.

Нынче я еще читал изложение лютеранской веры, со всем, что я понял, согласен, но желал бы я знать также изложение догматов нашей веры, православной, чтобы сличить, тогда

ярче выступит разность между ними, недостатки, которые я замечу. Не знаешь ли, где бы это прочесть?

Очень запутанный вопрос о троице, трудно нам будет разрешить его. Если верить во все, что сказано в св. писании, то трудно согласить это с рассудком, как сказание о Христе и чорте. Св. писание ясно подтверждает учение о троице, ясно. как божий день и говорит нам, что «божия никтоже весть точию дух божий». Верить этому — вот что требуется от христианина, сомневаться запрещается, кажется; но вместе с тем есть бессмыслицы, всему не поверишь, а сомнение в одной истине поведет за собою сомнение в другом, и тогда придется отвергнуть все, и притом рассудок никак не хочет верить многому, да и нет возможности; как же сделать, чтоб отвергнуть эти сомнения, я запутываюсь в этом, — все это так темно, что я теряюсь в догадках.

Не помню, что я тебе сказал; кажется, что Лютер переменял учение Христа в некоторых частях, действительно я не обдумал, что не Христос сочинил православную веру (которая, как я думаю, не вернее у всех; она у греков, должно быть, была смешана с азиатскими обычаями, и наши послы выбрали ее за великолепие церковной службы); и потому я нахожу, что действительно сказал вздор.

Хотя я и согласен с твоими мнениями, но пороюсь сам в евангелии и постараюсь проверить это, и хотя во всем с тобою согласен, но не скоро еще скажу, что я лютеранин; нет, много еще времени подожду, посмотрю за собою, не меняются ли мои убеждения, и когда я увижу, что не нахожу противоречий, когда все уяснится мне и сомнений не будет ни в чем, тогда только я перейду в веру, найденную мною самою верною. Ты, как я думаю, поступил очень поспешно, теперь ты уже не уверен во многом, а кто поручится в том, что ты через несколько дней не найдешь еще предметы для сомнения, а в этом я уверен. Положим, что ты находишь православную веру неверной и говоришь: я лютеранин, но через несколько времени ты скажешь, что я последователь Серве, а после уже не найдешь и веры для себя, а эти переходы очень важны, это значит, что, переходя в лютеранство, ты не был уверен в его истинности во всех подробностях. Ты, мне кажется, хочешь разрешить догматы, которых никто не решил в течение 19 ве-

ков; все бились над ними, каждый решал их по-своему, и наконец все бросили их решать, веруя в то, что сказано прежде, повторяю, ты далеко зашел и можешь дойти до выводов пагубных; положим, ты жаждешь узнать, но я бы тебе советовал обратиться к людям опытным, занимающимся богословием, как германские профессора-богословы, а так как теперь ты этого сделать не можешь, то лучше ждал бы выпуска и там уже надо стараться разрешить вопросы, которые ты теперь можешь разрешить ошибочно и не подозревая этого.

Ты пишешь: перевести помимо всего Вольтера, но я дома только могу переводить Вольтера. У нас в Корпусе можно держать только книги, которые подпишет инспектор, а он, конечно, не подпишет Вольтера, притом эта книга запрещенная в России цензурой, следовательно нечего и думать о том, чтоб держать ее в Корпусе, а переводить ее дома по воскресеньям, много ли переведешь, а на несколько дней распустят только на праздники, до этого времени много еще осталось. Что делать? К новому году едва ли что поспеет, но спешить некуда, я буду, конечно, переводить статьи, большею частью касающиеся религии, это будет полезно нам обоим. Как видишь препятствий много, и не знаю, как мы их преодолеем, два сотрудника, времени мало, не знаю, что делать.

Скажу неприятную для меня новость. Читать мне решительно будет нечего. Запрещено подписываться в Летучей библиотеке, на которую я единственно полагался — потому что читали запрещенные книги, не отдавая подписывать инспектору, из ротной библиотеки нельзя брать по причине, которую я сказал. Займусь религией и переводами, а вот препятствие—в классах нет возможности переводить, поднимут на смех, меня и так уж зовут отцом-литератором за то, что я много читаю.

Ты пишешь: переведи те 6 строчек, но они были, кажется, написаны в 1-м твоём письме в Петербург, которое взяла ма-чеха; напиши мне их в следующем письме, больше не на что отвечать.

Скажу о семейных делах. Отец теперь едет в деревню, дело как кажется, кончится ничем, но он уехал рассержен, ругает Николая Павловича Кравченко<sup>1</sup> напропалую и всем пишет

---

<sup>1</sup> Зять Кропоткиных.

(Прим. ред.)

ругательные письма, например написал Гартунгу <sup>1</sup> письмо, ругал Гартунга за то, что попал по его вине; старик очень огорчился и сказал, что вот когда был под моим начальством, то смотрел в глаза, а теперь, как вышел, так и пишет дерзости; в этом письме он ругал Кравченко, говоря, что с Леночкиной свадьбы пошли на него несчастья, что Николай Павлович чуть не уморил Леночку и т. п. Это письмо прочли у Гартунга при всех, даже при чужих (как Кошкаревы), это очень огорчило Кравченко, поверишь ли, он заболел, желчь разлилась по телу, нервы расстроены. Я удивился, как такая крепкая натура может подвергаться влиянию таких причин неважных, а между тем так—это произвело на него сильное (впечатление) действие. Семейные дела, как видишь худы, бог знает чем все это кончится, хорош и отец, и мачеха дрянь. Ну, уж парочка! Прощай, скоро напишу тебе ответ с мнением о лютеранской вере.

*П. Крототкин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Прочел я твое письмо — и задумался... задумался, не потому что ты меня не понял, но потому, что, вообразив, должно быть, что я перешел в лютеранство лишь в то самое время, когда я тебе писал о нем, — ты почел меня за ветренного мальчишку, колеблемого безо всякого толка и не имеющего никаких убеждений... Твое письмо меня оскорбило.

Я говорил уже тебе, что я часто имел с попом нашего корпуса богословские споры... В понедельник, 19-го, затеял я с попом страстный и страшный диспут. Предметом спора, гласно производившегося перед всем классом, был основной догмат лютеранства, — об оправдании верой, — догмат, изученный мною превосходно... Я спорил с увлечением и тексты сыпались непрерывно. Тщетно старался батюшка меня опровергнуть... Но господь помог мне, чтение богословия принесло мне пользу...

Но дело этим не кончилось. Известный тебе Мюнхеймер (он лютеранин) по глупости своей донес обо мне ротному коман-

---

<sup>1</sup> Генерал, под начальством которого служил отец Крототкина.

(Прим. ред.)

диру, что я много толкую о лютеранизме и смеюсь над православием. Ябеда неслыханная, за что было Мюнхеймеру и неслыханное избиение ото всей роты. Будущие через 170 дней офицеры, мои товарищи, низшие, все восстало против него и страшное избиение линейками и затрещинами продолжалось трое суток; ему не давали есть; его преследовали те самые, которые как упрямые ослы, несмотря на все мои доводы, против меня же восставали в течение трех месяцев.

Ротный командир осмелял Мюнхеймера; самому мне ради смеха передал его странную жалобу.

На следующий день (Мюнхеймер) отправился к попу и донес про меня, что я ругаю православную церковь, публично проповедую лютеранство и т. п. истины. Попу, как сам он говорил после одному кадету, страсть как не понравилась эта ябеда, но как поп и как член православной церкви он позвал меня и вот что высказал (говорю без метафор), бледный от бешенства и весь дрожащий от злости (передаю его слова б у к в а л ь н о, я запомнил их хорошо, ибо тотчас же, как пришел в роту, рассказывал кадетам): «Дело приняло, однако, дурной оборот; я думал, что вы говорили как дитя, а потому старался быть с вами кротким; но теперь вижу, что у вас система и последовательность в убеждениях, а потому вы хуже всякого разбойника. Если хоть слово громко выскажете вы в защиту лютер. веры, я напишу про вас письмо Ростовцеву<sup>1</sup> и вы будете выгнаны из корпуса. Вы ругаете православную веру, но вы не смеете этого делать, потому что вы — православный». Я отвечал: «пожалуй, вслух не стану говорить».

Теперь я нахожусь с попом окончательно в ссоре: он растабарывал про меня, что я вредный человек, а потому я наговорил ему порядочно... С каждым днем, наперекор твоим догадкам, я более и более укрепляюсь в лютеранизме, но догмат о святых немного мешает...

И где ты нашел основания, чтобы сказать, что одна неделя пройдет — это покажется мне не так, другая пройдет, — покажется другое?.. Откуда взял ты, что мои понятия о вере

---

<sup>1</sup> Ростовцев Я. И., начальник военноучебных заведений. (Прим. ред.)



шатки? Не слишком ли тверды, Петя? Разве ты не видишь, что я лютеранин, так как думаю, что догмат о святых не может отнять у меня этого имени, но, если нельзя назвать меня лютеранином, то не мои ли это слова в прошлом письме: «такое мое вероисповедание; имени оно не имеет, но кажется истинно», а это разве противоречило первому письму моему о лютеранстве, в котором я сказал, что «во все лютерово верю, кроме догмата о святых и троице»? А не было ли это, напротив, еще большее подтверждение сказанного уже мною с самого начала? Следовательно ты никак не мог увидеть шаткости там, где ее нет; если я не могу назваться истым лютеранином,—ужели мне назваться кропоткинцем? Ты не рассудил, что это было бы неловко, и что вероисповедание без имени есть мое собственное, но не это главное; я только то хотел тебе доказать, что с первого дня, как я познакомился с лютеранизмом, я ни на пядь не отступил от своих убеждений.

Я так горячо стою за себя, ибо, скажу правду, твое письмо очень меня оскорбило; прочти мои три последних письма повнимательнее (считая и это) — и все тогда объяснится; нельзя тогда будет тебе упрекнуть меня в шаткости понятий; не след будет оскорблять так человека, не рассудивши.

Оставив это, опять-таки надо будет мне опровергать еще один, составленный тобою фантом, не менее обидный; ты говоришь, что я б е р у с ь р е ш и т ь в о п р о с, не решенный 19-ю веками; да откуда ты это выкопал?! Не я ли сказал, что н а д е ю с ь только его п о д в и н у т ь, и не подвинул ли даже перед твоими глазами? Серве ли так доказывал, как я в предыдущем письме? Его ли были это доказательства? Более всех толков твой совет об обращении к герм[анским] богословам, но до той поры ужели остановить мне свое мышление?

Ты спрашиваешь, когда нахожу время для чтения; твой вопрос, кажется, должен быть вот какой: когда ты находишь время заниматься уроками? Я, брат, с утра и до 12 часов ночи и в роте, и в классе, — все читаю посторонние книги и разве раз в неделю примусь на несколько часов за свои уроки. Конечно, упаси тебя боже следовать моей системе, ибо за нее я сижу в карцере. Что же до того, как делать, чтобы това-

рищи не мешали, на это отвечу, что кроме привычки нет решительно никакого средства.

*Александр Кропоткин*

29 ноября 1857 г.

К а р ц е р, или же, по названию кадет, «царствие небесное», — и точно, тут превосходно для всякого; компания всегда большая; сидишь не в комнатке, а гуляешь везде; в особенности хорошо тому, у кого есть деньги.

Собираюсь читать Шекспира в переводе.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Грустно, грустно, брат Петя! Знал ли ты эти гадкие минуты, которые переживаешь, когда видишь горячайшие надежды разлетевшимися? Знал ли ты ту тоску, которая не дает ничего дельного сделать, а погружает в бездействие и апатию? Таково теперь мое состояние, ибо я был убежден в Корпусе, что увижу тебя дома, что прямо в глаза скажу тебе: «я лютеранин», что изустно постараюсь обратить тебя в свою веру и что изустно поговорим мы с тобою о своих мечтах, предположениях и о «Сборнике». Можешь судить следовательно, какое удовольствие испытал я, входя в отведенную мне комнату, с какой досадою бросил я на диван «Аугсб. исповедание» и «III ч. Лоренца», которые нарочно принес для тебя, надеясь вместе, вдвоем, разобрать лютер. вероисповедание и проследить ход реформации. Вот уже 25 го вечером я кроме 10 стр. ничего не прочел, и только насвистывая (а свистеть я выучился пр е в о с х о д н о, в с о в е р ш е н с т в е) любимые мною заунывные мотивы из «Луcreции Борджиа» утешился я немало; но нынче еще ничего. А если бы ты видел меня вчерашний день, когда невольно заплакал я в гостиной (хорошо, что было темно) и когда тоска находилась на высшей степени, — ты пожалел бы меня. Я просил папаш дать мне скорей твои письма (я только нынче получил, и то последнее), чтоб хотя на них посмотреть, если тебя не вижу. Прибавь к этому состояние духа, возбужденное размышлениями о смерти поборника религиозной истины Иоганна Гуса, великого провозвестника, великого Лютера, — прибавь к этому грустное настроение от написанного мною по поводу его ужасной кончины (сож-

жение) с т и х о т в о р е н и я в прозе, и ты поймешь тогда, каков теперь твой брат, так недавно веселый и исполненный надежд, в исполнении которых он не сомневался.

Я прочел письмо — оно принимает плаксивый тон, а потому лучше не стану писать; мне стыдно так писать, Петя...

Первый период «Воспоминаний» (Воицман и Ульяна <sup>1</sup>) кончен: он займет не более 1 листа.— Я воображал, что гораздо больше, и вот что вышло. Немного таки я написал. Я начал «Roulaïn и Смирнов» <sup>2</sup>. Воспоминания доказали мне что я р е ш и т е л ь н о лишен творчества, или (что вернее) сам убил его слишком ранним развитием аналитических способностей. Увы, что делать — но это так! Пример не один и не первый: Веневитинов. — Миллер <sup>3</sup> мне это предсказывал, но я не верил, и вот наказание...

Философия и прочие науки решительно убили фантазию. Теперь мне остается один выход: писать или повести вроде Герцена, т. е. такие, в которых решается какая-либо философская и психологическая задача, или писать статьи ученые, или писать то, чему сам был свидетелем. Ни первого, ни второго, конечно, я делать не могу, следовательно остается 3, т. е. писать то, чему был очевидцем, и переводить...

А потому, советую тебе, Петя, так как ты творчества не лишен, и с к л ю ч и т е л ь н о не предаваться теперь наукам умозрительным. Философию ты изучай, но если почувствуешь влечение к ней, исключительно предайся ей не раньше, как когда тебе минет 16 лет...

В воскресенье я пойду в кальвиническую (реформатскую) церковь, а 6-го в лютеранскую т. е. свою, и надеюсь, твою. Забыл тебе сказать: катол. богослужение мне весьма не понравилось: попы говорят нараспев и режут непростительно гадко. Во французской католической было 4 священнослу-

<sup>1</sup> Воицман (Бурман) и Ульяна — бонна-немка и русская няня, которым было поручено воспитание мальчиков.

<sup>2</sup> Roulaïn (Пулен), француз-гувернер, воспитатель братьев; Смирнов — русский учитель, студент.

<sup>3</sup> Миллер Федор Богданович (1818 — 1881), талантливый поэт-переводчик. В 1857—1858 гг. был преподавателем немецкого языка и словесности в Первом московском кадетском корпусе, где учился А. А.

жителя; у главного сзади волочится по земле риза: так гадко. То ли дело лютеранское! Пастор одет просто, безо всяких риз, не как кукла, служит один...

От батьки денег еще не получил, ибо письмо отправил только в понедельник...

Как получишь это письмо, пришли на прошлое ответ, ибо что это значит, что я не дождусь от тебя писем; видишь, я до 6-го буду здесь, а потому если ты на мое последнее письмо еще не ответил, то пришли одно сюда к нам, сюда на этот адрес (буквально в таком же порядке):

Пречистенской части, в Левшинском переулке, в доме полковницы Фоминой, Лизавете Николаевне Аккерман.



Из окон прекрасно виден дом, где мы родились<sup>1</sup>.

Адрес попроси написать кого-нибудь другого, чтоб твоей руки не узнали.

Вспомнил: я ношу твое летнее бурое пальто; мне его дали носить, когда умываюсь, но я, так как я теперь больше люблю простую гражданскую форму, чем обтянутый казакин и т. п. одежды, — я его ношу постоянно. Рукава короткие, ибо плечи мои шире твоих, а потому рукава поднялись, но это ничего не значит. Немного странно кажется мне, что ты так жаждешь

<sup>1</sup> В этом доме (Кропоткинский, б. Штатный пер., 26) ныне помещается музей им. П. А. Кропоткина. (Прим. ред.)

погонов, неужели это тебя еще утешает? Впрочем, конечно, с ними лучше; я думаю, дома ты рад будешь ходить простым гражданином: оно лучше; в Европе это так делается, а у нас уже шаг сделан большой к тому же, ибо вспомни николаевщину, когда без сабли, сюртука и каски никто не смел выходить из дому даже ночью? Теперь же в свободное от службы время носят пальто. Не воображай, что это мне только дурь пришла; нет это теперь общий кадетский дух (у взрослых кадет 1—2—3 сп. кл.). Мы почти все больше уважаем простую, человеческую форму, чем военную: вообще же так называемый солдатизм окончательно упал в глазах всех кадет, и 2, 3 офицера, придерживающиеся к нему, к а ж д ы й д е н ь слышат грубости и шиканье...

*Александр Крпоткин*

Вскоре жди от меня большого и д е л ь н о г о письма.

## 1858 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

31 января 1858 г.

Только что имею силы тебе написать, пишу. Конечно, ты ничего не скажешь о получении этого письма мачехе, потому что доктор не позволяет мне писать, а писать ей письма не так приятно, чтобы я поспешил, я напротив помедлю ей писать. Получил все твои письма и отвечаю постепенно. Жаль, что мы не виделись на рождество, я думал повидаться с тобою или уж, по крайней мере, провести праздник дома и заняться переводами из Вольтера, теперь надеяться на переводы из него нечего. Мне запрещено ездить к Леночке вследствие неприятного для мачехи объяснения с Кравченко, потому что он просто-напросто прогнал ее, сказал ей все, что давно собирался, т. е. что она причина всех его неудовольствий с папашей и т. д. После я буду ездить к Друцкой<sup>1</sup>, — незавидная участь. Мачеха обещала мне взять меня на святки в Москву, надо просить ее непременно исполнить это. Тогда я привезу все, что успею наработать для «Сборника» и «Пребывание в Унцовске» для «Московских ведомостей» по твоему совету. Не знаю, как ты думаешь, переменить ли заглавие на «Мещерская ярмарка», или нет. Советую тебе вот что: при «Современнике», как ты верно знаешь, издается Историческая библиотека и в Москве предпринимается, кажется, что-то в этом роде. Но найдет ли там место твоя статья из Минье или даже в «Московских ведомостях», я думаю, да.

---

<sup>1</sup> Друцкая, Елена Петровна, тетка Петра Алексеевича (сестра отца), бывшая замужем за князем Друцким. (Прим. ред.)

\* \* \*

Во время своего пребывания в Петербурге мачеха говорила мне, что ты помешался, что ругаешь «образа», кажется, дойдешь даже до того, что переменишь веру, что ходил в лютеранскую церковь, а в нашей не бываешь, что на шее образа не носишь и пр. и пр. Ты писал мне, что не знаешь, что делать на исповеди, и прибавляешь: «но я решился». На что? Уж не хочешь ли ты объявить, что ты лютеранин, но подумай о [по] следствиях: тебя выгонят из Корпуса юнкером. Ты будешь лишен по закону дворянства и всех прав состояния; тебя непременно угонят куда-нибудь в отдаленные губернии России; от отца смешно было бы чего-нибудь ожидать, он сочтет тебя богоотступником и только; поэтому ясно, что было бы в высшей степени глупо и безрассудно делать это. Также к чему было толковать дома о чем-либо касательно религии, я понимаю, что тебе было, может быть, очень прискорбно глядеть на заблуждения этих не людей, а скотов, — меня самого бесят всегда эти предрассудки, но что же делать? Наконец какая при этом цель? Убедить их? — Это невозможно: сам Лютер бы этого не сделал, а спорить попусту—это тратить слова и портить кровь. «On ne peut pas forcer un âne a boire quand il ne veut pas»<sup>1</sup>. Я часто утешался этою пословицею и советую тебе то же, за нее очень благодарен Poulain'у.

Ты, кажется, думаешь, что «Соседи по имению» быстро подвигается, напрасно—у меня написано не более 2 листов все по причине частых болезней...

В последнем письме от 3 января ты пишешь: «молись», я чувствую необходимость молитвы, но не могу молиться: начну и не знаю даже, об чем молиться; я сознаюсь, что я нахожусь в прескверном состоянии, безверием палим и иссушим, действительно так. Я жду выздоровления, чтоб уяснить себе все, что так долго мне было неясно и без чего жить нельзя, как следует, и тогда авось составится у меня какая-нибудь вера.

---

<sup>1</sup> «Нельзя заставить осла пить, если он не хочет» (франц. пословица).  
(Прим. ред.)

\* \* \*

Сейчас только (1 февраля) был у меня Петр Толмачев<sup>1</sup>. Он все время распространялся о том что русские пристрастны ко всему иностранному, напр. к итальянской опере, что там вовсе нет замечательных талантов, а все бросаются туда, платят невероятные деньги за пустяки, все по пристрастию к иностранному. Певца де Бассини, который считается одним из лучших, называет дуб о с и н о в ы й, потому что он, говорит, настоящий дуб (действительно Бассини имеет очень величественную осанку), а при рассмотрении его игры он никуда не годен, как осина. Не знаю, но его хвалят, по крайней мере в Rigoletto. В драме Виктора Гюго: «Le roi s'amuse» он чудно исполнял драматическую роль шута, мне он понравился больше всех; не по пению (я в музыке ничего не понял с 1-го разу), но по исполнению роли. Петр С. (Толмачев) так много распространялся об этом, что не дал мне возможности заговорить об освобождении крестьян, хотя я и старался, но он ушел, впрочем я надеюсь в следующий раз, когда его увижу, исполнить это, я просил его навещать меня почаще, он обещался, Иван Сидорович<sup>2</sup> также, может быть, приедет, что будет очень хорошо, тут он будет в своей сфере с министрами. Прощай.

*П. Кропоткин*

Мой адрес: в П а ж е с к и й Е. И м п. В е л. К о р п у с, П а ж у К н я з ю К р о п о т к и н у или Петру Алексеевичу Кропоткину, в С.-Петербургу.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Одним великим деятелем науки меньше, Петя, — Кудрявцев<sup>3</sup>, этот незабвенный, дорогой профессор, эта слава и гордость России, умер в субботу 18-го утром, умер бедняк ча-

<sup>1</sup> Генерал, знакомый Кропоткиных, сосед по имению.

<sup>2</sup> Брат Петра С. Толмачева, помещик, сосед по калужскому имению Кропоткиных.

<sup>3</sup> Кудрявцев, Петр Никол., историк, проф. Московского университета, ученик и приемник Грановского, род. в 1816 г. (*Прим. ред.*)



хоткою, происшедшею от неусыпных ученых трудов. Я посетил его в воскресенье 19-го. В Столовом переулке, в небольшом, деревянном домике Рождественского, окрашенном в серую краску, в верхнем этаже, нашел я его на столе, окруженного 10 горящими студентами. С него снимали портрет лежащим в гробу. Кроме студентов не было никого, ибо родни у него, кажется, никакой нету. Профессора надели глубокий траур, и во вторник 21-го его будут хоронить. Горько, брат, это слышать! Давно ли лишились мы Грановского, и вот еще безвременная жертва. Кто напишет о нем такую симпатичную, трогательную и умную статью, какую написал он, издавая недавно с Соловьевым Грановского? <sup>1</sup> Верить ли, но я, который никогда и не видал его, который узнал о нем от тебя лишь 3 года тому назад, — я огорчился его кончиной. А кроме того видишь, что он жертва науки, — боже, как это благородно! Какая завидная кончина!

Но России от этого не легче; ему было лишь 41 год, Петя; он мог бы жить для ее пользы, мог бы покрыть ее и себя еще более неувядаемой славой! И вот он умер... Николай Павлович <sup>2</sup> говорит, что когда объявили в Палате о его кончине, у большинства брызнули слезы. И есть о чем плакать, кому дорога слава родины, есть о чем рыдать, видя эту поучительную смерть, лишаясь, словом, Кудрявцева.

\* \* \*

Я буду, мой друг, к величайшему моему удовольствию следить за современностью. Деларов выписывает «Рус. вестник»; один офицер обещал тотчас же, как прочтет, давать мне «Журнал для воспоминания» и «Педагогический вестник». Кроме же того, я читал и буду читать новый журнал критики, современ. истории и литературы — «Атеней» <sup>3</sup>. Первые 2 номера превосходны.

---

<sup>1</sup> Вступительная статья к сочинениям Грановского — «Известие о литературных трудах Грановского».

<sup>2</sup> Кравченко, зять Кротопкиных.

<sup>3</sup> «Атеней» — журнал, издававшийся с 1 января 1858 г. по 1 мая 1859 г. в Москве под ред. Евгения Корша. В журнале принимали участие все видные представители литературы и журналистики того времени.

(Прим. ред.)

Статьи «О французских крестьянах» Чичерина, разбор комедии Львова «Свет не без добрых людей» Анненкова, «О промышленных кризисах» Бабста, «Задачи современной критики» Е. Корша, наконец, Гончарова отрывок — Воспоминание о 12 годе неизвестного (статья превосходная),— вот что в первых, доселе вышедших двух номерах. Я нарочно выписал, чтобы показать тебе блестящую фалангу имен, которые одни, сами по себе, уже обусловливают огромный успех журнала. Каждый № в 3—5 листов, формата как «Русский вестник». Цена с пересылкой 11½ руб. сер. Кроме того буду читать «Экономический указатель» — а затем просто книги. Словом, работы много, я блаженствую. Первый № нашего журнала не выходит, я не мог ничего писать, но зато много обдумал. Это и хорошо. Лучше написать попозже, да зато хорошенько обдумать предмет, чем спечь блин, да сырой.

К кругу изучаемых мною наук (философские: эстетика, богословие и филос. спиритуальные; политические: история, статистика) присоединилась политическая экономия и связанная с нею наука о финансах и пр. В политической экономии, этой наисовременнейшей, этой преобладающей, надо всеми царящей теперь науке, я сделал успехи, которым сам удивляюсь, ибо столь мало еще я ею занимаюсь. Представляю ее на твое внимание...

Прежде всего возьми «Курс статистики» Ивановского, который читают в военных учебных заведениях. Прочти этот курс, обратив главное внимание на политико-экономические вопросы (ибо этот курс нарочно составляется из статистики и полит. экон.) «Теория народонаселения», «народная деятельность» и т. д. до конца.

Теперь только и толкуют о эконом. вопросах. Железные дороги, сильно развивающаяся промышленность, — боже, я трепещу, Петя, так современно все это! Корш говорит («Атенеи»): «реализм теперь в воздухе; им все заражен». А полит. экон. наука реальная, довольно с тебя того, что Фр[анция], Анг[лия], Герм[ания], словом вся Европа признала ее царицею всех наук. Честь заслуженная! Но возвращаюсь назад. После Ивановского постарайся достать: «Cours d'Economie politique par Rossi» (1 ч. — 50 коп.). (Надо тебе заметить к

величайшему моему и твоему удовольствию, что лучшие теперешние экономисты пишут на французском языке и их системы имеют больше всех последователей).

А. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

26 марта 1858 г. <sup>1</sup> (11 ч. вечера).

Нынче, пришедши к Друцким от Леночки, получил твое письмо. Я находился неск. дней, т. е. 1-й и 4-й дни праздника у Леночки, где провел время довольно приятно, читал довольно много и почти все Dict. Philosophique; он многое мне разъяснил и я очень благодарен Вольтеру.

Боже, если бы Леночка осталась бы здесь, сколько мог бы я переводить из Вольтера и др. Библиотека Ник. Пав. постоянно улучшается: он недавно приобрел полного Вольтера и Ж. Ж. Руссо. П о л н ы й Вольт. в 4 томах. Это 4 толстые книги, формата в  $\frac{1}{8}$  д. л. и толщины ровно в  $2\frac{1}{2}$  раза толще «Семейной хроники» каждый. Печать — что письмо твоих писем. Гораздо мельче Евг. Онег., кот. был у Ник. Павл. Вот бы раздолье. Кроме того при укладке книг во вторник (третьего дня) я открыл там еще неск. сочинений по части пол. эк. Нет. Все это остается в сундуках здесь и не удастся мне ничего переводить оттуда. По крайней мере в ьорп. библи. поступили Guisot 50 частей и еще придет из Парижа около 60 частей. Будет что переводить. Перевод из О. Тьерри приостановился. На 4-й неделе нам не давали книг. На 5-й я переводил Eclairage au gaz, а на 6-й уже пороскошничал. Взял читать «Critique de la raison pure» Эмм. Канта, пер. известного французского профес. философ... фамилию забыл. Перевод, сколько можно судить, не читав подлинника, хорош. Что за чудесная книга! Я до сих пор не читал ничего подобного. Я читал и приходил в восторг по прочтении неск. страниц. А какого труда стоило мне прочесть их! Я читал, ломал голову

<sup>1</sup> Между предыдущим письмом 31 января и настоящим 26 марта П. А. писал брату лишь одно письмо в феврале без даты, которое мы здесь не помещаем, как не имеющее большого интереса. В феврале 1858 г. П. А. был болен тифом и лежал почти весь февраль в лазарете, о чем он и сообщает в письме брату. (Прим. ред.)

по  $1\frac{1}{2}$  ч. на 2, 3 стр. А что за прелесть! После святой, как хочешь, а я буду продолжать читать это и наслаждаться, я оставался на вербн. воскр. наказанным до вечера и тут-то, запершись в класс, с наслаждением читал. Ты спросишь, почему я не послал еще Мещ. я р. м. в С. от. — я начал переписывать, но не имел сил продолжать, мне нужно было переложить все, а на это нужно время, которого у меня было немного.

Я начал читать «Статист.» Ивановск., которая завлекла меня. Хотя и тут не упустили нек. дураки (2—3), чтобы не посмеяться надо мной, я достал Ивановского через одного доброго малого и читал с удовольствием. «Святая» прекратила это.

\* \* \*

Теперь об очень важном вопросе: бессмертии души. Вот что я давно уже помышлял об этом предмете, но не смел высказать, боясь за неосновательность; теперь напишу тебе, потому что ты не взыщешь, будь это нелепо, а я этого не думаю, напротив, оно кажется мне правдоподобным.

Душа наша по смерти нашего тела, т. е. когда наши органы не могут ничего перерабатывать, переходит в животных или в людей после живущих и находящихся на других планетах. Под именем ада и рая мы должны понимать или блаженное или горестное состояние, которое душа наша будет находить в других телах — бедствие или счастье. Я верю, что может быть (наверное этого нельзя знать) жизнь наша в других телах будет наказанием или наградой за нашу жизнь на земле. Иконам я не поклоняюсь, понимаю, что это введено для того, чтоб действовать больше на умы необразованных людей. Идолопоклонников я не признаю, так что это басня, что они поклонялись статуям, а не тем, кого изображали эти статуи. На это навел меня также Вольтер, к сожалению я не успел дочитать конец его статьи об этом, где он объясняет поклонение солнцу и другим светилам. Язычники были такие же идолопоклонники, как Никольский мужик, глядящий с религиозным почтением на куклу Иисуса Христа в темнице <sup>1</sup>,

---

<sup>1</sup> В церкви села Никольского была деревянная статуя, изображающая «Христа в темнице».  
(Прим. ред.)

и тот католик, который, глядя на куклу, изображающую воскресение Иисуса Христа, считает ее святою. Понятно, что это делалось для обогащения. Очень может быть, что богу приятно видеть, что я жертвую на церковь б е д н у ю, конечно, чтоб приятнее было другому молиться сидя, в хорошем храме, чем в том, где свистит ветер, и также он больше будет думать о молитве, если не думает об замерзших ногах. Но если я убью тебя, а после дам все имение, чтоб загладить это, принимая намерение вести лучшую жизнь, то это нимало мне не поможет. Об исповеди я думаю, что можно сказать или не сказать своих грехов священнику. Если он и отпустит, то все равно что не отпустит, на все это я смотрю как на наружный обряд для того, чтобы вселить в нас больше уважения к святыне, больше укрепить в вере и т. п., одним словом для необразованных, как ты говоришь. Вот мое вероисповедание.

\* \* \*

29 марта 1858 г.

Теперь о России. Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, я жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устроить и потом приниматься за дело. Старая система разрушается, новая не создана; ввели эмансипацию, но теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся же теперь в скором времени, и авось мы доживем до того, что увидим Россию на ряду с прочими европейскими государствами; многое, многое нужно будет переменить теперь, чтоб вышло что-нибудь порядочное. Что за роскошь при дворе! Собирают невероятные пошрины, чтоб содержать невероятно обширный двор. Одних поваров в зимнем дворце по штату 250 (!). Одежда каждого халуя (а их будет гораздо больше 1000) стоит 180 р. с. Между тем денег мало, печатают бумажек бесчисленное множество, так что они скоро упадут совершенно. За золото м е н я л ы дают вместо 5 р. 15 к. 5 р. 70. к. Теперь (март) есть уже в ходу бумажки 1858 г. Теперь непременно России придется переживать кризис, такой, как переживали все государства в Европе. Заметь, что у прусского короля по штату полагается 2 повара, 2 кучера, 4 лакея и 4 горничные, Наполеону III отпускается в год 1 млн. франков,

больше требовать он не имеет права, он не самодержец. Обращу твое внимание на одну вещь: наше правительство должно было за нынешнюю войну заплатить контрибуцию Англии, довольно большую, кажется в 400 млн. Англичане в счет платы потребовали, чтоб им дали право покупать в России скот по дешевой цене, т. е. чтоб русское правительство поставляло известное число быков в Англию. Теперь постоянно вывозят в Англию 4000, 5000 голов и т. п. В Лондоне 1 ф. говядины стоит вместо 30 к. 22, 25 к., а в Петербурге цена 1-го сорта 15 коп., а прежде в Москве, на моей памяти, была 5 коп. Как тебе понравится этот способ, которым самодержавный государь уплачивает за счет бедных, а не богатых подданных военную контрибуцию за войну, начатую его батюшкой. Я здесь читаю Искандера, 1 № «Колокола», 1 № «Полярной звезды» (1857) и его «Прерванные рассказы». Как хорошо, даром что много желчи. Через него можно получить самые верные известия обо всем, что делается на Руси.

Я познакомился с Щербиною<sup>1</sup>. Он бывает у Друцких и подарил многим свой сборник и сочинения. Он чересчур много думает о себе, а главное старается об том, чтоб иметь поэтическую наружность.

\* \* \*

В Публичной библиотеке еще не был, так же как и в лютеранской церкви. Прощай.

*А. Кропоткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

19 апреля [1858 г.].

У нас в Корпусе начался бунт против начальства. Расскажу подробно, ибо я здесь участвую; все говорят об этом и бог знает, чем кончится.— Началось с того, что ротный командир нашей (1-й) роты велел трем выходящим в нынешнем году в офицеры кадетам выстричься. Тут ошికали

---

<sup>1</sup> Щербина, Николай Федорович (1821—1869), поэт; большой известностью в 60-х годах пользовались его «Греческие стихотворения».

(Прим. ред.)

ротного командира. Он сказал, что не боится шикания и что шикает тот, у кого в голове шикает. Ему прямо закричали: осел, болван, дурак. Он убежал к генералу. На другой день Лермонтов <sup>1</sup> пришел к нам в роту, стал страшно кричать (кадеты молчали) и велел на барабанах, перед ротой выстричь этих троих. — Выстригли. Когда разошлись, пошли возмутительные разговоры и согласились вот что сделать: на следующий день было рождение Александра<sup>2</sup>. В такие дни генерал всегда приходит к построившемуся в столовой батальону — поздравлять. Построили. С громом, в парадной форме, сопровождаемый свитой пришел Лермонтов. — «Здр. господа!» — Молчат. — «Здр. господа!» — Молчат. — Лермонтов остолбенел, несколько минут стоял неподвижно и наконец ушел. Это был заговор, в нем участвовали все 500 человек. Нас оставили стоять. Начали выражать свое неудовольствие и хотели разойтись сами. Я в нашей роте и некто Крахт — в 4-й (две самые большие роты) громче всех выразили свое неудовольствие. Нас послали в карцер (который, замечу, едва ли не чаще всех, за грубость и т. д., посещаю я — после святи, например, я был уже 2 раза). За ужином все закричали, чтобы нас выпустили из карцера, иначе кадеты выпустят сами... Пошли к Лермонтову, нас выпустили на другой день утром. Кадеты согласились требовать, чтобы Комитет собрался в их глазах; ошिकाки батальонного командира, ротного офицера и командира и пр., и пр. Маленькие пришли в такой энтузиазм, что принесли мне и Крахту в карцер 32 пирога и пр.

Много писать не стану о бунте. Начальники присмирели. Приходил уже батальонный командир и говорил унизительно-ласково. Говорил: «Господа, вы должны были бы передо мною заискивать, а это делаю я». Мы стали делать страшные дерзости, но это только начало. Замышляют многое; посмотрим, что будет, конечно, кончится тем, что кадеты присвоят себе много прав. Начальники боятся, ибо Лермонтов недавно таких получил затрещин в темном коридоре! Теперь согласились уже побить начальников явно и решились твердо,

---

<sup>1</sup> Начальник корпуса, генерал.

<sup>2</sup> Второго, царя.

(Прим. ред.)

что если одного из нас хотя выгонят в солдаты, сейчас довести себя до того всем. Тогда уже верно не выгонят, а если выгонят, то не посрамится товарищество, ибо будут выгнаны все, т. е., конечно, весь специальный курс (около 70 человек).

Лермонтов хотел, чтобы у него просили извинения. Ему ответили, что это он должен делать; что, остригши на барабане троих кадетов, он оскорбил честь всего человечества, а не только нашу...

21 апреля.

Кончилось тем, что начальники сбавили тон.

\* \* \*

Не могу не обратить твоего внимания на одно твое выражение. Ты коснулся очень важного предмета и произнес о нем суждение очень легкомысленное. Но, по правде сказать, я вполне уверен, что оно принадлежит не тебе; что ты слышал его от людей, которым доверяешь, и потому принял его за истинное. Твоя ошибка в том, что ты не остановился, хотя на 2--3 минуты, над этим вопросом. Говорю это потому, что (нам с тобой не надо ни хитрить, ни льстить) знаю тебя за человека далеко не делающего и говорящего все на фу-фу,—человека, которому я должен в значительной мере, что не сию уже за облаками: вспомни мою бывшую и д е а л ь н о с т ь и твой всегдашний р е а л и з м, которого я теперь горячий поборник. После этого длинного вступления начинаю.

Ты говоришь — «Разрушают старую систему: новая еще не создана. Предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили» — вроде этого. Позволь же тебе сказать: для того чтобы на месте старой системы создать новую, разве возможно иначе поступить, как не разрушить сперва старую. А, наконец, разве у нас правительство, разрушая одной рукой старое, не создает новое. Или все эти реформы, по всем почти частям государственной деятельности и т. п.— не создавание?

Во-вторых, что ты понимаешь под тем, что главное (или вроде этого) и чего еще не уничтожили, затеяв между тем освобождение крестьян,—наши судопроизводства, состав чиновников и т. д.?



На это ответу, вместе с Чичериным<sup>1</sup> и прочими учеными, что крепостное право есть главное и основное зло, начало всех злоупотреблений, всего, что только есть дурного в России, что, не уничтожив его, нельзя приняться ни за какие коренные и даже хотя немного важные реформы. — Распространяться об этом не стану, но советую тебе достать 7, 8 или 6 № «Атеней» и там прочесть обо всем этом у Чичерина, да «Рус. вест.» № 5.

В довершение скажу, что замечательных политических новостей нет, кроме того, что в скором времени надо ожидать... индейского восстания; внутренняя борьба между Францией и Англией посредством газет продолжается; англичане захватили остров Перим у Турции, находящийся у Суэцкого перешейка, который скоро пророчат, — остров очень важный в стратегическом отношении и что об этом судить предоставят европейск. конгр. Есть маловажное, но не стоит говорить.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

27 апреля.

Отвечу на твое письмо по порядку. Открытий по части естественных наук я не читал и очень рад буду прочесть. Дома из соврем. изданий я ничего не читаю — в Корпусе и подавно. Странно, как мало развита у нас охота ко чтению. Никто почти ничего не читает, а если и читают, то не более как французские романы.

Теперь о метампсихозе. Я немного переменял свои убеждения и начинаю ни во что не верить. Приведи мне доказательства существования божества. Я недавно читал сочинение французского философа Николаса: «*Etudes philosophiques sur le Christianisme*», и успел только прочесть доказательство существ. бога, вот те, кот. там есть, они собр. из различ. писат.: 1. Кто создал все. 2. Отчего у всех народов есть слово бог; если бы не было бога, не было бы и слова для выражения этого...

---

<sup>1</sup> Чичерин, Борис Николаевич, проф. Московского университета, либерал. (Прим. ред.)

Вот опровержения, которые я привожу на них. 1. Кто создал все. — Для чего же предполагать что-то сверхъестественное во всем, что мы видим. Планеты—это образовавшиеся из туманных пятен тела, они обращаются по законам физики и т. п. Все это совершается вследствие физич. или химич. свойств тел, ты спросишь: кто вложил эти свойства? Я отвечу: есть творящая сила, которая вложила их, но для чего же приписывать ей религиозные понятия. Если так, то обоготворяй уже силу пара, пороха и т. п. Я уверен, что это когда-нибудь объяснится, и тогда всякий увидит это ясно как день, но и теперь я не вижу, для чего мне поклоняться этой творящей силе. Религия утвердилась оттого, что прежде не находили ни на что объяснений. — 2. Отчего у всех народов есть слово бог? Это очень ясно: идет напр. дикарь, он видит солнце. «Странно, что это за штука», думает он, пробует сделать такую же, не может. Потом он сделал что-нибудь дурное, пошел, ушибся, ему больно. «Отчего бы это?» думает он. Он сознает, что то, что он сделал, нехорошо, и думает, что кто-нибудь наказал его; он не может понять, между тем как нет ничего проще, как то, что солнце светит и что он ушибся об камень, на который наткнулся. Все, что он не может объяснить, как-то: зима, дождь, падение и т. п., он начинает почитать божеством. А ребенок теперь смеется, что он не мог понять, отчего он упал и т. п., а после посмеются и над нами, что мы почитали многое сверхъестественным; такое понятие о сверхъестественности составляют себе все народы. Каждый приравнивает действия этого сверхъестественного существа к климату, нравам своей земли. Вот, как мне кажется, опровержение этих доказательств.

Что такое душа. Ты говоришь, душа есть совокупность ума, чувств, воображений, памяти и воли. Так. Душа составляет часть божества, говорит писание. Если часть имеет какое-либо свойство, то и целое должно его иметь. Человек имеет свойство сходить с ума, т. е. душа имеет часть свою поврежденную, а именно: умственные способности, следовательно и целое, т. е. бог, может иметь умственные способности поврежденными; если ты признаешь бога, то вот опровержение бессмертия души. Душа не есть часть божества; божество есть единое бессмертное, следовательно душа не бессмертна.

Наш внутренний голос—вот вся наша религия, я думаю, тот, кто был так непорочен, что мог собрать все, что сказал внутренний голос, тот достоин уважения, поэтому я очень уважаю Иисуса, который собрал все, что говорит наш внутренний голос, здравый смысл.

\* \* \*

Я был недавно в лютеранской церкви, служба очень мне понравилась; немцы такой услужливый народ, что сосед мой предложил мне свою книгу, и я читал по ней то, что пели. Все так тихо, без излишних затей, точно несколько людей собрались хвалить человека, который делал им много добра.

\* \* \*

У нас в Корпусе все страшно неразвиты, я замечал это и мне пришло в голову помочь им развиваться, с этою целью я начал издавать листок под заглавием «Отголоски из Корпуса»... Главною моею целью было пробудить в Корпусе сознание ложного направления, которое царствует у нас, т. е. того, что напрасно думают, что самодержавие есть лучшее правительство, что военная служба есть самый лучший род деятельности и что можно быть только порядочным человеком в Преображенском полку и в Конно-гвардейском. Мне хотелось сперва узнать, как примут это в Корпусе, и с этою-то целью я написал объявление об издании без подписи фамилии, подsunул его в комоды двоим, которые, я знал, имеют направление не николаевское. Объявление было такого рода: будет издаваться листок «Отголоски из Корп.», его цель выводить все язвы Корпуса, ложное направл. воспит., разбирать их поступки. Потом я просил не стараться узнавать фамилии издателя, сказал, что будет листок выходить, как случится. Ты не поверишь, как обрадовались увидавши это объявление, его показали другим, которые тоже не согласны с направлением Корпуса, и первому показали мне же, я сделал удивленный вид, разыграл роль как следует, так что теперь даже (объявл. вышло 24) никто не знает, кто издает его. От одного, впрочем, я слышал такого рода отзыв, что для чего же издатель намерен только читать проповеди, человеку несвойственно слушать одни проповеди, нужно развлечение, а иначе

это надоест и никто не станет читать. Отзыв дов. справедлив, и я мож. быть, должен буду издавать его с примесью литерат. статей. Один ничего не сделаешь, охотники писать одинакоже найдутся, так что придется, может быть, сказать свою фамилию и пригласить сотрудников, я получил уже три отзыва, все благодарили и между прочим предложили издавать литограф. журнал... 1 № уже вышел, он состоит из статейки «От издателя», в которой я подробнее объясняю свои намерения, другой статьи «Понятия в Корпусе», в которых я вывожу, какие понятия имеются у нас о самодержавии и опровергаю их. Все, за исключением очень немногих (не более 10—12), считают самодержавие самым лучшим правительством. Я опровергаю это, говоря, что вот что у нас делает Николай<sup>1</sup>, сколько денег тратит Александра Федоровна<sup>2</sup>. Вчера я подложил номер и жду мнения об нем, еще не нашли вероятно. В 2 № вероятно будет продолж. статейки «Понятия в Корпусе» и еще, может быть, что пришлют другие. Да, забыл что в 1 № есть еще «Письмо из Москвы», которое я будто бы получил от одного офицера Кадетского корпуса, в котором он говорит о развитии кадет. Издается он форматом в четвертушку и 1 № состоит из  $\frac{3}{4}$  листа. Нынче его у себя нашли те, которым я подложил его. Всем он очень понравился. Пожалуйста, постарайся написать что-нибудь для моего листка. Так как ты не знаешь ни направления, ни действия нашего Корпуса, то сообщай известия о Кадетском. Сообщи мне окончание вашего бунта, чтобы я мог передать это моим читателям. Некоторые уже сообщили мне, что хотят писать повести и т. п. Вообще этот листок, кажется, разбудит многих...

Я действительно необдуманно выразился: «предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили, я повторил мнение других, но все-таки я размышлял об этом, очень интересовался этим, и вот что я подразумевал под самым главным: С а м о д е р ж а в и е. Конечно, если раздумать, то оно не имеет никакого влияния на освобождение крестьян, но я вот что думал: не важнее ли в 10 раз образ правления? Положим. Александр имеет очень добрые наме-

---

<sup>1</sup> Первый, царь.

<sup>2</sup> Жена Николая Первого.

(Прим. ред.)

рения, я уважаю его, но разве он не делает и вреда. (Конечно, сам он не виноват; виноваты предшественники его.). Посмотри, каковы финансы в России. Все бумажки 1858 г., даже медь в обращении. Что за суммы тратят на пустяки. Чтобы предпринимать освобождение крестьян, нужно иметь много денег, чтобы при случае вознаградить помещиков, которые потеряют при этом. А чем?.. бумажками, когда им не будут верить... Не лучше ли прежде сократить расходы, реже ездить на охоту, меньше держать лакеев, а потом освобождать крестьян. Что, крепостное право, скажешь ты, причиной того, что Ал. Фед.<sup>1</sup> получает по 10 мил.? Не лучше ли было решить кровавые, может быть, вопросы тихим путем. Сократить расходы, постепенно вести дела к уничтожению самодержавия, а вместе с этим уничтожить крепостное право, а уничтожать его одно, а тратить чорт знает что, не то же ли это, что готовить бунт. Впрочем, быть может, нельзя иначе переменить правительство, как силою народа, но мне кажется, что можно, ведя дела постепенно, самому ограничить свою власть. Ты, может быть, скажешь, «Александр — человек». Да, но Александр I был тоже человек, но он хотел же отречься от власти: никто не принуждал его. А тут не нужно вовсе отречься от власти, а только ограничить ее, нужно только породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего народного голоса, что лучше поделиться с чиновником, чем самому жить бог знает как роскошно, а его заставлять отнимать у прохожей дамы салоп, чтобы заложить его за несколько рублей и прокормиться ими неделю. Вот что, я думаю, важнее.

Денег, как тебе сказать, у меня и есть и нет. Два рубля в долгах. На один я вовсе не надеюсь, другой, может быть, получу. Друзья<sup>2</sup> дала мне на Пасху 3 рубля, которые я заплатил человеку, не имея денег от батьки. За марку спасибо. Дай бог, чтобы я поехал с батькой в Тамбовское<sup>3</sup>, то-то бы

<sup>1</sup> Царица, вдова Николая Первого.

<sup>2</sup> Тетка, сестра отца.

<sup>3</sup> Тамбовское имение Кропоткиных — село Петровское (Кропоткино) Борисоглебск. у., Тамб. губ. После смерти (1871 г.) отца это имение, по завещанию, перешло к Петру Алексеевичу. (Прим. ред.)

я был рад. Если Леночка не уехала, скажи ей, что я ее целую и прошу написать мне по приезде ее в Ярославль, чтобы я знал ее адрес и мог написать ей. Прощай.

*П. Кропоткин*

Пойдет 29 апреля.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

3 мая 1858 г.

Нынче, 3 мая, получил твое письмо.

Как видно из твоего письма, ты еще ничего не знаешь о случившемся недавно со мной. Так называемый «отец мой» не успел еще протрубить тебе уши обо мне. Дело вот в чем: 23 апреля (день рождения Александры Федоров. <sup>1</sup>) я был дома; я сидел с батюшкой до часу ночи и все разговаривал. Как после я узнал, он вынес самое хорошее впечатление из этого разговора (заметь).— Толковали мы о министрах, о нашем корпусном восстании, — высказал я ему свои планы насчет репетиторства — и он остался очень доволен ими. На другой день я видел его только за кофе и он куда-то уехал. Леночка и сёге татап уехали обедать к Пушкиным <sup>2</sup>. Когда воротились, Лена сказала, что там был папаша и говорил обо мне. Утром он ездил в Воспитательный дом и встретил там Лермонтова. Лермонтов отвел его в сторону и сказал, что если он мне отец, то должен отдать меня в университет. К Пушкиным милый наш батя приехал подгулявши, его уложили спать; когда он проснулся, то сейчас же отправился в гостиную и рассказал там следующее: «Подходит ко мне Лермонтов и начал говорить, что моего Сашуна надо отдать в университет; как мне быть? Я с ним вчера (со мною) говорил, как он обо всем говорит здраво, — о, должно быть умная голова».

<sup>1</sup> Царицы, матери Александра II; «царские» дни считались при царизме большими праздниками.

<sup>2</sup> Пушкин (Мусин) — дядя Кропоткиных. Сын Пушкина Иван Иванович был почти ровесником братьев Кропоткиных и товарищем их детства. Впоследствии он женился на своей двоюродной сестре и двоюродной сестре Кропоткиных, Варваре Дмитриевне Друцкой, которая фигурирует в настоящей «Переписке» под именем Вареньки Друцкой. (О И. И. Мусине-Пушкине см. «Воспоминания» С. Я. Елпатьевского, Гиз, 1928 г.).

(Прим. ред.)

Друцкая: «Помилуй, да что ж тут думать, надо его отдать». Все говорили ему то же.

Я нарочно подчеркнул главное; сердце мое билось, Петя, шибко, когда Леночка говорила это, — ибо на этих словах я основал все мои надежды и уже был почти уверен, что поступлю в благословенный университет. Я уже мечтал, что увижу тебя нынешнее лето в деревне и, боже мой, о чем еще я не думал. Кадеты нашего, 3-го специального класса—это истинно достойные юноши, благороднейшая фаланга нашего Корпуса, единственные и первые, с основания нашего Корпуса, люди, вполне дельно занимающиеся науками (влияние Тихонравова<sup>1</sup> и Соловьева<sup>2</sup>), горячо любящие университетское образование — встретили с большим сочувствием мои надежды, когда я объявил им о них. Я сам так надеялся.

И вот через два дня после отпуска я написал батьке письмо, в котором сам уже говорил ему об университете, вычисляя все расходы, и доказывал ясно, как божий день, необходимость моего поступления в студенты; говорил также, что Лермонтов (это правда) приглашает его к себе серьезнее поговорить об этом. — И он приехал, первое слово его вышло, что я пишу ему очень много глупостей. Он приехал, когда мы обедали, и я сел за стол опять. За обедом ко мне подошел наш ротный командир, старик, все читающий поповские книги, — Савельев. Он сказал: «Ваш батюшка в претензии на ваше письмо; что же до меня, то я кроме хорошего ничего не могу сказать о нем, оно написано очень умно и откровенно». — Нарочно привожу эти слова, чтобы ты знал, что даже такой поп и старик, как Савельев понимает язык рассудка. После обеда я вошел с батькой в кабинет к Лермонтову. Лермонтов встретил нас очень ласково и тотчас же перешел к делу: сказал несколько слов и замолчал, батька не соглашался; стал меня ругать, говоря, что я тебя порчу, что я пакостник и что дома я ничего не делаю иного, кроме того что читаю «М[осковские] ведомости».

---

<sup>1</sup> Тихонравов Николай Саввич — известный профессор Московского университета, историк литературы.

<sup>2</sup> Соловьев Сергей Михайлович — знаменитый историк.

(Прим. ред.)

Я очень погорячился, стал доказывать, что все это вздор и прочее. Например, — батя: «При мне, бывало, куда отец посадит, там и сидишь!» Я: «То были ваши времена, теперь настали наши, в ваше время офицеру было достаточно уметь кричать погромче: «направо» — теперь же требуются от них знания военных наук. Я же ими не занимаюсь и не стану заниматься и т. д.!» Батя: «И как сын смеет рассуждать перед отцом!» Я: «Опять-таки в ваше время сын должен был молчать; теперь иное время и т. д.». Не стану приводить всего, скажу только, что я наговорил столько дерзостей и разгорячился до того, что Лермонтов попросил меня выйти охладить немного свой пыл. — Да, чуть было не забыл: когда батя сказал, что я читаю дома одни ведомости, я сказал: «Полноте, да найдешь ли у вас дома хоть одну печатную строчку, кроме газет?» Он скривил рот. — Результат тот, что Лермонтов на будущий год скажет обо всем Ростовцеву <sup>1</sup>; скажет о том, какие препятствия ставит мне батенька, и на 5 лет прикомандирует к Корпусу, кажется, и притом репетитором по статистике.

В этот день я ходил всю ночь, и вот на чем порешил: с отцом прервать всякую связь и не хочу его знать, подобно тому, как он не хочет меня знать, чему имеется много уже доказательств: 1) когда грозили меня выгнать, он отказался взять меня домой; 2) никогда ни в чем не выражал мне любви, а если заботится иной раз о мне (отказ его о поступлении моем в университет показывает, во-первых, его глупость, во-вторых, что едва лишь дело коснется денег—забота о сыне прочь), то из тщ славия, ибо уже много раз проговорился: «Вот будешь сынок в артиллерии» и т. д., и т. п. — Вспомни о том, как он стал развози ь всем бумагу о поступл[ении] тебя в Пажеск. корпус.— Впрочем, я слишком заболтался об этом втором пункте, ты и так знаешь его любовь; 3) в последний раз как он был здесь, он сказал Лермонтову, что пусть меня гонят вон в солдаты (конечно, гнать меня и не думают, я учусь хорошо) — он не хочет меня знать. — Ну и т. д.

---

<sup>1</sup> Начальник военноучебных заведений, известный деятель по крестьянской реформе. (Прим. ред.)



Приняв все это к сведению, я решился прервать с ним всякую связь. Только жду случая, чтобы объявить ему об этом формально.

Ты верно уже скажешь: «Вот горячка-то». Что делать, брат. Живут же люди без всяких родительских подпор, добывают деньги уроками; зато они свободны: а то вот как будут над тобой стоять да говорить — иди туда, да то-то делай, — да все это против твоей воли, — так и отцов-то таких готов забросить. Например, я кончу курс в университете; хочу выйти в отставку — отец преграда; учителем быть: опять преграда: «срам родне» — еще скажет. Словом я порешил, и, как увидишь, возврату назад нет; глупо ли я поступил, — скажется впоследствии, конечно, я понимаю, что много мне было бы выгод, если бы я не прекратил с ним сношений; зато были бы и невыгоды. А то, чему он будет мне мешать, я ставлю на первый план и поэтому большая выгода на стороне разрыва. — Да и нечего преувеличивать невыгод; ужели я глупее всей этой мириады школьных учителей, наполняющих Россию, а следовательно, ужели не могу начать своего поприща в какой-нибудь гимназии. И тем более теперь в экономистах будет большая нужда, так как Россия начинает сознавать необходимость экономического образования. Итак больших бед не будет, а следовательно, я остаюсь при своем. Тебе совет — ни за что не следуй моему примеру.

После обеда.

Я сейчас прочел то, что написал тебе об этом разрыве. Невольно приходят на память сказанные при других обстоятельствах, но как нельзя более к моим доводам, слова Щедрина («Р. вест.» 1858 г., март) в очень понравившейся мне второй статейке из книги «Об умирающих»<sup>1</sup> — «Взгляните на наше холодно-рассудительное молодое поколение», взгляните, прибавляю (если только этих мыслей нет у Щедрина), на это хладнокровие, с которым оно разлагает самые священные для прошлого поколения вещи; смотрите, как оно все взвешивает и взвешивает именно то, к чему предки его приступили с благоволением. Знаменательно, Петя, это стремление к

<sup>1</sup> Несколько слов неразборчиво написано.

(Прим. ред.)

анализу всего, это незадумывание вознести хирургический нож над всем встречающимся в мире. Здесь виден залог наших будущих успехов... Пусть в нас нет этой прежней мягкости, — лучше выдержим напор жизненных искушений. Сердце, покрытое корою, разбить труднее, и потому да здравствует холодная рассудительность нашего поколения. Старикам это чуждо, они окрестят нас в дураков и зверей... мы ни то, ни другое, м. г.: звери не ставят под хирургический нож свою родню, дурак же слишком глуп для этого дела.

Но грустны явления, когда члены нашего поколения подвергают анализу предметы, стоящие (пока эти члены не достигли большого развития мыслительных способностей) выше их разума, когда, запутываясь в самых смелых, решительно бездоказательных толкованиях, они становятся, быть может, на несколько лет неразумными скептиками.

Такое грустное явление представляет твое последнее письмо... Не сердись, Петя, ради бога, в которого ты почти не веришь... если тебя задирает такой резкий тон, то это для тебя же лучше... Сомнение есть первый шаг к истине, говорит поговорка, — а ты начнешь сомневаться (если не совсем разубежаться), когда начнешь разлагать твои убеждения.

Начну с самого главного, — бытия божества. Все, что ты сказал об этом, так поверхностно, так младенчески неразумно, так сбивчиво, так противоречиво, что вот клянусь богом, я не узнал тебя в этих строках. Куда делся твой (говорю искренно) светлый взгляд на все; куда делась эта осаживающая, бывало, меня так часто логика, основанная на здравых посылках. Я не знаю, что с тобою, не могу понять, какая именно причина, что ты так поверхностно судишь о божестве и душе... И во-первых, что это за скачки: «Теперь о метампсихозе. Я немного переменяю свои убеждения и начинаю ни во что не верить. Приведи мне доказательства существования божества. Я недавно читал и т. д.». Что это за хаос! Какая связь между неверием в переселение, бессмертием или смертностью душ и — неверием. Да и во что ты верил, когда так стоял за метампсихоз; верят ли во св. писание, ли во учения мыслителей; но метампсихоз — плод твоих собственных размышлений; во что же это ты начинаешь не

верить: в силу своего рассудка, но очевидно нет, ибо если бы ты ему не верил, ты бы не пустился сейчас же толковать о божестве... И почему ты в какое-нибудь из этих трех учений о душе не веришь. И имеешь ли ты на все из них доказательств, необходимые для поколебания в оные веры. Например, чем опровергнул ты бессмертие — гипотезой о переселении; но ты ни одного пункта доказательства бессмертия не коснулся, следовательно, пока они стоят еще непоколебимыми. Но положим, ты не веришь после моих доказательств и своих размышлений в метампсихоз; разве не осталось еще третьего учения о смертности. — По твоим словам ты ему не веришь. Почему? чем ты его опровергнул? Не понравилось, что ли?

Да, наконец, можно до поры до времени сомневаться во всех учениях о душе, но мешает ли это верить в бытие бога? Посмотри, пожалуйста, на свою непоследовательность в развитии мыслей: ты недавно стал не верить в учение о душах; за сим, не остановившись и месяц над этим предметом, ты перескочил к божеству: что это такое? где связь? Я, верующий в бессмертие; древние народы и философы тоже, — не верили разве в бытие бога? — Но пора перейти к этому вопросу. — Твой вопрос: кто создал все? Опровержения твои: «для чего же предполагать что-то сверхъестественное во всем, что мы видим, планеты—это образовавшиеся из туманных пятен тела, они образуются по законам физики и т. п. Все это совершается вследствие физических или химических свойств тел. Ты спросишь: «кто вложил эти свойства». Я отвечу: «есть творящая сила, которая вложила их, но для чего же примешивать к ней религиозные понятия. Если так, то обоготворяй уже силу пара и пороха и т. п.»—безалаберщина страшная, взгляд самый поверхностный и ты еще хвалишься ниже, что все это объясняешь и что прошлые поколения не находили на это объяснений...

Отрадно встретить после всех этих глупостей сознание: «впрочем все это так смутно, спутано, что лучше оставить. Я нахожусь в самом неопределенном состоянии» — но и это впечатление сейчас же разрушается, веришь ли, тотчас, на этой же самой строчке ты начинаешь противоречить себе и говоришь: «а между тем все так определенно кажется». Чему верить? Я верю первому, ибо твое письмо образцовое по

безалаберности; ты ничем посредственно сильным не доказываешь своих убеждений, ты кидаешься с одного на другое; противоречишь себе; делаешь скачки... просто ужас.

\* \* \*

Мне осталось еще немного исполнить из неприятного долга; спешу окончить. Ты называешь Иисуса человеком; даже, говоря о лютеранской церкви, ты имел притязание на эффект, сказав, что: «Все так мило, без лишних затей, точно несколько людей собрались хвалить человека, который делал им много добра». — Во-первых, это вздор, ибо лютеране молятся богу — Иисусу, следовательно даже сравнение тут не идет; во-вторых, я похвал не вижу, когда пастор на коленях молит об отпущении грехов и пр. Я вижу тут падение человека перед божеством, с молитвой о помиловании.

Не большего внимания заслуживают и твои слова о внутреннем голосе, ибо, во-первых, Христос закона по себе не оставил; он только проповедывал поклонение богу, — да восстанавливал заповеди; следовательно, уважать его за собрание внушений внутреннего голоса нечего, во-вторых, слишком нагло это отзываться так высокомерно об Иисусе, для отрицания божественности коего ты не имеешь никаких доказательств.

И вот мое общее заключение о всем, чего я пока коснулся: это все так шатко и задорно, что советую тебе подумать по-более о том, что я тебе написал и не довольствоваться поверхностью, а вникать во все по возможности глубже.

\* \* \*

4 мая, 4 часа утра, ибо после не будет времени.

Изъявляю полное согласие участвовать в твоём листке, ибо хотя некоторым он может принести пользу. Мне кажется только, что тебе надо быть осторожным в выборе предметов для исследования. Например, ты коснулся самодержавия, но, сколько кажется, не коснулся его политического значения для государства, для общества, его отношения к законам и пр. Не довольно иметь две или три мысли да потом раз-

мазывать их на нескольких страницах. Подобные произведения всегда будут стоять ниже критики, ибо предмет в них не рассмотрен с многих, по возможности, сторон... В довершение я скажу, что в каком-нибудь из выпусков я коснусь затронутого тобою вопроса и, с прибавкою от себя нескольких мыслей, изложу ответ на него по *Esprit des lois* Монтескье. — Вообще же мне много есть чего передать твоим читателям. — Я буду сообщать иной раз несколько мыслей по поводу современных событий в общественной, политической, экономической жизни Западной Европы и России и таким образом буду, хотя отчасти, заменять недостаток в известиях о том, что делается на божьем свете.

Ты очень поверхностно рассмотрел вопрос о том, что «уничтожили крепостное право, самодержавие осталось». Ты говоришь: «Конечно, самодержавие не имеет влияния на освобождение крестьян, но я думал, не важнее ли в десять раз образ правления». — Я отвечу на это, что конечно, конституционное правление полезно только в стране развитой. Россия же только начинает развиваться; развития же она достигнет, когда все классы ее населения будут более или менее образованы, — что без свободы для народа невозможно. Также очень ты ошибаешься, говоря, что правительству нужны финансы для вознаграждения помещиков; это показывает незнание хода крестьянского вопроса. — Правительство никак не должно и не станет платить помещикам. Личность крестьянина оно имеет право освободить и освобождает прямо, за потерянный же труд этой личности помещик вознаграждается трудом же крестьянина. И усадьбы, и угодья, и поля и пр. — за все крестьянин будет отбывать работы и таким образом вознаграждать помещика; все это, думаю, устроится помощью свободных договоров. — Странно слышать и следующие слова: «Надо постепенно самому государю ограничить свою власть. Ты скажешь—Александр человек, да и Александр I тоже был человек». Это показывает, что ты теперь во всем запутан и разливаешься по поверхности:— обрати на это внимание и старайся лучше отклонять от себя мысли о предметах, стоящих выше твоего разумения: я говорю о божестве и душе.

Итак: неужели ты не мог понять, что человек человеку рознь, что если мечтатель, богомол, мистик Александр I

хотел отречься, то и все могут и будут жертвовать своими интересами?

Бунт кончился тем, что Лермонтов приходил к нам и предлагал кадетам возвратить нашим товарищам все потерянное. Описывать все это не стоит.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

17 июня.

Я не пишу тебе, ожидая письма от тебя, — я не знаю, как зовут Костыркина, а от тебя что-то нет писем, верно у тебя денег нет пока, я разжился: от продажи образа и книги получил 75 коп.; если у тебя нет денег на письма, я пришлю тебе 1 или 2 марки. Статистику и политическую экономию прочел я с большим удовольствием, это меня заинтересовало, и я вполне признаю важность политической экономии. Статистику прочел я еще во время дороги и смело могу сказать, что читал обе эти книги с наслаждением. Теперь я читаю «Рассказы из истории Англии» в «Современнике» 1856 и 57 годов; прочту «Оч[ерки] лог[ики] Лессинга», «Фауст» Гете и многое другое. Я слежу за современностью, но Англия в особенности привлекательна для меня, я теперь хорошо познакомился с ее правлением через Маколея. Я также занялся исправлением «Пребывания в Унцовске», которое кончил и теперь переписываю его. Не знаю, куда послать—в «Моск. вед.», или «Сын отечества». Мне бы хотелось в «Моск. вед.» потому что я знаю, как платят они; наконец ты бы мог узнать через Бестужева, который теперь исправляет должность Корша, приняли ли это, а «Сын отечества» скорее примет это, боюсь, что для «М. В.» будет длинно. Не знаю также, через кого получить деньги. Я предложу свои услуги для переводов, вот напр. *Recits des temps Merovingiens*, остальные 5 рассказов, так как первые три переведены Герценом. У меня переведен 6-й или 7-й рассказ — не помню. Что ты не попытаешься напечатать свой перевод из Мишье в «Моск. вед.», я думаю что там примут охотно. Перепиши с помощью Защуков, они верно согласятся помочь тебе в этом.

\* \* \*

В деревне есть «Оч[ерки] России 1840 года», издание В. Пассека<sup>1</sup>, очень порядочная книга 2 и 3 ч.; 1 и 4 нет. В них содержатся отдельные статьи без продолжения и окончания. Статьи б. ч. В. Пассека, Д. Пассека, А. Вельтмана и др.

На переводы романов я согласен. Хотя и надо будет себя принуждать, потому что надо сперва прочесть роман, а это не шутки. Не знаю, как ты, но за собой я замечаю, что мне становится трудно читать повести, а романы подавно. Нужно, чтоб это было что-нибудь очень хорошее, чтоб я прочел как следует. Зато поэзию полюбил гораздо более прежнего. Теперь я читаю *Meditations poétiques* и *Recueils poétiques* Ламартина с большим удовольствием, не говоря уже об русск. стихотвор., кот. есть в «Совр[еменнике]» и кот. я с наслаждением прочел. Особенно нравится мне стих. А. Толстого, вчера еще я восхищался ими, напр. «Дождя отшумевшего капли тихо по листьям текли» и т. д. Я пеняю на себя, как мог я не любить прежде стихотв., находя, что нет ничего скучнее. Всегда бывают тупы в детские годы!

\* \* \*

Благодарю очень и очень за Сэ<sup>2</sup>. Скажи пожалуйста, были ли напеч[атаны] «Думы К. Рылеева»; у меня есть написанная рукою нашей матери тетрадь, она содержит «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав». «Святополк» не кончен и этим кончается то, что написано из дум. Они очень недурны. Прощай.

П. Кропоткин

Нынче придет почта, но некому будет принести. Пойдет 23 июня.

Я собираю материалы об образовании нашего дедушки Кропоткина и о воспитании отца. Это может послужить к

---

<sup>1</sup> Пассек Вадим Вас., этнограф, историк и литератор, друг Герцена. Его «Очерки России» были первой популяризацией этнографических сведений о России.

<sup>2</sup> Брат послал Петру Алекс. книгу Say, «*Traité d'économie politique.*»  
(Прим. ред.)

объяснению его взглядов на воспитание наше. Я собираюсь прочесть Елиз[авете] Марк[овне]<sup>1</sup> и при случае и отцу рецензию из «Совр[еменника]» на книгу Пирогова «Вопросы жизни», в которых Пирогов<sup>2</sup> восстает против того, что родители имеют право всецело распоряжаться детьми. Там много сильных и резких выражений, авось это будет полезно. Едва ли впрочем.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

25 июня, 3 часа утра

Вчера вечером я привел в систему то, что хотел, а вот теперь излагаю тебе:

— Жизнь, б ы т и е — без движения не мыслимы; коснение же предполагает собой н е б ы т и е. Это справедливо в отношении всего в мире; эта истина доказана философией (Платон): она справедлива и в отношении человечества. Движение человечества состоит в прогрессе и совершенствовании. Это последнее состоит в постепенном отрицании лжи, заблуждений, а также в п о л о ж и т е л ь н о м стремлении к приложению к жизни и к воцарению над всяким действием идей и с т и н ы, д о б р а и к р а с о т ы. Совершенствование предполагает собой отыскивание новых истин.

Арена движения человечества, т. е. его деятельности, дробится на несколько областей, находящихся, как доказывает наблюдение, в теснейшей зависимости друг от друга. И точно: улучшение нравов невозможно без развития удобств, отстраняющих поводы к некоторым преступлениям; удобства немислимы без развития промышленности; развитие промышленности без науки; наука без всестороннего отрицания заблуждений в искусствах, религии, политике и пр.

К числу областей человеческой деятельности принадлежит и религия. Из вышесказанного мы можем вывести то заклю-

<sup>1</sup> Мачеха. П. А. и А. А. Кропоткиных.

<sup>2</sup> Пирогов Н.к. Ив. (1810—1881) — выдающийся врач и педагог, в 1856 г. в «Морском сборнике» напечатал статью «Вопросы жизни», в которой подверг беспощадной критике господствовавшую тогда в России систему воспитания и образования. Эта статья произвела большое впечатление на передовое русское общество. (*Прим. ред.*)



чение, что отрицание религиозных заблуждений и полное освобождение от них невозможны без одновременного отрицания заблуждений и в прочих областях.

Мы должны признать необходимостью то явление, что во всех областях нашей деятельности мы нашли кучу лжи и заблуждений с малой только долей истины, для того чтобы решительное отсутствие ее не заставило не только сомневаться в возможности слиться с нею, но даже не иметь о ней и понятия. — Это, говорю, была необходимость; ибо иначе не было бы повода к совершенствованию, т. е. к движению, к ж и з н и.

Сообразив вышесказанное, заключим: заблуждения были необходимы и в религии; само христианское учение, идеал всего истинного и доброго, когда дело идет о предлагаемых им идеях нравственности, может заключать в себе одну ложь — бессмертие. Заблуждения в нем необходимы, дабы было бы что отрицать, т. е. совершенствоваться. Если бы нужно было коснуться в религии, нужно было коснуться и везде, а следовательно не жить

После обеда

Не софизмы ли все это? Признаться сказать, сам я мало придаю веры этим своим суждениям, хотя с виду они кажутся мне истинными; не знаю право, в какую сторону склоняться. Странно звучит бессмертие, странно звучит и н е о б х о д и м о с т ь заблуждений в христианском учении. Не верится, чтобы божество не нашло бы в своем творении честного исхода и, избегнув обмана, не могло бы учредить все как следует. — Мы переживаем, Петя, очень важный духовный кризис, как выйдем из него — не знаю. Полные ли животворных убеждений, разливающих на душу благотворный свет, укрепляющих в борьбе с жизнью и ложью, или же полные скептицизма и неверия, пожалуй, даже в самих себя. Устоим ли мы против напора возникающих в нас вопросов, сможем ли решить их удовлетворительно и так, чтобы убеждения в отыскиваемых истинах действовали на дух благодатно, или же мы падем в пропасть лжи и потеряем дорогую для нас бодрость духа, бодрость, без которой невозможны толковые занятия, бодрость, прибавлю, которая и возможна-то лишь при твердых рели-

гиозных убеждениях. Задумывался я часто об этом и вот теперь излил тебе свои сомнения. И напрасно была бы решимость оставить в стороне затронутые нами вопросы. Тщетно было бы желание возвратиться к былым убеждениям. Эти убеждения перестали быть ими, и возврат к ним невозможен.

А вопросы встают с прежними требованиями из глубины духа и при каждом случае требуют решения. Говорю о себе; встанешь рано утром, при звуке трелей жаворонка, — душа уносится куда-то и невольно всплывает вопрос о ее назначении. Видишь ли молящихся — думаешь: какие грехи они вымаливают. Задумаешься ли так, — тянет тебя к нерешенным вопросам...

Я говорю не шутя, мы переживаем важный духовный кризис. Дай-то бог выйти из него с свежими силами и убеждениями. Дай-то бог. 27-го получил от Н. П. Кравченко и Леночки второе письмо. Ты узнаешь о их содержании когда-нибудь после, интересного нет ничего.

*А. Кроткин*

---

К этому письму приложены переписанные рукою А. А. следующие стихотворения Кольцова: «Измена суженой», «Разлука», «Лес» и «Рождь».

После них А. А. добавляет: «признаться сказать, я в большом затруднении. Я насчитал у Кольцова еще 23 стихотворения, ничуть не уступающих этим. Не знаю, ей-богу, какое выписать. Лучше не стану, да и труда меньше. Отчего ты не пишешь мне ничего о стихотворении «Он шел безропотно тернистою дорогой»...? Как оно тебе нравится? Напиши также, можешь ли достать себе Лермонтова? Я еще помню кое-что из него, — написал бы тебе.

«В завершение вот тебе стих. Веневитинова, в котором он предсказал свою кончину. Замечательно психологический факт. Он стоит того, чтобы о нем подумать. Стих. называется «Поэт и друг». (Далее приводится стихотворение).

*Редакция*

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ<sup>1</sup>

30 июня.

Недавно, роясь в шкапу отца, я нашел листочек из записной книжки мамыши (не этой, а нашей), и на ней написано карандашом: «... 12 года, я долго с ним<sup>2</sup> говорила, память у него удивительна, в Гельсингфорсе он лежал раненый и в Дрездене также и он мне обещал за меня молить богу. Неудачи наши и остановки, я их ожидала, ибо первая моя встреча, не доехав до первой станции я была поражена — слышу вдруг вопль, крик, я высунула голову. Что же? Несут на носилках гроб. Мужик весь посиневший, длинные его черные волосы, усы и борода развевалась ветром, он так был страшен, что я невольно вскрикнула и задрожала, признаюсь мне это очень было неприятно». Дальше она описывает, как они сидят на одной станции, 2 раза упоминает про Лену, которая сидела и играла с куклой. Слог довольно живой, кончается словами: скука, тоска, смерть. В одном месте: «Я люблю тебя только, сколько можно любить». Из других мест в альбоме (я видел у Леночки) видно, что она очень любила своего отца. Заметил ли ты из первой выписки разительное сходство с слогом Леночки. — Да, вспомнил, Лена пишет, что видела гусара, который, кажется, имел за мамашу дуэль.

Отец недавно еще на тебя сердился, потому что Лена писала, что ты писал ей, и он говорит: «невежа, пишет сестре, а отцу нет». Хорош! Я твердо решил на его дерзость отвечать тем же, если он затеет драться, то я ему скручу руки, посмотрим. Ты не поверишь, какое отвращение я теперь имею к нему и его супруге. Напр[имер] еще теперь сад заперт, и никого не пускают на клубнику, приносят тарелочку к обеду, прочее гниет.

Недавно были мы у Сорокиных<sup>3</sup>. Я вспомнил свои ребяческие шалости, когда я воображал себя влюбленным и написал акростих, я отыскал его в своих стих., вот он:

<sup>1</sup> Из села Никольского, где летом жил Петр Алексеевич.

<sup>2</sup> Мать П. А. в своей записи говорит, повидимому, о своей беседе с своим отцом, Н. С. Сулима, который принимал участие в войне 1812 г. и был ранен в одном сражении.

<sup>3</sup> Соседи Кропоткиных по калужскому имению. (Прим. ред.)

Вы красотой своей меня пленили;  
 Ах, я вас искренно любил.  
 Раз я увидел вас.  
 Я уж вас полюбил тотчас.  
 Сему три года уж, как вы  
 Обедали у нас, три уж, увы.  
 Рок не сводил уж боле нас.  
 О нет, не забывал ведь я же вас.  
 Как горячо я вас любил тогда.  
 И так теперь, и так всегда,  
 Не разлюблю вас никогда.  
 А буду так любить я вас всегда...

Это было написано в 1855 г., а видел я ее вероятно в 1852 г., потому что «Сему 3 года» и т. д... Помнишь, ты тогда увидел по первым буквам, что это акrostих, и сказал мне, но я тебе соврал, сказал, что я не помню всех строк...

Ты говорил мне перед отъездом в деревню больше ходить пешком, по утрам в особенности, по утрам такая роса, что всегда ноги замочишь, а в прочее время стал ленив, признаться сказать, жарко, только вечерами можно, немного хожу, зато много езжу. Как только хорошая погода, беру лошадь (есть очень порядочная) и езжу по полям, по окрестностям час, полтора, как заблагорассудится, иногда беру Ламартина и, привязав в лесу лошадь, читаю его. Ты, может быть, думаешь: «что за щедрость, чтоб всегда была лошадь». Тут две причины: 1) привели лошадей из Тамбова и Басова, из табуна. 2) Я соврал, что нас учат в Корпусе ездить верхом (у нас учат в 1 спец.) и что требуют, чтобы хорошо ездили; вследствие тщеславия мне и дают всегда, чтобы я учился. Как глупо! но мне это сподручно.

4 июля.

Нынче получил твое письмо — посылки нет еще.

Нынче имел за столом жаркое объяснение с Елиз[аветой] Марк[овной]<sup>1</sup>. Об чем? не трудно угадать. Тема: моя необщительность, желание иметь доказательство, почему так делается, если нет доказательств, моя горячность в споре. Я стал

<sup>1</sup> Мачеха.

(Прим. ред.)

доказывать Ел. Марк. недоказательность предрассудка, что вредно наливать через руку. За это меня осыпали упреками, сравнили с тобою, конечно, ругая тебя и пр., я сильно и резко отвечал и кончил почти дерзостью. Елиз. Марк. за неласковость моих выражений заметила, что я должен быть с нею ласков, потому что все в ее руках (отец и пр.), другой причины она сама поняла, что нет. Я заикнулся о чувствах, она сказала, что чувств не может требовать. На это я ответил, что она учит меня подлости, говорить то, что не чувствую, и много было такого об ее долге (по воспитанию) и т. п. Отец все молчал; когда меня сравнили с тобою, он встрепенулся, говоря: «ну, тот уж совсем пропал, я его на порог не пушу в свой дом», и замолчал, на прочее ни слова. Надо показать ему, что ты не нуждаешься, я буду настоятельно требовать письма к тебе. Едва ли успею. Отец не захочет. Надо будет потихоньку, а после твой ответ обрушится на них, зачем писали, впрочем это не беда...

12 июля.

Весьма неприятно — не посылают в Мещевск, письмо пойдет 15-го.

Вот что я узнал на ярмарке: привезено: ржи очень немного—15 четвертей, овса на 22 рубля 70 коп. сер. Муки ржаной на 130 р. 68 к. сер., грешневой крупы 144 руб., проч. круп 312 рублей. Баранок 81 рубль. Калачей 53 рубля. Красного товару 4 655 рублей. Шляп 110 рублей. Кожи 35 рублей. (Сапоги тут же.) Мыла 100 рублей. Колеса 400 рублей. Гребней деревянных для пряжи 53 рубля. Мелкой деревянной посуды 10 рублей. Телег 84 рубля. Глиняной посуды 28 рублей серебром. Скота 1 677 рублей серебром<sup>1</sup>. Моск. товару 20 р. сер. Пряников 166 рублей (тут же и сладости). Трактир 70 рублей. Кабак 640 рублей. Кос и сох железных 30 рублей серебром. Сохи и бороны деревянные 15 рублей серебром. Брусья для точения кос 10 рублей серебром. Лубков 10 руб. Цены

<sup>1</sup> Из них лошадей 76 на сумму 1 383 рубля. Коров 28 шт. на 520 руб., овец и баранов 126 шт.—317 рублей (все серебром.); хомутов—400 руб. (Прим. автора)

Рожь<sup>1</sup>. Овес 70 коп. асс. за меру. Мука ржаная 30—36 коп. серебром за пуд. Греш. крупа 75 коп. сер. мера. Просяная крупа 4 руб. 60 коп., 5 руб. 25 коп. сер. за меру. Средняя цена (большей частью просо) 4 руб. 90 коп., я пишу 4 руб. 92 коп.; ситцы от 10—45 коп. сереб. арш., коленкор от 10 к.—30 к. сер., кисея 15—25 коп. сер., платки 10 коп. — 4 руб. сер. Шляпы 50 коп. — 75 коп. сер. шт. Сало 4 руб. 60 коп. сер. за пуд. Соль 80 коп. сер. за пуд. Деготь 1 руб. 20 коп. сер. за пуд. Мыло 3 руб. 60 коп. за пуд. Колеса 1 руб. сер. за штуку. Гребни деревянные большие 50 коп., а маленьк. 28 коп., а средние 40 коп. Телеги большие 8 руб. 75 к., а малые 8 руб. 25 коп., а средняя цена 8 руб. 50 коп. за штуку. Горшки от 2—15 коп. сер. штука. Лошади 3р. — 45 руб. Большой частью привезены лошади от 9—15 руб. сер. Потом в 20—25—4 л., 30—4 л. и 45 руб.—2 л. Если узнавать среднюю цену, раздели руб. на число приведенных лошадей — почти 19 рублей. Коровы 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub>—30 руб. Средняя цена 22<sup>1</sup>/<sub>2</sub> рубля. Овцы средняя цена 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> рубля от 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> рубля—7 рублей серебром. Пряники от 2 коп. и 5 коп. сер.

\* \* \*

Продано: хлебного товару можно класть на 275 руб., наверно нельзя узнать его, я руководился указанием мужиков. Красного товару на 915 руб.; купцы очень довольны этим, потому что они говорят что привозят так много, чтоб был большой выбор. Шляп 75 рублей. Мелких товаров 80 рублей. Сала свиного <sup>2</sup>/<sub>3</sub> привезенного. Соли 104 рубля. Деготь 250—254 рубля; почти весь. Кожи 30 рублей. Колеса 300 руб. Гребни — Мелкая посуда 8 рублей. Телеги (не разборчиво). Глиняной посуды 15 рублей. Москат. товару 10 руб. Пряники 82 руб. Трактир 50 рублей. Кабак 560 руб. Кос и сох железн. 25 рублей. Сохи и бороны дерев. 9 руб. Бруски 5 руб. Лубки 4 рубля. Холстов 350 руб. Дуг.

То, что я еще обозначил здесь, узнаешь в след. письме. На сколько продано, я узнал в конце ярмарки — из разговоров.

<sup>1</sup> Цена не проставлена.

(Прим. ред.)

Ну, брат, стоило труда. 7-го я все время после обеда таскался по ярмарке. После чая 8 ч. Встал рано утром и ходил до чая. Какое недоверие, страх! Думают, что я от станового, никакие убеждения не помогли, что будут сваливать в ров, что не продадут (это нек. торговки), а впрочем я узнал довольно верно, что продано. От 10 час. утра до 7 час. вечера уезжают продавцы и покупатели. Что же можно узнать? Впрочем, эти данные приблизительно верны. Труднее всего было узнать скот и хлеб. Ходить пришлось ужасно много. Прощай, я скоро буду писать.

*П. Кропоткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

19 августа 1858 г.

Прежде всего причина моего продолжительного молчания. В начале июля причиной ему была чрезмерная лень, посещающая меня всегда в очень жаркое время; но впоследствии, до 15 августа, причины были нравственные, а именно, беспрерывное беспокойство о своей судьбе. Дело вот в чем:

В июле у нас был небольшой бунт, героем и причиной которого был я. — Началось с того, что я из пустяков повздорил с нашим ротным командиром, шт.-капитаном Максимовым. Он приказал мне, во фронте, надеть шинель в рукава, но т. к. она была немного мокра, я довольно невежливо отказался. — В наказание он велел мне итти в карцер, я не пошел.

Это было вечером. На следующий день было назначено учение слабых по фронту (назначали восемь самых забубенных кадет самых низших классов и школьников). Вдруг, в отместку за грубость, Максимов приказывает итти с ними и мне. — Я не пошел. — Дело приняло довольно серьезный оборот; сказали про меня баталионному командиру, а тут, как нарочно, приехал временный наш директор полковник Пичугин. — Бат. командир, полк. Шипин, которого я незадолго перед тем изобличил, по поводу истории с одним кадетом, во лжи, задумал мне отплатить за мое вмешательство. Он сказал Пичугину, что не может меня держать в лагере, что я говорю возмутительные речи (правда), что я порчу кадет религиозными спорами и пр. — Завязался разговор, я не

буду описывать тебе его, скажу только, что я разгорячился и говорил до такой степени, что именно был достоин гонки в юнкера. — Я грозил, ругал, бил кулаком по столу, колол словами и пр., и пр.

И вот порешили отвезти меня в карцер — в Москву — и недели на 3 отделить от кадет. Я сказал, что не поеду. — Кадетики услышали... Высыпали гурьбой наши молодцы из палаток и стали просить, чтобы меня не везли. Отказали. «Так мы приказываем». Мы не пустим. Я сказал, что «не поеду» — раздался крик. Начальники побледнели: «хорошо, говорят, зато мы пошлем об нем в штаб бумагу» — раздались крики: «браво»... хлопанье в ладоши, смех и пр.; наконец мы ушли, настояв на своем.

Через три дня после этого Костыркин объявил мне, что обо мне послали в штаб бумагу, прося выгнать меня в юнкера. Я стал беспокоиться, прощай, думал я, университет, и стал готовиться к отъезду, намереваясь написать тебе письмо, как только мое дело решится окончательно.

Но дело затянулось, я все ожидал гонки, но все ее не было, и 10 августа я узнал, что бумага обо мне еще не послана, а что дело решит комитет, который соберет Лермонтов, недавно приехавший из отпуска. Меня засадили в карцер, там я решил, что не позволю себя ни за что в свете высечь и лучше пойду в солдаты. Несколько раз звал меня Лермонтов, делал предложения: или высечь, или в юнкера, наконец, жалея верно меня, он замял дело, сбавив мне только 1 балл за поведение, с 7 на 6. — И это жутко.

Во время процесса, когда я читал и спорил, все даже удивлялись моей беспечности, но когда я вспомнил о тебе, становилось тяжело, жалко университет, юнкерство, и я писать не мог.

Я уже коротко сошелся с Тихонравовым<sup>1</sup> и 23-го пойду за книгой. Познакомился я с ним в лагерях, а потом, иногда, видался с ним в нашем саду. Самое приятное знакомство. О другом, кроме предметов вроде цензуры, науки и пр., мы не имеем беседы, и из разговоров я убедился, что недаром

---

<sup>1</sup> Профессор Московского университета и преподаватель Кадетского корпуса, известный историк литературы. (Прим. ред.)



Тихонравов считается одним из украшений русской литературы в Моск. университете. Никогда не забуду последнего нашего разговора с ним о Кудрявцеве и Грановском. Как хорошо Тихонравов говорит, как справедливо оценивает профессорскую и ученую деятельность этих великих деятелей науки! Мы говорили долго, стало уже темно и я возвратился с умом, наполненным самых приятных впечатлений.

Познакомился я через Тихонравова и с г. Ант. Ив. Лаксом, специалистом по истории. Лакс—человек, уступающий Тихонравову, но тоже очень умный и новых понятий. Лакс ответственный редактор одного исключительно литературно-критического издания, которое затевается в Москве самыми лучшими нашими писателями. Оно начинает издаваться с января 1859 г.

Итак, положены основы моей, а через меня и твоей литературной деятельности, увы, переводной; а также положены основы нашего литературного знакомства. Там должна разыгаться наша деятельность; ибо, верно, бог нам поможет не принадлежать к числу дураков.

А знакомство мое с Костыркиным все более и более скрепляется и с моей стороны превращается постепенно в искреннюю дружбу. Это добрая, прямая и очень умная личность. — Костыркин принадлежит к числу тех людей, представителями которых служат Рудин и «братья», с тем только отличием, что Рудины идеалисты, а Костыркин человек в высшей степени практический и с которым не отказался бы поговорить любой русский умник. Он имеет самый здравый взгляд на вещи, говорит красно, горячо и имеет сродные мне симпатии к Сибири и Америк. союзу.—Испытал чрезвычайно много и à parte<sup>1</sup>... он был и под судом (не за то), хотя блистательно оправдался. Был везде лучшим офицером, получал благодарности. Кадеты его о б о ж а ю т... Он хорош собой, молодецват и чрезвычайно весел. Хорошие наши офицеры за ним волочатся, ибо в компании с ним скука невозможна. Он читает довольно много и притом почти всегда ученое, которое всему предпочитает. Но теории он не любит, зато сочувствует хозяйственным наукам, а в особенности естественным.

---

<sup>1</sup> Две строчки в подлиннике написаны неразборчиво. (Прим. ред.)

В течение лагерей я ходил к нему каждый день на дом, в Коломенское, и познакомился с его чудной женой и прочим семейством. Сходство его с Рудиным и пр. состоит в недостатке воли, когда эта воля касается занятий, и притом постоянных, специальных, какою-нибудь наукой. Например, я помню, вследствие отчасти (и большей) своей склонности к практике и именно хозяйству и торгово-промышленности, а отчасти вследствие (немного) моего влияния, он горячо взялся за политическую экономию. Он молод и не ему ли заняться. Но жар охладел... Начало блестящее, конец неутешительный. Боже, как должны быть несчастливы такие люди, если они сознают и богатство своего ума, и слабость своей воли...

Тем не менее я горячо люблю Костыркина; это один из избранных... Он страстно любит музыку и понимает и сочувствует поэзии.

Теперь о ярмарке. Честь тебе за преодоленный тобою труд, оселок, может быть, будущих занятий по предмету статистики. Теперь можно сказать, и я тебе скажу, что в цифрах твоих есть, конечно, неверности. Нет возможности хорошо узнать то, что я тебе предлагал, из частных исследований: необходимы источники официальные, т. е. в уезде обращение к становому, а в городе к городничему, которым хорошо известно, на сколько привезено и на сколько раскуплено товаров. Но все это я узнал, к несчастью, уже после того, как ты сделал свое дело. И потому цифры твои не могли послужить основой заключениям.

20 августа 1853 г.

Недавно я написал Тихонравову письмо, которого вот содержание вкратце:

Мне часто приходила мысль, Николай Саввич, что в теперешнее время было бы очень полезно для России периодическое, посвященное исключительно политике, издание, и притом в духе либеральном, иначе оно не нашло бы себе читателей. Но сомнение в согласии на то правительства заставляло меня молчать, и я стал только получше вникать в дух тех статей современной литературы, в которых

задеваются политические системы, права народа, политические учения и пр. Наблюдения показали мне, что уже довольно прямо и часто стали говорить обо всем этом; и хотя это делалось иногда косвенно, как например в «Записках Гизо» («Рус. вестн.») и других, но иногда и очень прямо, чему живой пример «Политическое обозрение» Каткова. Вообще «Рус. ведомости» служат, как мне кажется, полнейшим и лучшим ручательством за дозволение правительства издавать политический журнал. Сомнения могут возникнуть лишь потому, что в этом журнале политические статьи будут помещаться постоянно и под ряд, да все в либеральном духе, — чего, пожалуй, правительство побоится. Позволить сказать мельком политическое слово оно, пожалуй, и не прочь, но сряду, — быть может, это и не в его намерениях. — Но вообще, говорил я, мне кажется, что можно было бы убедить Александра позволить издавать столичный «Вестник», ибо не век же России не вмешиваться в свое управление, т. е. быть государством самодержавным. — И гораздо безопаснее высказать обществу прямо то, что со временем ждет его, оно привыкнет к мыслям о будущей свободе, эта мысль сразу будет ему казаться дикой, а политический журнал стал бы подготавливать к разумному восприятию этой свободы. «Политический вестник» не стал бы возбуждать преждевременного движения; он, напротив, удержал бы его, доказав научным образом, что прежде нужно себя образовать политически, а потом вмешиваться в управление государством.

Выгода издания «Политического вестника» состоит в том, что проповедуемые им начала проникнули бы мало-помалу во все почти общество, которое через это ранее и лучше могло бы понять новые свои права. В противном случае переворот (хоть и не вскоре) совершит лишь образованное политически меньшинство, а как поймут тогда свое положение непосвященные?

Написав все эти доводы в пользу «Политического вестника», я предложил его программу:

1) Статьи по собственно политической философии, т. е. то, что именно зовется политикой.

2) Современное политическое обозрение с обсуждением явлений.

3) Таковой же обзор замечательных политических явлений прежних времен.

4) Характеристики замечательных политических деятелей с указанием их влияния на эпоху.

5) Критическое обозрение современных литературных явлений по части собственно политики.

6) Критическая оценка замечательных политических, литературных произведений прошлого столетия.

И вот на другой день я увиделся с Тихонравовым в саду — «задумано, сказал он, хорошо, но позволить-то — не позволять». И в доказательство, что даже и пытаться просить нельзя, привел следующие факты:—В одном из последних №№ «Рус. вест.» была помещена, по поводу вышедшей недавно книги во Франции *Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps par Guisot*, превосходная и довольно длинная статья Феоктистова «Записки Гизо». С самым живым наслаждением перечитывал я, 2 раза, эту умную, богатую самыми здоровыми и либеральными взглядами, богатую самыми интересными фактами статью. Особо возмутительного в ней нет ничего, но так как на нашу публику привыкли действовать прессом и т. к. она, бедная, очень редко дышит чистым политическим воздухом, то, по обыкновению, она захохла: «ах, как смело, дерзко, либерально», и эти крики радости дошли до министра Ковалевского и главного цензурного комитета. До министерства Ковалевский был явный либерал, но когда стал министром, по недостатку связей и поддержки в деле он стал поневоле взыскателем, и вот Мих. Никиф. Каткову написали письмо с следующей угрозой: «Если будет еще раз помещена подобная статья — журнал будет запрещен, цензор же (фон-Крузе) будет смещен, автору выговор»... Вот тебе и либеральная цензура! По поводу этой цензуры мы долго говорили с Тихонравовым и, к несчастью, точно: «Политический вестник» невозможен. А я уже мечтал, что в России будет скоро свобода печатания; о ней уже пописывали и намекали в журналах (особенно «Рус. вест.»), и вот плоды. Неутешительно.

С Тихонравовым была недавно история получше. Он разобрал дрянную книжку Сушкова «Благородный университетский пансион» и показал себя немного не православным, кажется в разборе же. И что же, Сушков доносит

об этом Филарету. Коршу (кажется, что ему) выговор.—(Недавно один цензор по поводу одной статьи Тихонравова предписывал ему план статьи.)

Но я не унываю; придет время, «Политический вестник» будет возможен; и тогда и нам уже можно принять в нем участие. Дай бог, чтобы только поскорее настала пора свободы слова и действий в России.

Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,  
 Подавленный ярмом,  
 Покорно скованный бездушными властями,  
 Шпионством, ханжеством,  
 От сна невежества, от бреда унижений,  
 От лени вековой.  
 Восстань и посмотри: везде кипит движение...  
 Черед уж за тобой.  
 Давно гнетут тебя наследники Батыя,  
 Нет права для тебя,  
 Проснись, проснись, несчастная Россия,  
 Твой бог зовет тебя...

и т. д.

Нет, хоть и не совсем кстати я привел это, да как-то пришлось.

Воображаю, судя по Рязанскому, что делается в комитетах по освобождению крестьян. Знакомый тебе по фамилии кадет Гилдебрандт передал мне следующие интересные факты. Отец его предводитель дворянства в Рязанской губернии и потому главный распорядитель в комитете. Многих он уже прогнал, ибо не нашлось даже сторонника освобождения, так что в<sup>1</sup>..... не было еще ни одного члена. Однажды выходит Бутурлин (толстяк), тамошний миллионер, и говорит: «Для дворянства готов хоть в Петербург пешком, для крестьянства же ни шагу», с этими словами он вышел, сопровождаемый словами Гилдебрандта: «одним ослом меньше».

Такова наша матушка Россия, таковы ее представители, ну, ждать ли от подобных голов разумного решения какого-нибудь вопроса и как потом не благословлять литературу, которая единственно у нас может решить дело через своих беззаветных, может быть, поборников. И как после этого не

<sup>1</sup> Неразборчиво два слова, вероятно—«в Рязанском комитете».

(Прим. ред.)

кричать с досады, когда смели посягать на свободное обсуждение крестьянского вопроса.

Теперь перенесемся к переводам, если книга, которую даст мне в субботу 23-го Тихонравов, будет велика, то, кроме дохода, нам придется разделить пополам и труд... Но это вздор, а вот что прими к сведению. Я буду переводить следующим образом и советую тебе последовать моему примеру. Надо прочесть книгу 3 раза. В первый раз надо читать бес-сознательно, с словарями под рукой и слегка надписывая карандашом перевод незнакомых слов. Затем второе чтение должно быть сознательное в высшей степени: нужно вникать в каждую мысль, каждое слово. Третье чтение должно быть посвящено тому чтобы уловить манеру изложения автора, — вещь очень важная, а также при третьем чтении надо проникнуться общим духом оригинала. Затем уже последует перевод, и прежде чем переводить фразу, надо прочесть все те, которые находятся рядом с нею, между верхней и нижней точкой.

Таково, по крайней мере, мое мнение; мне кажется, что при иных условиях перевод выйдет не художественный и негодный для печати. Имей то в виду, что наше дело будет не спекуляция, что труд наш будут обсуждать люди ученые и взыскательные. Итак, помоги нам бог, дай только немного таланту, и мы будем всегда обеспечены...

Филарет<sup>1</sup>, кажется, умер, а если нет, то уж наверно умрет скоро, ибо он чрезвычайно опасно болен. Жаль, что Русь лишается своего единственного хорошего богослова: жаль мне, ибо по выходе в офицеры я намеревался с ним поговорить... Если бы не эта бесполезная, в наше время, духовная деятельность, имя Скворцова<sup>2</sup> славилось бы на Руси по-иному, чем по проповедям да по образцовому знанию русского языка. Что было толку в том, что огромны были по всем отраслям познания Филарета, что эта голова имела здравый взгляд на вещи. Его риза закрывала от нас все его достоинства и они не принесли нам пользы. Если есть рай, то митро-

---

<sup>1</sup> Митрополит московский.

<sup>2</sup> Фамилия митрополита Филарета была Дроздов, а не Скворцов.  
(Прим. ред.)

полит наш верно будет драть там глотку, восхваляя вседержителя, во имя которого он на земле пил воду и ел просвирки. И верно Филарет будет не из последних крикунов на том, предполагаемом, свете.

21 августа 1858 г.

Постараюсь теперь пояснить кое-что, чего ты не понял из моих религиозных теорий. Прежде всего считаю долгом напомнить тебе, что я, как и ты, нахожусь в переходной эпохе, а потому и нечего было соглашать все, что я говорил о религии. Я помню, недавно еще я верил даже в необходимость посредничества святых; затем, если помнишь, я убедился в истинности одного лишь лютеранства; далее явилось отрицание бессмертия. Затем я стал отрицать обеды, таинства и стал признавать лишь то, что Христос—бог и нужно ему молиться... Теперь я уже признаю Христа лишь посланником бога, простым человеком, хотя еще *ч р е з в ы ч а й н о* сомневаюсь в справедливости последнего. Будущее покажет, как решу я этот последний важный пункт. Теперь я думаю в пользу божественности Христа... Думаю, что через месяц можно будет сказать что-нибудь определенное.

Однако посылаю тебе мой *к р а т к и й* символ веры за теперешнее двухнеделие... именно так...

Я верю в бытие творца и во все его совершенства; верю, что всякая молитва, обращенная к нему, прямо или посредственно, бывает им услышана и исполнена, если молящий даже только *и с к р е н н о* желает *в е р о в а т ь* в ее исполнение, т. е. вера для всех слишком трудна. — Молитва бывает им услышана и исполнена даже тогда, когда человек с верой в исполнение обращается к собаке, дереву, солнцу и т. п. — Отсюда объяснение чудес (по-моему просто исполнение молитв, сопровождаемых сильной верой), производимых будто бы мощами, иконами и святыми. Бог только потому исполняет молитвы людей, верующих в могущество этой дряни, что милосерд бесконечно и исполняет молитву, сопровождаемую верой, как бы, *к* кому бы и через кого бы она обращена *н а* была.

Думаю (но не убедился), что Христос был просто человек в высшей степени совершенный или же что он был посланная

богом небесная сила какая-нибудь для возобновления религии в человечестве.

Убежден, что душа смертна и что, следовательно, не будет загробной жизни.

Убежден, что для большинства обедня есть глупая обрядность, ибо по заученному да по известному порядку не всякий может молиться.

Верю, что 4 Евангелия суть дивно нравственные произведения жидовской и греческой литературы, и что в них помещено вполне верное и правильно объясненное описание жизни на земле того самого, кого зовут все—Христом, иные богом, иные человеком и т. д.

Не отрицаю истинности тех мест в них, в которых говорится о бессмертии души и всему к ней относящимся. Почти лишним считаю упоминать, что Апокалипсис считаю бредом умного, но подверженного глупому *extas'y*<sup>1</sup> человека, а послания апостолов — образцами нравственных поучений. Ветхий завет заключает много нравственных и исторических истин.

Все, без исключения, христианские обряды отрицаю в их сущности. Но они позволимы для милых верующих.

Таковы мои теперешние убеждения, не ручаюсь за их продолжительность; напротив, я думаю даже, что скоро кое-что изменю.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

23 августа 1858 г.

Петербург.

Нынче получил твое письмо. Отвечу по порядку. Скажу тебе прежде всего, что я не могу понять, что тебе за охота связываться с корпусным начальством, тем более что я не вижу решительно никакой причины. Тут я вижу в тебе сходство с школьником. Школьник делает школьничества по любви к ним, привычке. Ты, должно быть — то же

---

<sup>1</sup> Экстазу.



по любви к дерзостям, потому что с разумным сознанием не сделаешь этого; из-за какого чорта подвергать себя опасности быть выгнанным в юнкера! Неужели у вас такие скоты офицеры, что с ними нельзя обращаться иначе, как дерзостью? Мне кажется, что если он такой скот, то не к чему и связываться; ты его не исправишь, ну и избегай столкновений, а то 1) попадешь чорт знает куда в юнкера, 2) не дадут места репетитора, тогда прощай университет. Хоть бы для этого обходил скотов, которых можно прогнать только палкою.

О религии скажу тебе, что все, что я думал о ней, так спуталось в моей голове, что я решительно не знаю, чему верить. Есть ли бог в том смысле, как его нужно понимать по писанию? Положим, есть творящая сила, которая дала толчок, но следует ли поклоняться ей? Что-то не верится, чтобы она могла отклонить какое-нибудь несчастье и тому подобное. Ты скажешь, что апостолы говорили о чудесах совершившихся от веры видевшим это. Был ли богом Иисус Христос? Доказательство—святость его учения, возвышенность, чудеса (см. Катехизис). Полно, может ли это быть доказательством? Святость, возвышенность — не доказательство, мне кажется. Чудеса? Не было ли это надувательство? Разуверь магометанина в том, что Магомет врал, он скажет: его последователи говорили это лицам, которые это видели, а между тем мы видим, что это вздор, что касается до чудес, в которых нельзя было надуть, то не ввали ли апостолы и евангелисты, для привлечения большего числа последователей они могли сказать: это случилось там-то, а кто скажет, это не случилось? Выищется ли кто-нибудь, чтоб сказать, что этого не было? Страна велика. Вспомни тогдашние сообщения, а наконец, если бы кто сказал, что чудеса враки, то это бы приписали ненависти к христианской вере, а то писатели бы (больш. частью христиане) и умолчали. Те, которые слышали в первый раз это учение и имели хотя малую долю здравого смысла и доброе сердце, были поражены его величием. По необразованности они поклонялись человеку, который мог написать такую гениальную вещь — равенство всех, прощение обид, любовь к ближнему и пр., и пр., не стали бы верить, чтоб кто-нибудь говорил, что враки чудеса: «Тот, кто написал это, может творить чудеса», вот что должны были они подумать. А между

тем мы должны благодарить тех апостолов (если мое предположение справедливо) за то, что они хотя и врали, но украсили благодатный свет христианской веры. А впрочем, бог знает, может быть, я ошибаюсь, очень может быть.

Скажу неприятную новость. Нам нельзя читать в Публичной библиотеке. Мы находимся на положении средних учебных заведений, а воспитанникам этих заведений нельзя читать в Публичной библиотеке. Это меня неприятно озадачило.

\* \* \*

На-днях я купил Кольцова, сколько наслаждения за полтинник! В переплете. Прощай.

*П. Кропоткин*

Пойдет 29 или 30 августа.

Да, поздравляю с именинами, вспомнил, писав число. Я начал теперь читать «Судьбы Италии» Кудрявцева.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

11 сентября 1858 г.

Я получил твое письмо 7-го и, не знаю почему, оно произвело на меня самое благоприятное впечатление. Конечно, это не потому, что ты высказал в нем что-нибудь особо близкое моим убеждениям; напротив, кое в чем я с тобой не согласен; несмотря на то, я в самый день получения твоего письма прочел его сразу и притом с удовольствием.

Я не ждал от тебя такого здравого взгляда на мою проделку; несмотря и на то, что ты и кольнул меня немного, сказав, что во мне есть сходство со школьником, — я вполне с тобой согласен, что это именно так и есть — удивило меня немного и то, что ты чрезвычайно метко попал в самый зародыш моего дела, т. е. понял, что рычагом была какая-то любовь к дерзостям; это так; ты не ошибаешься. Костыркин тоже прочел мне нотацию вроде твоей—и, разумеется, я ему не перечил.

Что же до собирания статистических данных о деревенских ярмарках, то я с тобой также согласен. Может быть, ты и ошибаешься; может быть, как-нибудь иначе, чем спрашивая, узнают количество привоза, я это говорю потому, что слышал

об официальных источниках от Костыркина, человека опытного. Но кажется, что иначе, чем ты думаешь, дело не происходит. В особенности, как не спрашивая, сколько продано. И чорт ли знает, сколько милостовский крестьянин принес на ярмарку бумажных ниток, холста и дегтю. Как будет это известно становому<sup>1</sup>?

Книги от Тихонравова я еще не получил, в прошедшем моем письме я говорил, что в субботу, 23-го отправляюсь за ее получением: меня не пустили. Чорт возьми, не дают сделать и шагу из Корпуса. Просился я; говорил, что очень нужно; решился даже сказать чего именно мне нужно, подлецы начальники настояли на своем. И не знаю, с коего дьявола они так наказывают меня; со времени июльского возмущения я решительно ни в чем не попадался, — за что же не пу-  
скать.

8 сентября Тихонравов был в Корпусе, и я отдал ему образчик моего перевода. Я выбрал один отрывок из Шатобриана, наполненный бессмыслицами о европейском обществе и его будущем, но зато увлекательно написанный и с двумя, тремя порядочными мыслями. Посмотрим, что скажет Тихонравов; в волнении ожидаю дня, когда он произнесет приговор.

Когда я ему отдал образчик и спросил о книге, он сказал, что попросит нашего инспектора отпустить меня к нему по делу, ибо необходимо нужно мне быть у него для переговоров о книге, ее переводе и пр. Но кажется, что толку будет мало из того, что Тихонравов попросит инспектора, этот последний не имеет прав отпускать меня, дело вот в чем: когда, в субботу, я попросился к Тихонравову, наш ротный командир отослал меня проситься к Лермонтову, и я был вынужден (не догадался, мог бы сказать что-нибудь другое) объяснить причину, почему мне нужно итти.—Лермонтов не пустил, да еще сказал: «Я еще спрошу, какое право имеет г. Тихонравов давать вам для перевода книги, которые вы, может быть, не имеете права читать как воспитанник»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Кстати прочти, что сказано у Say на стран. 103 en note.

<sup>2</sup> Одна только надежда, что т. к. Лермонтов более всех учителей наших дорожит Соловьевым и Тихонравовым, то он не скажет, ибо может этим их обидеть.  
(Прим. автора)

Чорт его возьми. — Того гляди пойдет инспектор просить генерала отпустить меня — и заварится каша. Тихонравов будет сердит на меня за то, что я посвятил в такое дело скотов; и точно как-то неловко ему давать для литературного перевода книгу кадету. Эх, доля моя проклятая! Вот уже именно и хлеб-то приходится брать с боя.

Репетитором, кажется, не быть мне... Во-первых, Ростовцев будет, кажется, сменен, а Лермонтов надеялся лишь на Ростовцева, так как он приходится ему родственником; во-вторых, Лермонтов снял с себя данное им мне слово, а вряд ли примет его опять на себя, навязывая тем на свою шею хлопоты. — Я думаю, что если дело мое лопнет, прослужить должны 3 года (ибо я казенный пансионер), да выйти в отставку и пойти в учителя добывать насущный кусок хлеба. Тем же временем посещать университет.

Нужно непременно изучить немецкий язык; переводы с французского не пользуются благосклонностью, ибо этот язык чересчур хорошо знаком всем, кто, хотя немного, занимается науками. Дай бог, чтобы Тихонравов дал мне перевести с французского...

Жду сюда в скором времени отца. Недавно была у меня Пугачиха<sup>1</sup> и сказала мне, что он будет в Москве к ноябрю. Господи, что-то будет. Когда он приедет ко мне, я намерен его встретить одним поклоном; если с первого же разу он не начнет кричать, я минут через 7 или 8 оставлю его, сказав, что мне нужно готовить урок. Когда начнется словесная борьба, я не намерен отступать ни на шаг, ибо это необходимо для окончательного разрыва. Наверное можно сказать, что он посягнет на мою честь, т. е. ....<sup>2</sup>. Само собою, что я заартачусь. Но то будет уже не борьба с начальством... Если бы я не позволил наказать себя Лермонтову, он не употребил бы насилия, а просто написал бы в Штаб и я был бы юнкером. Иное дело с отцом... Ослушание его не есть с моей стороны послушание начальника и потому он употребит насилие. Сила ломит солому, Петя, но крепко, крепко буду я стоять. —

---

<sup>1</sup> Мачеха.

<sup>2</sup> Многозначие в подлиннике. А. А. подразумевает, как это видно ниже, что отец употребит телесное наказание. (Прим. ред.)

Дорого обойдется солдатам завладение мною... Я буду наказан телесно, я, — поборник свободы! душой, умом и сердцем преданный провозглашению достоинства человеческой личности. Без фраз,—это будет невыносимо. Но клянусь, что будет каша — будет происходить что-то неслыханное и невиданное.

Но вдруг вмешается Лермонтов, скажет, когда я буду сопротивляться: «именем директора повелеваю». Я ему скажу, конечно: «оставьте нас; это дело отца с сыном, дело семейное» — но станет ли он слушать. А, наконец, разве отца не послушают, если он будет просить о юнкерстве.

Но довольно; Петя, не шутя тяжело было мне писать эти строки. Одно придает мне силы, надежда, что будет же когда-нибудь конец всему этому; что, прошед, может быть, через горькие невзгоды, я буду наконец избавлен от отца; буду наконец в университете; и авось, бог даст мне пережить спокойно беды. Одно только советую, чуть не приказываю тебе: х р а н и т ь м и р с о т ц о м , п о к а т ы н е о ф и ц е р . Это необходимо, для того чтобы избавиться от многих, многих бед. Месяца через два после выпуска ты можешь подать в отставку и, может быть, вместе со мною начать университетское образование.

Ты писал о статье Минье; я недавно просматривал ее и перевод оказался негодным для печати. Вновь же переводить мне некогда и нельзя, ибо нельзя знать наверное, примут ли. Ну, что поделявают твои переводы? Посмотри-ка их.

Ты удивил меня; к чему это ты прислал Ивановского? Разве ты не понял, что я подарил его тебе, а не просто одолжил прочесть. Я нарочно достал его для тебя, а ты отсылаешь.

Расцеловал бы Каткова<sup>1</sup>. Получены нынче книжки за август (запоздали, ибо пропал билет) и уже прочел политические обозрения. Как умно и как либерально они написаны; как хорош Катков, когда касается Англии. Он с каждым № пишет все вольнее и вольнее; велико его значение для

<sup>1</sup> Катков Мих. Никиф. (1818—1887), редактор газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник». В молодости был членом кружка Станкевича и был дружен с Белинским и Бакуниным, в 50-х годах придерживался либеральных взглядов, но с 1863 года стал ярким монархистом и реакционером. (Прим. ред.)

русской публики в деле политического ее образования. Старайся изо всех сил прочесть политические обозрения «Р. В.»<sup>1</sup> за нынешний год. — Чтение их всегда подымало мой дух, ибо они так полны великих общественных и политических вопросов современного человечества... Не могу удержаться, чтобы не передать тебе, со слов Каткова, несколько слов о погружении подводного телеграфа между Англией и Сев.-Американскими Соед. Штатами. Вот некоторые подробности (простран. 14 000, время погружения 17 августа).

Первый привет по погружению был послан Англии: «Слава в вышних богу и на земли мир в людях благоволение» (известный у нас стих за всенощной). Северные американцы, этот молодой, великий народ, были в восторге. Весь Союз, начиная с Нью-Йорка и кончая последней деревушкой, не известной никому в самом Союзе, огласился криками, криками, полными упоения. Начались фейерверки... Интересна одна картина, выставленная на иллюминации в Нью-Йорке: на одном берегу океана стоит Виктория, а на другом толстый промышленник, протягивающий ей товар своего производства... Виктория обменялась с Бухананом искренними и краткими приветами. Время хода депеши и пр. около 30 минут, кажется, в 32 слова.

После обеда.

Насчет статейки «О необходимости политического образования» скажу, что твои слова о ней привели меня в небольшое замешательство. Не знаю, как быть с нею. Вчера я принялся за вступление, которое хотел написать вновь, но вместо умеренных фраз вскоре пошли очень резкие; кончил я тем, что вместо того, чтобы написать новое вступление, подбавил 3, 4 строчки к старому; они должны быть в самом начале — «С недавнего времени Россия переменялась. Дремавшее полвека государство вспрянуло, наконец, от сна и быстро понеслось к той светлой цели, в направлении которой давно уже шли европейские

---

<sup>1</sup> «Русский вестник», литературный и политический журнал, издававшийся Катковым. До июльского восстания 1863 г. был умеренно-либерального направления. С 1863 г. — один из органов воинствующего консерватизма. (Прим. ред.)

народы. Цепи, в которых ходило оно, поослабились: путы, которые были наложены на свободное слово — пораспутались, промышленность, эта великая провозвестница свободы, расправила в нем могучие свои крылья; мыслящие люди заговорили о лучшем будущем и настала новая эпоха. Трудно оставаться спокойным зрителем этого великого движения. Если кто может оставаться теперь бесстрастным» и т. д., как прежде — поди — ты; однако попробуй еще раз. Что же до самой статьи, то я не могу ее исправить, ибо не имею черновой рукописи. Да и не знаю, что ты нашел в ней такого, за что нельзя ее поместить. Вступление, точно, резко; но в самой ней нет ничего, кажется, резкого. Ты пишешь: «...туда не может, конечно, итти статья «О необходимости политико-экономического образования» в теперешнем виде, но я бы желал ее хотя не в таких резких выражениях (вступление) и более популярно». Этими словами ты показал что недоволен чем-то иным, кроме ее резкости и непопулярности; чем же это? нужно было бы написать...

Что в ней непопулярного, или ты называешь ее таковою за несколько слов, вместо которых (можешь рассмотреть) нельзя было бы употребить иных. Но пажи поймут их, ибо более или менее знакомы с французским языком. Мысли же, кажется, выражены очень ясно; нельзя писать о вещах отвлеченных так, чтобы не нужно было решительно напрягать свой ум для их понимания.

Перехожу к бесконечному вопросу о религии; мне кажется, что мы исчерпали из нашей головы все, что можно было нам сказать об этих предметах, и что дело наше теперь — замолчать на время, пока новые впечатления и т. п., чего невозможно определить, не дадут нам новых взглядов.

И скоро ли будет конец этому неопределенному состоянию, в котором мы находимся? Чорт возьми, ищешь истины, — не доищешься; ведь не слепые же мы, право. Конечно, настанет время, когда все кажущееся нам смутным уложится в определенную систему; и мне кажется, что мы тогда дойдем до отрицания всего, кроме творящей силы, бога. Что в убеждении в бытие его и будет состоять вся наша религия; но скоро ли настанет это время? Мне кажется, что несколько времени можно прожить без определенных религиозных

убеждений; поэтому да будет мое письмо последним, пока, отголоском наших религиозных прений; забудем их на время.

У Тихонравова еще не был и книг не получил. В субботу он был в Корпусе и похвалил мой образчик, сказав, чтобы я зашел к нему. Проклятие — опять не пустили. Не знаю, что делать. Увидим впрочем.

Я вот что придумал: пажам было бы не лишнее знакомиться с некоторыми современными вопросами, политическими, литературными и пр. Вот на первый раз одна заметка об Амуре в виде опыта: «Современные заметки».

Вопрос о значении совершенного недавно граф. Муравьевым-Амурским<sup>1</sup> приобретения возбудил везде живейший интерес. И, конечно, он имеет на него полное право. Еще 10 000 кв. клм. присоединились к русской территории. 10 000 кв. клм. земли богатой, роскошной, обладающей всеми условиями для высокого развития. Одно месторасположение долины Амурской наводит уже на важные мысли. Близость С.-Амер. Штатов — этого гиганта торговли, образованности и политического могущества; близость Китая — этого нового мира, так нежданно открывшегося, наконец, образованности, торговле, религии Европы; при морском положении положение наивыгоднейшее всегда и во всех отношениях, — обуславливающее собой скорый и быстрый прогресс во всем; наконец отдаленность главного центра, из которого разражаются громы русского самодержавия, все это говорит о такой великой будущности Приамурского края, что нельзя не призадуматься...

Амур заселится быстро; наплыв уже начался, и он будет лишь увеличиваться, ибо выгоды промышленной и торговой деятельности в этих краях очевидны. Сбыт будет там постоянный: Китай и Америка — деятельные потребители; быстрое же развитие юго-западной Сибири служит обеспечением сбыта амурскими произведениями и в эту обширную страну. — Во

---

<sup>1</sup> Амур и Амурская область были присоединены к России в 1856 г. В мае 1858 г. генерал-губернатор Сибири Н. Н. Муравьев заключил с китайским правительством так называемый Айгунский договор, по которому Китай «уступал» Амурскую область России. (Прим. ред.)



2-й августовской книжке «Рус. вестника» мы прочли, что даже в 1857 г. начался оттуда деятельный спрос, спрос, которому, разумеется, удовлетворили американцы. Если этот сбыт, без которого деятельность промышленности и торговли немислима, вполне верен, то можно ли сомневаться в выгодности торговых и промышленных предприятий на Амуре.

И точно, уже в первый год открытия на нем торговли, волны его подымали товаров на 1 000 000 руб. — начало, действительно, блистательное. В начале нынешнего года гг. Кокорев и Бенардаки учредили в этом крае компанию на акциях, и верно действия этой компании увенчаются громадным успехом, в особенности и после неожиданного открытия Китая европейской цивилизации.

В подобном роде писать не мешает. Я буду продолжать.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

28 окт. [1858 г.].

Причиною моего молчания была так же, как и у тебя, какая-то апатия, ни за что дельное не хотелось приниматься, если что и читал, то какие-нибудь повести. Виною всего этого были различные истории в Корпусе с 1-м классом, я должен был «поджигать» своих и т. п., так что целый день говорилось только об этом, излагать тебе всего этого не стоит. Еще за несколько дней до получения твоего письма я начал тебе писать, но бросил не написав и 10 строчек.

Отвечу теперь по порядку.

Я читал недавно одно сочинение Классовского «О душевных болезнях», и там между прочим он говорит как доказательство бессмертия, что: у нас есть душа (этого ты не отвергаешь), а из чего-нибудь не может сделаться н и ч е г о, следовательно душа не может быть смертною.

Вот другие доказательства, которые я вычитал из книги «Etudes philosophiques sur le Christe»: 1) если мы имеем идею, понятие о бессмертии души, следовательно это есть на деле, потому что мы не можем иметь идеи о чем-нибудь, если этого нет. Но мне кажется, что это не так, потому что мы имеем понятие о призраках, а их нет. 2) Душа есть неразрывное

целое, смерть есть разложение (конечно, не уничтожение, потому что во вселенной ничто не уничтожается и вселенная не увеличилась и не уменьшилась ни на 1 атом). Следовательно душа, умирая разлагается, а этого быть не может; верно ли это доказательство?.. Мне кажется, душа может разделиться, потому что ум, воля и чувство—часть души, а ум и чувство часто противоречат друг другу, следовательно душа не одно неразделимое целое. Я привел это потому, что ты, сколько помню из твоих писем, считаешь душу одним нераздельным целым...

Я так давно не писал тебе, что ты даже и не знаешь, что я журнала и не издаю. Причина этому та, что на мое предложение кто отозвался, что ему некогда заниматься пустяками, кто сказал что он не умеет писать, а кто и попросту засмеялся, остался я один, и конечно должен был бросить мысль об этом, потому что одному невозможно издавать, все бы смеялись, проходу бы не было, да и чем бы я мог наполнить журнал с тобой вдвоем? Если и в более благонамеренных я вызвал насмешку за желание пользы, то что бы было в других.

\* \* \*

29 октября.

Что ж до твоей будущности, то мне кажется твое предложение не совсем-то удобоисполнимым: во-первых, мне кажется, ты ошибаешься, думая, что казенный воспитанник не обязан служить 3 года; вздор я думаю... во-вторых, трудно рассчитывать, что ты можешь всегда жить уроками, ведь очень может случиться, что ты их не найдешь, тогда чем будешь жить, мало ли учителей без куска хлеба?..

Что же ты будешь делать? Я, хоть убей, не понимаю.

Если ты будешь армейским офицером и вольным слушателем первые 2 года, а потом после 2 лет, когда полку нужно будет уходить из Москвы, не будет затруднения прикомандироваться репетитором куда-нибудь в другой корпус, тебя наверное примут, если ты выдержишь экзамен, ну хоть из русского языка, тогда тебе не нужно будет обращаться к Лермонтову. Насчет трудности экзаменов за все 4 года, то разве нельзя держать экзамен? Я держал, это от тебя зависит.

Что ж до денег, то у меня хватит на письма тебе, авось батька даст что-нибудь на рождение. Что же до тебя, то я право не знаю, я передам в редакцию «Сына отечества» мою «Мещ. ярмарку». Что-то скажут там? Теперь я начал рассказ под заглавием «Мои знакомые», в котором хочу вывести наш образ воспитания дома и в Корпусе. Не знаю, удастся ли, пока идет ладно. Из моих переводов есть только один рассказ о Меровингах (это напечатано), об изобретении газового освещения (это хотят печатать). Объявлено прош-лою весною Струговщиковым, Водозовым и К<sup>о</sup>, что они издадут книгу «Principales Decouvertes» Figuier, потом Кравченко компиляции: «История европейского просвещения» и его же очерки падения З. Р. Империи вроде учебной статьи, ее можно поправить, но много придется переписывать.

Прощай, больше нечего писать, благодарю за стихи.

*П. Кропоткин*

Пойдет 30 октября.

1859 год

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

19 января 1859 г.

Вот мои убеждения: Под именем материи я разумею все осязаемое (осязанию даю я здесь обширнейшее значение: под ним я разумею акт видения и акт слышания, и акт обоняния, и акт собственно осязания, и акт внушения). — Материя (вещество) есть все подлежащее осязанию, она есть все, кроме нее нет ничего; ей нет меры, ибо она везде.

Материя (вещество) существовала всегда и по тем же, присутствующим ее законам, по которым существует ныне и будет существовать вечно. Таким образом я отвергаю сознание, под какой бы формой оно ни появлялось: самосознание ли материи (вещества), или творение божества.

Материя (вещество) переживала, переживает и будет переживать великие перевороты; в этом и состоит ее жизнь.

Сейчас я перейду к гипотезе Лапласа образования нашей солнечной системы. Громадный шар, о котором он говорит, сам был продуктом какого-нибудь громадного переворота во вселенной. Какого — узнают будущие тысячелетия.

Умозрение здесь не у места. Не дерзай, не основываясь на опыте и наблюдении, предполагать, какие перевороты постигали вселенную во время вращения Лапласова шара. В том-то и состоит великий результат борьбы идеалистического знания с эмпирическими, что наука пришла к убеждению, что знание, не опирающееся на эмпирическом, вещественном данном, более немислимо.

Тысячелетия проходили, пока человечество (да и то не все) не убедилось в своей великой истине.

Положил ее в основу своей философии великий Аристотель, но таковых мало... Стоит вспомнить нелепые бредни философов-метафизиков о душе, божественном духе и т. п.; стоит только запомнить кое-что из «Тимея» Платона (О природе), чтобы навеки отвергнуть идеализм.

Не почти меня, однако, за исключительного эмпирика; я далек от этого.— Философия есть венец знания, умозрение есть необходимое дополнение к вещественному бытию, к опыту; но в основе умозрения должен лежать опыт.

И вот естественные науки блистательно доказали нелепость души и т. п.; доказали, что мышление и прочее суть не что иное, как деятельность материи, проявление ее свойств. — И рухнул идеализм со своим невещественным фундаментом, и только несколько отсталых тщетно ищут составных веществ этого здания. — Таких немного.

Немецкий эмпирико-философ, гонимый, преследуемый Молешотт, знаменитую книгу которого мы со временем прочтем<sup>1</sup>, нанес, кажется, последний удар нематериальному миру. В ней до очевидности ясно он доказал, что в животном нет ничего нематериального, доказал, что фосфор в мозгу и деятельность последнего, т. е. мышление, прямо пропорциональны...

Вспомни, что некогда писал я тебе об убийственной последовательности развития материи от растения до человека.— Я уже был убежден тогда, что материально человек есть не что иное, как высший животный организм, что ничто не отделяет его от внешней ему природы. — Логически я должен был признать последовательность в развитии и так называемых способностей нематериальных. Помнишь ли классификацию души?

Истина, с другой стороны. Я, деист, идеалист, признавший духовное, не мог иначе объяснить себе дивных явлений в жизни ниже нас стоящих животных.

Теперь я не нуждаюсь в нематериальном. Мои ничтожные познания и размышления убедили меня, что все дело тут в большей или меньшей сложности, в развитии организ-

---

<sup>1</sup> Книга Молешотта «Круговорот жизни» вышла на русском языке в 1866 г. (Харьков). Вместе с Бюхнером Молешотт сильно содействовал распространению материалистического (механистического) мировоззрения. (Прим. ред.)

ма. — Чуешь ли, какой при подобных убеждениях открывается кругозор, как твердеет под ногами почва? Да из чего заключили о бытии этой невидимой, нематериальной, пресловутой души? <sup>1</sup> Что ослепило человечество? — удивительно!

Итак, нет ничего, кроме материи. Она—все; долой идеализм!

— В беспредельном <sup>2</sup> пространстве вращается бесконечное множество миров. Протекая с величественной быстротой свои громадные орбиты, они снуют, составляя (между тем) собою одно громадное гармоническое целое, — вселенную. Прочти хоть в Хрестоматии стихотворение Шиллера: «По морю вселенной направил я бег». Наша солнечная вселенная система есть лишь одна из бесчисленных групп мировых тел и катится к одной из звезд, находящихся в созвездии Геркулеса, заменяющих ей наше солнце <sup>3</sup>.

Канто-Лапласовская теория не объясняет образование вселенной, как она есть теперь; она занимается одной нашей солнечной системой, т. е. несколькими планетами и кометами. Как образовался, например, млечный путь, — этого она не говорит <sup>1</sup> ...

Я мельком упомянул о необходимости изучать естественные науки: уверься в этой истине. Философия без естественных наук в основе есть нелепость. — Как можно решать та-

<sup>1</sup> «Кто видал это общество—imponderabilium» (невесомых), говорит Герцен в «Письмах об изучении природы».

<sup>2</sup> Недавно я читал в «Вестнике естесте. наук» (1854—56 гг.), «Сыне отечества» и в книге «Публичн. лекции» проф. Рулье в 1851 г. об образовании и устройстве вселенной. Почти все (просто все), что я буду говорить об образовании солнеч. системы и земли, писал я, вспоминая 3 изученные мною публ. лекц. Рулье. Впрочем, я излагаю с другой точки зрения. Рулье имел целью показать зависимость животных от внешних условий; я же излагаю просто так называемое творение.  
(Прим. автора)

<sup>3</sup> Дальше на восьми страницах, исписанных мельчайшим почерком, идет изложение канто-лапласовской гипотезы об образовании солнечной системы и затем изложение взглядов проф. Моск. универс. Рулье о происхождении живых существ. Это изложение занимает приблизительно три четверти печатного листа, т. е. на восьми страницах обыкновенной почтовой бумаги насчитывается около 30 тысяч букв. Почерк до того мелкий, что читать можно только через лупу, так что в одном из примечаний к письму А. А. нишет: «У меня начинают болеть глаза, я все хуже и хуже начинаю видеть. Буду только в крайних случаях писать так мелко...»  
(Прим. ред.)

кие вопросы, какие теперь, например, волнуют нас, без знания законов природы. Политические науки также сознали необходимость положить в своей основе естествоведение. На историю, экономический быт народов открывается совершенно новый взгляд, который мы с тобой можем теперь только чувствовать. Теперь будет очень легко заниматься естественными науками тем более, что ты хорошо знаешь математику. — Разумеется, естественные науки имеют свои несовершенства: закон притяжения общий ли факт? Если эфир, дальше которого они не идут, есть вещество, то, по атомистической теории, он должен состоять из атомов, а что же между его атомами? Положим еще вещество, но то также, говорят, состоит из атомов; — что же между ними? Пустое пространство. Что за нелепость.

Сама гипотеза Лапласа со временем может рухнуть, несмотря на свою удовлетворительность. Но все это доказывает только то, что мы стоим еще у порога изучения природы, да еще то, что в естественные науки не введен элемент философии. Они ограничиваются, по большей части, наведением, перечислением. Но уже занялась заря новой эпохи.

В последнее время я порешил еще один, довольно важный вопрос из нашей жизни.

Человек действует исключительно руководимый эгоизмом. — Во всяком действии его лежит в основе самый крайний эгоизм; наилучшее действие его проникнуто эгоизмом.

NN очень умный человек, очень сведущий, гениальный; атеист и, следовательно, не верящий в будущие награды за гробом и т. п. Он получает ежегодно 500 рублей, в которых никому не обязан отдавать отчета; с ним живет только один лакей. Недалеко от NN живет не знающая его, до крайности честная старушка, — постоянно помогающая бедным. В один прекрасный вечер NN ежегодно отправляется к ней; закрытый плащом с ног до головы, дает ей 300 рублей и просит раздать бедным. Затем быстро летит домой на извозчике. — Лакею, если тот спросит, объявляет, пожалуй, что деньги проиграны в клубе неизвестному.

Ну где здесь эгоизм? — спросишь ты. Есть он, друг мой, есть. В натуре NN лежит потребность

добра; если бы он не удовлетворил ее, ему бы была горька жизнь. — Личная (может быть, несознаваемая им) выгода влечет его к добру.

Можешь варьировать на эту тему, убедишься. Кстати: но поступает таким образом NN не по своей воле. Это также я передумал. Устройство его организма зависит от внешних условий: а всякий поступок вытекает из внутренней необходимости человека. Обстоятельства также не в воле человека. Словом, он действует всегда как человек, т. е. по законам природы, не им созданным. Следовательно, в крайнем смысле, у нас нет нашей собственной воли.

В ноябре прошлого года я узнал, что есть превосходная книга: *La science du bien-être social*, Бьянчини, в переводе с итальянского на бельгийский (французский). Тотчас же я решил послать к Пушкиной просьбу купить ее — и она купила — 1 руб. 50 коп. Я прочел. Дивная книга, купи бесприменно; после старого, обогнанного новой наукой, Say — ты не можешь прочесть ничего лучшего.

Введение переводчика, какого-то бельгийского профессора G. C. — будет нашим небольшим катехизисом, когда мы его поймем. Изучи его, в особенности, на сколько можешь.

Вскоре я пришлю тебе прочесть «Письма об изучении природы»<sup>1</sup>, которые я себе добыл и переплел в небольшую книжку. Это — также что-то удивительно прекрасное. Письма, Бьянчини, лекции Рулье, кроме этого, сколько помню, из ученых исследований в большей степени мне ничто не нравилось. То же будет и с тобой. Я немного больше тебя знаю в предметах, о коих говорится в этих книгах, я раньше поступил в Корпус (а следовательно, находился в более благоприятных условиях), потому ручаюсь, если ты от всего этого не сойдешь с ума теперь (в особенности «Письма об изучении природы»), то сойдешь после, когда больше узнаешь. Постарайся достать Рулье «Публичные чтения проф. в 1851 г.» и изучи лекции Рулье в этой книге.

<sup>1</sup> Герцена.

(Прим. ред.)



Я же изложил тебе их, чтобы они легче дались тебе; да, наконец, время не терпит: когда еще достанешь.

26 января.

Получил сейчас письмо от нашего бедного Коли<sup>1</sup>. Вот горемычная-то жизнь?! Бедняга погибнет, если еще засидится на Кавказе. Пиши ему почаще; это его утешит в его истинно-горькой жизни (Тифлисская губ., гор. Гори, Тульский полк, 18 дивизии подпоручику и т. д.).

Право, мне кажется, что пока ему еще хуже, чем будет мне первое время, ведь он даже необразован. Что его утешает? Чего доброго, стал богомольным — вот еще радость. На несведущих горе всегда действует так нелепо.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

23 февраля [1859 г.].

Спасибо тебе, что ты мне сообщил гипотезу Лапласа; то, что прежде кое-как чуял, понял теперь гораздо яснее, хотя я многое еще не понимаю. Не понимаю, как ты предполагаешь, что материя могла существовать вечно, это что-то чересчур непонятно, похоже на вечное существование бога (желал бы я знать, как объясняется свет, распространяемый солнцем). Прочее же во всем, что ты мне писал несколько не напутано и последовательно. Странно, за несколько дней перед получением твоего письма я спорил с одним господином правоведом, который взялся изложить свои мнения о боге и душе, все это я отвергал, основываясь на теории бытия и небытия. и излагал образование нашего земного шара вроде этого...

\* \* \*

Твое письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия, кроме каких-нибудь поверхностных сведений. Надо заняться. *La science du bien-être social* до

<sup>1</sup> Старший брат.

(Прим. ред.)

сих пор еще не достал, иные книгопродавцы говорят, что они запрещены, у одного есть, да не могут найти вот уже более 2 недель. Say я уже кончил и только усердно продолжаю заниматься историей, которую я не оставлял всю зиму. Я занимаюсь теперь Средней историей, читаю Лоренца, «Истор. крест. походов», М и ш о и мн. др. Получаю «Русский вестник», в котором есть что читать. Нового, что могло бы подвинуть меня к разрешению новых вопросов, ничего не встречается. Теперь начал писать описание нашего семейства в виде повести, авось выйдет что-нибудь хорошее и годное для печати. «Ярмар. в Унц.» в ред. «Сына отечества» и не печатается, я возьму ее на-днях, когда можно будет, и отправлю наудачу в ред. «Ласточки», пустого журнала, авось поместят, если же нет, — все равно где ни лежать.

Меня беспокоит твоя будущность. Плохо тебе будет. Ты хочешь на Кавказ, — это не выгодно. Жалование офицерам не удвоили. — Средств нет. Ищи ты в Москве перевода романов. Тебе бы лучше всего быть вольным слушателем в ун-те, но трудны экзамены. А на Кавказе трудно тебе будет достать уроки, на которые можно надеяться в Москве. А путешествие? Не лучше ли было бы остаться здесь, ей-богу, затруднительное твое положение!

— Чтоб начать заниматься естеств. науками, с чего начать? Зоология, ботаника, кажется, необходимы, а я незнаком с ними. Впрочем, теперь некогда заниматься. Я много времени трачу на историю, хочу позаняться и музыкою, которую я люблю и могу играть, а какое это удовольствие! Впрочем, летом будет время, только не знаю, где проведу лето; жду отца, с ним порешим.

Я был болен несколько дней маленьким воспалением в какой-то слепой кишке, но теперь почти поправился и пишу тебе сейчас же, чтобы ты не беспокоился, а то пока напишу длинное письмо, пройдет много времени. Прощай, я скоро еще напишу.

*П. Кропоткин*

12 марта 1859 г.

Пойдет 13-го.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

19 марта 1859 г.

Ты так давно уже не писал мне, голубчик, — отчего это? Уж не болен ли ты опять? Напиши скорее. Я прошу тебя навсегда, едва только заболеешь серьезно, давай мне знать. Поверь, для меня гораздо сноснее знать, что ты болен, чем находиться в неведении. Ты такой нежный организм. Петербург так тебе вреден, что едва только я долго не получаю от тебя известий, как уже невесть что приходит мне в голову.

Впрочем, может статься, ты не пишешь, ибо находишься в апатическом состоянии, — говорю это так прямо, ибо мы *deux têtes sous un même bonnet*, если этой болезни подвержен я, вероятно, подвержен ей и ты. Да, впрочем, помнится, я имею даже положительные известия о твоей подверженности этому отвратительному состоянию.

Если на тебя нашла апатия, право, не мешает взяться за письмо ко мне. Одиночное, скрытное чувство глубже; но едва оно вылетает наружу, как уже становится легче, а поверь, мой друг, что такие чувства не мешают, по возможности, ослаблять. Во время апатии хорошо было бы так же предаться развлечению посредством легкого чтения; хорошую, а в особенности интересную повесть, кажется, почти всегда может читать человек, а подобное чтение как-то освежает. Говорю это, однако, больше по преданию; я замечаю, что стал чересчур капризен в выборе повестей.

Ты не можешь себе вообразить, с каким нетерпением я жду конца экзаменов. — Не офицерское жите меня прельщает; горько придется; нет, я жду того блаженного времени — между концом экзаменов и производством в чин, времени, именуемого у нас *житьем в выпускной роте*. Выпускных тогда отделяют и дают им отдельные комнаты. Тут пользуются кадеты полной свободой. Я весной писал тебе, с каким восторгом тайно уходил в 2 часа утра в поля и лес; теперь буду я делать это вольно... Вечер, ночь, утро — все буду гулять и наслаждаться природой... И наслаждение ею для атеиста еще выше, чем для деиста...

Я буду ходить к крестьянам в ближние деревни и толковать о хозяйстве и т. п. — Буду ходить смотреть на фабрики;

все указанное буду записывать в дневник. — Не мешало б и тебе записывать, через каждые несколько дней, свои задушевные тайны и внешние события своей и окружающей жизни.

Приехав на место назначения (60 вер. от Тифлиса), я напишу свои воспоминания с точки зрения внутренней моей жизни...

*А. Крпоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

30 марта 1859 г. (пойдет 2 апр.).

Состояние, в котором я находился несколько недель тому назад, не знаю как назвать, это не такая апатия, как у тебя, ты и читать не можешь ничего серьезного, — я это испытывал летом, — а я — нет. Напротив, я всегда с удовольствием читал довольно серьезные вещи, но они не поднимали во мне никаких особенных вопросов. Правда, я читал большей частью одни исторические книги и я замечаю, что я с которого времени особенно полюбил историю; возникали различные вопросы касательно того или другого момента в Ср[едней] истории, и я брал книги, сюда относящиеся, и разрешал возникающий вопрос. В этом письме ты пишешь о чтении с вопросом, но удивляешься, что мне так не понравилось это мнение летом. Но вот отчего: во 1) часто очень долго не возникает никаких серьезных вопросов, что ж тогда нечего читать, кроме повестей. Это скоро надоест. 2) Возникает вопрос, и рад бы читать книги по этой части, да где их взять? Ведь я получаю книги только из нашей ротной библиотеки (она составлена прежними пажами, кот. жертвовали что попало). Кроме книг оттуда я читаю только «Рус. вестн.» и иногда «Современник», да еще какие-нибудь пустячки. Где же тут доставать книги, касающиеся заинтересовавшего вопроса. В нашей библиотеке напр. нет ни одной книги, которая касалась бы политич. экономии, не более 10 по части ест. наук, множество кипсеков и довольно много книг по истории...

Какое грустное настроение проглядывает в нашем общест-  
стве и в выражении его — литературе. Эту мысль подняло

во мне чтение «Тысячи душ» Писемского, «Дворянского гнезда» и мн. др. Неужели жизнь большинства членов общества безотраднa. Положим мы с тобой ничего почти веселого не видели, но неужели и все так. Желал бы знать, отчего это происходит.

1 апреля.

— Отец приехал сюда уже недели с полторы, чтобы отыскивать место. С помощью Тиличеева он достигает этого, и (чего избави бог), пожалуй, будет служить в Петербурге.

Он мне сам предложил выйти в штатскую службу, говорит, что теперь в военной невыгодно, что это дельное желание служить в штатской, что не с моим здоровьем быть военным, что наконец он очень рад, что и ты желаешь быть штатским. Он не прочь с тобой помириться, но одно его удерживает, то, что ему сказали (один ваш офицер), что ты «к а к а н т и х р и с т х о д и л п о л а г е р ю и п р о п о в е д ы в а л, ч т о н е т б о г а, б о ж ь е й м а т е р и и т. п.; в о т и з в е р г - т о!» — Коля заставляет его задумываться, новые долги его (2000) доказали ему, что не очень-то проживешь с тем, что он дает.

Я написал новый рассказ: «Воспитанница». Дело в том, что недавно случилось следующее: в 1 доме взята крепостная воспитанница старым барином. По смерти его она остается той же крепостною. Барыня - изверг попрекает ее данным воспитанием наравне с дочерью и т. д., когда ей 18 лет, а дочери 21—22, к ней сватается человек, которого барыня принимает за жениха дочери. Рассерженная ошибкою старуха выгоняет молодого человека, а ее ссылает в девичью и немного погодя велит итти замуж за крестьянина. Она не хочет, ей грозят розгами, для избежания чего она и выходит за мужика. Это действительное происшествие, я написал его в виде рассказа и хочу послать в «Моск. вед.»—там, говорят, охотно принимают подобные повести. Вознаграждение, конечно, просить не буду. Авось примут.

Прощай, более писать нечего.

*П. Кроткин.*

## ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

20 апреля 1859 г.

Сейчас только получил твое письмо. О мире с отцом я знал, но не совсем верно. Ив. Ив. Пушкин рассказал Друцкой о мире, Друцкая — мне, вероятно, перепутала кое-что. Мне сказали, что ты сам пришел просить мира... Миру я был доволен, но это мне не понравилось, — не для чего было затевать войны, чтоб самому притти просить мира, через посредство Елизаветы Марковны<sup>1</sup>. Говорили, что ты пришел сам мириться с ней и просить ее посредничества... Слава богу, что все устроилось хорошо. Но не могу не удивляться тебе; ты не глуп, а ты непрактичен, довел себя до того, что приходится быть юнкером. Еще до выпуска есть время, выкажись п р и м е р н ы м малым, и тебе прибавят балл, авось выйдешь 12 классом.

О тебе здесь отец наговорил Друцкой чорт знает что. Ив. Ив.,<sup>2</sup> которому ты вероятно сообщил свои религиозные убеждения, защищал тебя. Они говорили что ты... ты... уж не знаю что, потому что не веришь в бога, в божью мать и т. д., следовательно ты изувер. Мне было довольно трудно убедить в том, что если ты и сомневался в чем, то это было увлечение молодости, но что ты теперь набожен и пр. — Вообще советую тебе всем это говорить, кому ты когда-либо говорил о своих религиозных убеждениях. Эх, брат, ведь начальство и др. лица, имеющие влияние на твою службу (большей частью люди старого века), сочтут тебя вовсе не у м н ы м, а скорее глупым, если ты имеешь такие убеждения, а молодежь поумнее то же подумает, если ты всем трубишь про это...

Теперь ответчу на предыдущее письмо:

Ты разгадываешь причину, по которой он [отец] мне советует выйти в статскую службу. Он потому только советует мне это, что именно из Паж. корпуса он рассчитывает, что я хорошо выйду. У нас выпускают 10-м классом и многия (б. часть) выходят в министерство иностр. дел, на это-то он и рассчитывает. «Там дорога блистательная, говорит он.

<sup>1</sup> Мачеха.

<sup>2</sup> Мусин—Пушкин-двоюродный брат П. и А. Кропоткиных. (Прим. ред.)

поедешь за границу, что всего лучше для твоего здоровья, и т. д.». Он сверх жалования солдату, свеч и т. п. положил около 4 р. 50 к. в месяц на мытье и покупку перчаток, на извозчиков и на удовольствия; оставил он уже деньги на 2 месяца, следовательно, я могу тебе из них что-нибудь уделить, и ты мне напишешь, куда адресовать. В Корпус неудобно, чего доброго передадут ему, тогда не будет давать и нечем будет делиться. Вообще отец наш достоин сожаления. Ты знаешь, впрочем, что убило отца? То, что над чем он так трудился, что было идеалом его жизни — оказалось вздором. Служба для него все, — вне службы военной он не может вообразить себе ничего порядочного, а теперь вследствие его истории, в которой он почти невиновен, 35 - л е т н я я его деятельность пропала, он в отставке полковником, без пенс и о н а и б е з м у н д и р а, да и не по собственной воле, а на основании приказа военн. министра! Оказалось, что вся его жизнь была глупа, цель всей жизни — генеральство — не достигнуто, и он в отставке, даже б е з м у н д и р а! Это, брат, ужасное положение, не желаю даже твоему врагу такого положения, и избави бог, чтоб что-нибудь подобное случилось с нами. Когда он узнал это, так приехал как ошпаренная кошка, опустился, осунулся — разительная перемена. Неприятное положение. Вообще жалка его участь, да и во многом он не виноват, — виновато воспитание.

\* \* \*

Много требуется от историка, ужасно много, может и не по силам будет, но авось. Может быть, я и ошибаюсь в стремлении, посмотрим.

\* \* \*

Прощай, для отца говори, что я тебе и ты мне пишешь не слишком часто, и что наконец один раз ты потерял письма, если он спросит, в другой раз еще что-нибудь. Прощай.

*П. Крототкин*

Пойдет 21-го или 22-го.

Наконец я добился билета в Петербургскую публичную библиотеку, хотя и нельзя там бывать пахам, но они не

знают, кто я. Посоветуй мне, что читать, редкостью книги не затрудняйся. На первый раз я взял *La science du bien-être social*<sup>1</sup>.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ—АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Теперь для меня очень интересно знать, как идут твои дела в Корпусе, это очень важно, и потому удивляюсь, что от тебя нет писем; пиши скорее, — я жду.

Что касается до меня, то я очень мало занимаюсь чем-нибудь толковым; теперь экзамен, я, конечно, готовлюсь, и хотя время и есть, но так устаю читать какие-нибудь нелепые учебники, что рад отдохнуть на чем-нибудь полегче. Я читаю «Р. В.»<sup>2</sup>, Белинского, и очень хорошую книгу «*De l'homme et les sens humaines* par H. Hollard». Я начал ее; в начале излагаются различные теории, объясняющие деятельность духа и материи, я еще более утвердился в прежних мнениях. Вообще я вижу, что эта книга очень кстати попалась мне, — я только что хотел познакомиться с антропологией, о необходимости которой для истории я узнал у Грановского. Кстати, я решил написать монографию какого-нибудь лица и выбрал для этого Филиппа Красиваго IV, который имел важное влияние на упадок власти пап — эпоха, которая больше других интересует меня. Я выбрал уже источники, и так как 12 мая кончатся у меня экзамены, то я тогда примусь за дело; источники доставит, конечно, Пуб. библиотека. Не знаю, писал ли я тебе, что я спросил там Бьянчини и мне дали его на итальянском языке, а перевода нет. Посмотри — нет ли в Москве. Потом я спросил историю пап А. Лоренца, не дали, цензура не позволяет. Теперь до лагеря буду заниматься много (нас распускают каждый день и каждый день гоняют на ученье). Домой не пускают, но надеюсь, мы с тобой увидимся, ты, кажется, должен приехать сюда экзаменоваться.

---

<sup>1</sup> «Наука социального благосостояния», соч. Бьянчини.

<sup>2</sup> «Русский вестник», журнал.

(Прим. ред.)



\* \* \*

Вчера я отправил в редакцию «Моск. вед.», Воронцову-Вельяминову, рассказ «Воспитанница». Вот в чем дело. Не очень давно, месяца с два, в одной из губерний России случилось следующее: один господин взял свою крепостную девочку к себе в дом и воспитывал как дочь; это очень не нравилось жене, и когда он умер, не успевши дать девушке вольную, то жена его начала притеснять ее всячески, обвиняла в том, что она отбивает женихов у дочери и т. п. Наконец, однажды за воспитанницу посватался один молодой человек, сперва живший довольно долго в деревне этих господ, где его принимали за жениха дочери. Но когда старуха-мать узнала, что он сватается за ее воспитанницу, а не за дочь, то она разбесилась и решила непременно отдать ее замуж за мужика, в особенности за то, что она ей немного надерзила. Так она и сделала, и несчастная девушка должна была покориться, потому что нечего было делать, если б она бежала, ее бы нашли и тогда ей было бы хуже. Я это написал так: я ехал по проселочной дороге и ночевал в избе, где увидел эту девушку. Потом вечером, выходя на двор, я увидел, что она сидела на крыльце и пела что-то; я подошел, тут она рассказала мне то, что я только-что написал. Это действительное происшествие, мне рассказывал это о ч е в и д е ц, которому я верю. Я послал его вчера по тяжелой почте и его получат вероятно дня через два, три. Если тебе будет время, зайди понаведаться в редакцию, получили ли ее (в ней объема почти 3 листа, исписанных довольно крупно, но довольно убористо) и напечатают ли или нет; вознаграждения я, само собой, не просил.

\* \* \*

У меня есть твой Байрон; один паж хочет непременно купить его и дает 3 р. Если хочешь, можно продать. Со временем, если изучишь англ. язык (книги будут тогда дешевле), купишь, если будет нужно, тем более что, мне кажется, он не весь... Если хочешь, я продам и пришлю деньги, у меня есть еще немного лишних, только напиши, на чье имя.

\* \* \*

Курс Шульгина купил, он превосходен, давно мечтаю я об этом курсе, хоть он немного краток, но все-таки он хорош.

Твое письмо заставило меня задуматься, теперь я не в состоянии ответить, погоди немного; я там несогласен с некоторыми мыслями и через несколько дней напишу подробный ответ; скажу одно, что я отчасти согласен с Маколеем...

\* \* \*

Посылаю тебе 4 руб., купи мне Бьянчини и пришли с кем-нибудь. Поговаривают, что публичного экзамена не будет и кадеты других корпусов не будут приезжать; не знаю, правда ли это, только в таком случае не знаю, с кем ты пришлешь, лучше уж по почте, если это правда. Прочее возьми себе, — у меня есть, а церемониться, брат, нам не пристало. Я бы больше прислал, но случились непредвиденные расходы, — переделка шашки, кот. стоила 3 р. 50, так что лишних осталось только. Пока прощай.

*П. Кропоткин*

Пойдет 18 мая 1859 г.

На какой факультет Моск. университета поступаешь ты? На юридический или на словесный? Мне кажется, тебе лучше поступить сюда, на камеральный; это отделение юридического, там читаются: политич. экономия и необходимые для нас юридические науки и история. Ты подумай об этом.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

1859 г., июль.

В последнее время я вновь занялся размышлениями и, между прочим, плодом их было несколько заметок. Уже давно в моей голове начала мелькать большая часть из этих мыслей, которые я передал бумаге; уж давно в разговоре с Чистяковым<sup>1</sup> высказывал я их; но все это представлялось

<sup>1</sup> Преподаватель кадетского корпуса.

(Прим. ред.)

мне тогда еще смутным. Теперь не то. Я сообразил многое как следует и записал.

Я буду всегда записывать некоторые свои мысли. В этом мертвом обществе постоянно ругающихся взаимно теток, а потом в нашем чудном семействе, только эта, как говорится, «беседа с самим собой» будет мне умственным удовольствием. Большею частью мыслей буду делиться с тобой, тебе это может принести пользу, возбуждая твой ум, — а мне: пользу и удовольствие.

1. — Если человек говорит, что может принять за истину только прочувствованное им<sup>1</sup>, и если эту мысль он считает истинной, то не впадает ли он в безысходное противоречие с самим собой. Ужели этот его критерий, эта его, истина прочувствованная, им и есть перевод на человеческий язык какого-нибудь осязаемого явления. Эта мысль не есть ли, напротив, плод самодеятельности его разума.

Посмотрим, как можно притти к нашему матерьялистическому критерию истинности. Положим, что можно говорить так:

1) Положения такие-то не выведены из наблюдения. (Чувственная истина.)

2) Эти положения оказались чушью. (Чувственная истина.)

3) Все доселе не из опыта выведенные положения оказались чушью. (Чувственная истина.)

4) Следовательно, истинны одни чувственные положения. Удовлетворяет ли это рассуждение матерьялистическому критерию? Нет. Во-первых, переход от 3-го к 4-му есть незаконный скачок; во-вторых, 4-е не есть чувственная истина. Следовательно наш критерий несостоятелен. Где же искать критериев? Их нет. Я не говорю уже о том, что в достоверность чувственных, как и всяких, познаний, можно только верить.

Примем же на веру вышеприведенный критерий: — один исход. Это насмешка, это оплеуха самому себе, скажут, — правда. Может быть, я говорю истину, может быть, нет... Скептицизм. Что же делать.

---

<sup>1</sup> Это наш, матерьялистический критерий истинности. (Прим. автора)

2.—Я не могу признать за разумом того высокого значения, которое видят за ним, например, Искандер и верно—Шеллинг. — Я не вижу никакого положительного доказательства тому, что мозг наш есть орудие, созданное природой, что мышление есть необходимое дополнение природы, крайнее звено ее саморазвития и т. п.—И, во-первых, потому не верю во все это, что оно бездоказательно и что даже неизвестно, есть ли точно человек венец создания, т. к. найдутся, может быть, на звездах существа относительно умнее и совершеннее его. Во-вторых, потому не верю, что считаю науку не более как плодом необходимой, но не имеющей никакого высшего смысла и значения для вселенной, деятельности нашего мозга,—это просто потребность мозга обнаруживаться деятельностью. Предметом этой деятельности и является природа да всякая чушь. Мышление, по-моему, в таком только смысле есть необходимость, в каком необходимо поднятие пыли при сильном ветре. Но эта необходимость не имеет ни малейшего смысла в отношении космоса. — Природа не нуждается в этом шатком и пошлом человеческом сознании нескольких, составляющих ничто перед ее бесконечностью—ее явлений. Для нее достаточны ее величественная, вечно присущая ей бессмысленная необходимость, ее могучая последовательная наследственность возникающих явлений.

Человек мыслит потому, что случайная комбинация вещества создала в его черепе мозг, а не потому, что будто бы мыслить и быть орудием создания природы есть его осмысленное назначение. Цели в природе. — Природа холодна к человеческому мышлению, она довлеет себе и без него, и вышеприведенная гипотеза находит себе оправдание только в нежелании Шеллинга, Искандера и проч. притти к скептицизму, да в бесполезном желании примирить матерьялизм с идеализмом.

Замечательно это горячее порывистое стремление к раскрытию вовсе не чувственных истин и не апостериорическим путем даже в людях в е р у ю щ и х в возможность познать истину только о с я з а н и е м. Физиология должна объяснить это. Вероятно, подобные мысли невольно вырабатываются в мозгу тех людей: «Чувствами до всего никогда, кажется, не дойдут. Ужели когда-нибудь буду я осязать хоть то, что

в природе только всего и есть, что вечно двигающееся, в различных местах различно сгущенное вещество».

И бездна есть таких вопросов, на которые ясных ответов никогда не получит человек, так не удовлетворить ли своей горячей потребности познать то-то и то-то хоть чуть ли не априорическим мышлением? Это незаконно, глупо, это за-прещенный плод, но не удовлетворить ли?

Даже мой разум и тот не оправдывает такого мышления, но как тянет в эту область. Вот отчего рядом с наукой будет всегда жить метафизика. Бессознательная потребность мозга.

Что за глупое назначение жить всегда с какой-нибудь религией, — а между тем оно так выходит. Да, — вот вам религия, люди, — метафизика. Тут возможна только вера.

Не мудрено, что Бекон, Маколей и т. п. не скептики. Они дали науке чисто практическую цель — изыскивать средства к нашему благоденствию, а при такой цели пригодны и неведение, и вера в разум, и пр.

Но каково тем, которые, не будучи спиритуалистами, хотя и имеют для науки и другую цель — безотнотительную, самой себе доверяющую истину.

Подобные матерьялисты могут оставаться ими сколько угодно, но, серьезно говоря, должны стать скептиками. Они должны, хоть внутренно, при всяком слове прибавлять: «может быть».

Да, нужно, хоть в теории, отречься от разума. Можно верить в него, но не должно.....<sup>1</sup>

Примечание. Выражение *Nihil est in intellectu quad non fuerit in sensu* (нет ничего в разуме, что не было бы прежде в чувстве) — кажется мне, совсем иначе толкуется, чем следует. Не знаю, но может быть даже, что сам его творец придавал ему иное значение, чем я, может быть то именно, которое дает ему, например, Искандер.

Конечно, разум наш есть *actus purus* самодеятелен и с этой точки зрения, конечно, кажется *Nihil est in etc.* бессмыслицей. Но в том-то и дело, что нужно иначе понимать эти слова.

Все мало-мальски понятное нам есть мысль, состоящая из чувственных образов. Дельной понятной мысли, которая не

<sup>1</sup> Точки в подлиннике.

(Прим. ред.)

была бы сочетанием чувственных образов — я не признаю. Таким образом, хотя известное сочетание образов есть плод самодеятельности разума, а не получено прямо из относительно внешнего мира, но образы-то, взятые каждый в отдельности и образующие это сочетание, прочувствованы.

— Недавно я читал в «П. З.»<sup>1</sup> небольшую статейку И-ра<sup>2</sup> под заглавием — «Опыт беседы с молодыми людьми». Это изложение фактами, без употребления научных терминов, примерного образования миров. — Все основано на самых простых вещах. — Нового я н и ч е г о не узнал из этой статейки, но поразил меня по своей простоте логический процесс, которым доходит И-р, да верно и все матерьялисты, до вечности вещества. Вот этот процесс: — Ты не можешь уничтожить ни малейшей доли вещества; не мог также и вчера; не мог 3-го дня, неделю тому назад; год; столетие; миллионы лет; никогда... Вещество всегда было.

Как это просто. Как хорошо. — «Cela doit être, comment n'a-t-on pas pensé», восклицаю я подобно Институту при открытии братьев Монгольфье. — Искандер говорит в «П. З.», что простые истины стоят вековых усилий величайшим гениям, — это правда. — «Вещество вечно» — метафизика ли это при подобном процессе. —

Я выписываю тебе то место из «П. З.», где Искандер говорит об учении Юма: он излагает его вкратце. — Пойми и обсуди<sup>3</sup>.

Кстати, я вспомнил. Мне хочется знать, какие у тебя есть книги. Я имею следующие: 1) Dialogues métaphysiques de P l a t o n, 2) Köhlerglaube und Wissenschaft V o g t, 3) Licht und Leben M o l e s c h o t t, 4) Neue Darstellung des Sensualismus C z o l b e, 5) Письма об изучении природы И с к а н д е р а, 6) Psyche Noack, 7) Thierstaaten V o g t, 8) Esprits des lois M o n t e s q u i e u, 9) Cours d'économies politiques C h e v a l i e r, 10) De la réparation de la richesse R o s s i, 11) Elements

<sup>1</sup> «Полярная звезда», журнал, изд. Герценом в Лондоне.

<sup>2</sup> Искандер (Герцен).

<sup>3</sup> Дальше следует длинная выписка из статьи Искандера — «Письма об изучении природы».

(Прим. ред.)

d'économie politique Garnier, 12) La science du bien-être social Bianchini, 13) Основные начала общественной экономики Эллиса, 14) Traitée d'économie politique J.-V. Saу, 15) Сочинения Веневитинова, 16) Сочинения Кольцова, 17) 2-й том соч. Лермонтова, 18) Статистич. таблица Отто Гюбнера, 19) Курс истории средних веков В. Шульгина, 20) Mémoires historiques Mignet, 21) Руководство к всеобщей истории Лоренца, 22) Учебная книга русской истории Соловьева, 23) Augsburgische Confession Meiapshon.—Нем.-рус. словарь 1835 г.—Нем.-рус. словарь Шмидта.

Вообрази, до сих пор я не знаю ничего положительного о своей будущности. Вот уже две недели живу я у теток: как не стыдно отцу. Посмотрим, его ждут скоро, дня через 3 или 4 в Москву. Он приедет, это верно. Надеюсь, что тогда я узнаю что-нибудь положительное, до сих пор он написал обо мне только одно письмо С. Марк.

Верно только то, что я поступлю в университет в 1860 г., в нынешнем уже не успею, до сих пор нет ни одной книги.

Не пиши мне пока, а то может пропасть письмо. Я извещу тебя, когда можно будет тебе писать мне и куда.

*А. Кроткин*

11 июля 1859 г. Суббота.

*ИСКАНДЕРУ П. ЗВ. 1858 г.*

Когда я был отроком тихим и нежным,  
 Когда я был юношей страстно мятежным,  
 И в возрасте зрелом со старостью смежном,  
 Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова  
 Звучало одно неизменное слово:

Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,  
 Покинул я край мой родимый и милый,  
 Чтoб было мне можно на сколько есть силы

С чужбины до самого края родного  
Взывать громогласно заветное слово:  
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине в тиши полуночной  
Мне издали голос послышался мощный...  
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,  
Сквозь все завывания ветра ночного  
Мне слышится с родины юное слово:  
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомнением,  
Как птица из клетки, простясь с заточением,  
Взыграло впервые отрадным биением,  
И как-то торжественно, весело, ново  
Звучит теперь с детства знакомое слово:  
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится снег и равнина,  
Знакомое вижу лицо селянина,  
Лицо бородатое, мощь исполина,  
И он говорит мне, снимая оковы,  
Мое неизменное, вечное слово:  
Свобода! Свобода!

Но если б грозили беда и невзгода  
И рук для борьбы захотела свобода,  
Сейчас полечу на защиту народа,  
И, если паду я средь битвы суровой,  
Скажу, умирая, могучее слово:  
Свобода! Свобода!

И, если б пришлось умереть на чужбине  
Умру я с надеждой и верою ныне,  
Но в миг предсмертный, в спокойной кручине,  
Не дай мне остынуть без звука святого,  
Товарищ, шепни мне последнее слово:  
Свобода! Свобода!

Это стихотворение Н. Огарева, того, который живет с Герценом, автора «Зимнего пути», «Монологов» и т. п., того, чьи стихотворения недавно изданы Щепкиным.



Т-в<sup>1</sup> зовет его «рабом» Искандера. — Это стихотворение по мне не очень-то хорошо. Только из-за 5-го, да пожалуй 3-го и 4-го куплетов выписал я его тебе. Оно пересолено, — или слишком пресно, что ли, не знаю как лучше выразиться.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Посылаю опять тебе одну знаменитую книгу Бюхнера: Kraft und Stoff. С 1849 г., кажется, вот уже пятое ее издание. — Оно со многими изменениями и дополнениями.

Лавров говорит, что в главе о человеке (вероятно: «Свободная воля»?) Бюхнер в четвертом издании выпустил некоторые смелые нравственные теории.

Я спрашивал из любопытства первое издание, но не нашлось даже четвертого. (Стоит 1 р. 35 к.)

Но откуда у меня деньги? — Из всех денег, как я тебе писал, оставалось 18 р. для отсылки Кравченко. — Не помню на что, но на что-то нужное, истратилось 2 руб. — Оставалось 16 руб., я хотел их послать, но думаю: Кравченко много наворовал — подождет и решил: напишу, что по непредвиденным обстоятельствам не могу выслать забранных мною 22 рублей, прошу извинения и т. п. Перешлю после.

Решив, — тотчас я отдал долг Тихонравову 5 руб., которые давно брал у него, уж забыл зачем, на остальные же решил купить книг. — Но думаю: я поеду на год в деревню, где нет книг; мне очень нужен Бэкон и книга о нем Фишера и т. д. Петя же в Корпусе, как я у себя (в Корпусе); верно может достать для чтения книги, не то что я в деревне; ну я и решил себе купить сочинение Бэкона (во французском переводе). — Книгу о нем Фишера (Bacon und seine Nachfolger, Kraft und Stoff, учебник химии Штекгардта, тебе посылаю только Kraft und Stoff.

Надеюсь, что ты не будешь в претензии на мой эгоизм: сам понимаешь, что на житье в деревне нужно мне запастись книгами.

— После того, что я писал тебе в прошлом письме (свои мысли), я много думал: кое-что изменил. — Об этом скоро напишу.

---

<sup>1</sup> Вероятно, Тихонравов Ник. Сав., профессор русской литературы в Московском университете, с которым был знаком Александр Алексеевич Кропоткин.  
(Прим. ред.)

От отца, чорт возьми, нет известий, наверно скоро он решит, нельзя тянуть. — Нынче иду к Ник. Пав. Смирнову, возьму у него письмо отца к Софии Марковне, верно есть что-нибудь о мне.

Через Смирнова я тебе пересылаю эту книгу, ему не приходится платить за пересылку. — Ладно? — А то у меня нет уже ни гроша.

Скоро я тебе буду писать. — Верно извещу и как писать мне: ужасно хочется знать о твоих мыслях, житье и т. п.

А. Кропоткин

К этому письму прилагается длинная выписка по-немецки о философии Юма. *Редакция.*

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петергоф, 26 июля 1859 г.

Письмо твое (карандашом) я получил нынче, 27 июля... Я начал читать Kraft und Stoff и прочел две первые главы. Если у него все так доказано, как нераздельность силы и вещества и вечность последнего (впрочем, это доказательство я узнал от тебя еще прежде), то истины материалистов вовсе не метафизика.

При чтении твоей выписки об Юме я ничего не понял, сколько н. бился. Я заметил, что я очень несведущ в философии, — я с ней знакомился урывками, из твоих писем. Поэтому мне часто встречаются слова, которые я не могу понять. Поэтому мне необходимо начать свое знакомство с философией, а для этого прошу тебя, если можешь, напиши мне, как бы начать, я надеюсь теперь доставать нужные книги при помощи Пуб. библиотеки да своих денег, на которые можно будет покупать нужное. Мне бы хотелось систематически заняться ей, а у меня здесь хороших знакомых, кот. могли бы помочь в этом деле, нет. Как начать? При помощи какого-нибудь руководства, или читать представителей различных школ, начиная с греческих философов? Я также думаю, что сперва прочесть руководства (они вероятно есть), а потом уж различных философов.

Мое изучение полит. экономии, которая однако не перестает занимать меня так же сильно, прекратилось. Я начал читать Бьянчини и бросил. Мне кажется, что так как он производит решительно переворот в полит. экономии, то не худо бы прочесть тех, которые писали прежде него, а из них я знаю Say, Droz и Бланки (руков. к изучению полит. экон.) на русском языке, купленное случайно за дешевизну<sup>1</sup>. Если у тебя где-нибудь на бумаге или в памяти сохранился порядок чтения, который советует Droz, пришли пожалуйста — я куплю.

В одном из твоих писем ты пишешь: «Жаль, что ты не пойдешь в университет». Напрасно ты так думаешь. Помнишь, как мы вместе думали об этом; я своего намерения не изменял.

Во-первых, выхожу я через 3 года (немного меньше) в статскую службу, отец сам советует по слабости здоровья и по невыгоде служить в военной, причем он всегда себя ставит в пример. Во-вторых, по выходе из Корпуса непременно пойду в университет, даже надеюсь прямо поступить в ноябре<sup>2</sup> в том же году, когда выйду, по всей вероятности я буду вольным слушателем. 3) Лекции можно даже слушать через курс: на 1-м приготовишь 2-й курс, потом на 3-й и на 4-й. Курс очень легок. 4) На свои способности я не жалею, можно это сделать; а впрочем, посмотрим. Что касается до германских ун-тетов, то не раз спрашивал я об этом у Саши Друцкого<sup>3</sup> и убедился (также и от других), что жизнь за границей гораздо дешевле, так что я это имею в виду. К тому времени отец может перемениться.

Перевод Гизо у меня подвигается. У меня переведено больше половины моей части. Около  $\frac{1}{3}$  всей книги. След. на окончание перевода можно рассчитывать. Но ты верно не знаешь истории цивилизации. Это та же всеобщая история, только

<sup>1</sup> Бланки ужасно придерживается Сея, почти ничего не изменяет.

<sup>2</sup> Вступительный экзамен в университете очень, очень легок, говорят студенты. Так-таки невнимательно экзаменуют, что один господин держал за других 6 раз (хорош) переменявая прическу и намазывая брови. На 7-й раз он однако попался. Впрочем, это часто делается, след. экзамен очень поверхностен.

<sup>3</sup> Кстати, он поехал за границу, вышел в отставку и там будет заниматься.

(Прим. автора)

не войн, а прогресса. Вещи, все знакомые как нельзя лучше, иногда попадают факты незнакомые, так об них можно справиться в Пуб. библ., взять историю, источники и пр., след. главные недостатки будут в слоге, а не в сущности перевода. Потом ты говоришь, что на 300 не издать и одной  $\frac{1}{4}$  части. Книга форматом больше этого почтового листа, 400 стр. крупной печати. Каждый день я здесь занимаюсь переводом. Кроме того, так как времени очень много свободного, то я читаю довольно много. Я набрал 2 партии, и мы получаем «Русс. вест.» и «От. записки». Статью Лаврова я еще не кончил читать, потому что недавно получил 4-ю книгу и «О. зап.». В ней «Обломов», понятно, что его читали прежде всего и книга была в расходе. Но здесь в лагере трудно чем-нибудь серьезно заняться, — мешают беспрестанно, болтают вокруг, развлекают, по этой причине я мало читаю серьезного; теперь только принялся за Kraft und Stoff, — легко читается. Читать есть что, а нельзя, вот когда вернемся в Петербург (около 6—10 авг.), то примусь между прочим за *Esprit des lois*<sup>1</sup>, до 1 сентября не начнутся классы, а август я вероятно проведу в Корпусе, прочие будут распушены, так что можно будет позаняться.

Vogt'a и Vüchner'a получил, первое 13, второе 23 июля; очень тебе благодарен, только зачем ты мне присылаешь; у тебя, брат, сам пишешь, теперь нет ни гроша, а у меня деньги бывают; отец, кажется, намерен продолжать выдачу мне по  $4\frac{1}{2}$  р. каждый месяц. Из них всегда может остаться рубля 2 и больше. Так, теперь он пишет, что уж выслал 25 руб. на 2 месяца, их них у меня останется 9 р. (нынешний месяц почти ничего не останется, прежние расходы надо уплатить).

Ты спрашиваешь, какие у меня есть книги. Вот какие: 1) *Traitée d'économie politique* S a u. 2) Руководство к полит. экономии А. Б л а н к и (перевод). 3) Статистическая таблица Отто Г ю б н е р а. 4) Курс истории сред. веков В. Ш у л ь г и н а. 5) Учебная книга русской истории С о л о в ь е в а. 1 и 2 кн. 6) *La science du bien-être social* par В i a n c h i n i. 7) *Esprit des lois* М о n t e s q u i e u. 8) *Histoire de la civilisa-*

<sup>1</sup> «Дух законов» Монтескье.

(Прим. ред.)

tion en Europe G u i s o t. 9) Köhlerliebe und Wissenschaft, V o g t. 10) Kraft und Stoff B ü c h n e r. 11) Meditations poetiques L a m a r t i n e. 12) Recueillement poetiques, то же. 13) Reflexions morales de l'Empereur Marc—Antonin. Кроме того в постоянном пользовании 2 словаря Р е й ф а и Л о р е н ц а «Всеобщая история» — вся и полное собрание лучших английских поэтов 3 ч. необыкновенно мелкой печати, так что потому их и не покупают.

Что ты намерен делать с отцом?

Урезонь его, распростирайсь побольше, напиши письмо поаккуратнее, по-французски, и повежливее, к просьбам à la Коля нечего прибегать, его и так можно урезонить, он, я убедился, последнее время вовсе не так зол, он верно чем-нибудь рассержен, потому и написал. Прощай.

*П. Крототкин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

13 августа 1859 г.

Твое письмо привело меня в очень неприятное настроение; я окончательно убедился в твоей полной неспособности соображать — это ужасно.

Да, мой друг, ты не можешь соображать не только отвлеченностей, но даже самых простых вещей.

Вообще твои письма часто озадачивали меня, в них попадались нередко такие диковинки, что я приходил в уныние. Это не те ошибочные, но дельные мысли, которыми грешат все смертные, нет: трудно даже принять их за смутные очерки, которые порождает обыкновенно мозг при первом вдумывании.

Когда раньше встречалась подобная чушь — я обыкновенно молчал. Твой ум страшно неуклюж и страшно ленив: вот мои конечные выводы.

Не знаю, что-то скажет история; дай-то бог, чтобы сказала что-нибудь утешительное: но ручаться за доброе — не могу. Ты сам очень хорошо понимаешь, что одного только последовательного и пассивного запоминания фактов недостаточно для того, чтобы стать историком. Нужно уловить

их общую связь; нужно сообразить обстоятельства, породившие факт, и уследить за всеми тончайшими его следствиями в будущем; нужно, наконец, для оценки и понимания деятелей иметь способность соображать частные черты их личностей и их деятельностей; нужно понимать отношение природы страны и вообще местных условий к бытовой и собственно психологической истории народа; все это требует глубоких соображений (не говорю уже о познаниях): где же у тебя залог?

Право, Петя, грустно становится!

А эта самонадеянность, эта гордая вера в себя, выразившаяся в словах: «на способности свои я не жалуюсь». Тут есть одна пошлая сторона, о которой я поговорю ниже; но вера-то, вера-то в способности! Откуда она взялась у тебя?

Эта фраза поразила меня. — Боже! — подумал я, Петя даже не сознает себя.—И, не шутя, мне взгрустнулось. Да, — потому что это доказывает, что ты страшно недалёковиден, страшно ослеплен собою; что — верно — и очень, очень редко задумывался ты о себе самом.

Мало есть истинно умных людей; много есть недалёких тружеников науки, но зато, кажется, большая часть последних внутренне сознает свое ничтожество; — а ты нет. Тут я далеко расхожусь с тобой.

По всей истории моего развития проходит крайне печальная черта. Я начал с гордой верой превзойти со временем Пушкина; да, это не фраза: в 1853 г. я был в том глубоко уверен. Но чем далее я шел, тем более и более я в себе разочаровывался. Уже и уже становились мои желания, но все еще остаются они слишком широки для меня; как бы желал я теперь состоять хоть в самых последних рядах людей науки, — но и то не по мне! У меня до последней крайности развита способность делать над собой наблюдения и оценивать себя; а потому, если, например, порой мелькнет как-то вера в себя, хоть бы самая ограниченная, тут же, в этот самый момент, я оцениваю эту искру и вновь разбиваю свою пошлую надежду.

Я никогда, Петя, не раскрывал тебе этой больной своей стороны, но сегодня не знаю что тянет меня к признанию. — Или уж много накопело горечи, но отчего же выносил я ее прежде особняком?

Да, говорю откровенно, я потерял веру в себя. Это ужасно, это страшно вредно, — а как оскорбительно!

Я всегда был склонен к самоуглублению; больше полжизни моей протекло, с 1853 г., в этом занятии, я много вынес из него пользы: теперь, не шутя, я не дурно распознаю человека, и там, где люди поумней меня ничего не видят, я сейчас улавливаю много черт, мои первые заключения очень скоро и всегда подтверждались; но зато я вынес также из этих самоуглублений потерю веры в себя, вынес столь твердое и жестокое сознание своего ничтожества, что (без фраз) очень и очень часто помышляю о самоубийстве; удерживала меня только слабость воли да инстинкт самосохранения.

Это черта сумасшедшего или идеалиста, скажешь ты, — может быть. Но если только и отрады мне в научном знании, если больше ничто меня не привлекает и если я убежден, что не добьюсь никогда даже самого пустого значения в науке, что остается мне делать?

Мудрено ли в особенности, что я думаю часто о самоубийстве, т. к. подвержен довольно нередко хандре. Из-за чего же я бьюсь? К чему эти постоянные занятия наукой и эти вечные размышления? — Нет, тут есть другой смысл, я нахожу отраду в науке — и вот я занимаюсь. — Занимаюсь без веры в будущее, занимаюсь для настоящего. Эти занятия уравнивают немного те неприятные часы, когда я думаю о себе, и потому я ими дорожу.

И вот теперь ты можешь понять, Петя, как глубоко должна была меня поразить твоя самонадеянность, — самонадеянность, когда уже давно разглядел я в тебе недалекого человека. Я—мишура, но зато я и сознаю это; я думал, что и ты, хоть и к своему горю, но вместе и к чести своей, сознал себя, а между тем ты в блаженном неведении. Несмотря на сильную симпатию к тебе, нарушаю, или по крайней мере хочу нарушить, это твое пошлое самодовольствие. — Ты не глуп, а видеть подобных людей, воображающих себя уж очень даровитыми, — мне неприятно. — Не целые дни, с утра до ночи, будешь ты сознавать свою пошлость, если станешь о себе думать; не целые дни будет тебя преследовать это печальное сознание, но зато ты не будешь ослеплен. — Белинский говорил, что «жаль сумасшедшего, воображающего себя королем»; да, даже

сознание самой горькой истины все-таки, по мне, лучше пошлого самоослепления. — Я сильно желаю, чтобы ты хоть немного понял себя.

15 августа.

Однако я заговорился, в начале письма я сказал, что ты вовсе неспособен к соображениям, нужно подтвердить это хоть немногими фактами, прежние письма твои оставляю в стороне; займемся хоть последним твоим письмом.

Более всего меня поразило твое намерение начать изучение философии с «учебников философии». — Ты упомянул, правда, еще о том, не начать ли, в порядке, с древних мыслителей, это тоже глупо; но первое-то, первое!

Систематические занятия философией... Куда же повели, все мои старания сделать Петю матерьялистом? Или если он уже матерьялист, то как могла ужиться в нем мысль об учебниках философии с матерьялизмом? Неужели в здоровом мозгу возможны подобные несообразности? Учебники философии, но ведь под этим словом, Петя, разумеются учебники физики, астрономии, химии, зоологии, ботаники, сравнительной анатомии, физической географии, физиологии, геологии, палеонтологии и проч. и проч.; как же ты, матерьялист, заговорил бы о каких-либо других учебниках?

Я думал, что ты уже давно убедился в том, что наша философия есть математика и естествоведение, между тем, поклонник вещества, ты еще в этом, я вижу, не убедился.—Эти учебники философии, в твоих устах,—несообразность, достойная мозга, в котором не только что заключается крайне мало фосфористых жиров, но в котором живет еще много недостатков, мне, профану в физиологии и краниологии, недоступных.

А если ты точно хочешь заняться философией, я тебе посоветую, пожалуй, с чего н а ч а т ь. Науку хорошо бы изучать, да и должно, в том порядке, как я изложил выше, только поставить физическую географию прежде сравнительной анатомии, да изучив сначала астрономию и высшую математику. — Теперь же начни хоть с чтения Н о в о с и л ь с к о г о (Природа и сила), физики Ленца<sup>1</sup>, популярной книги

<sup>1</sup> Гимназический курс.

(Прим. ред.)



М и т ч е л я Небесные светила, которые скоро выйдут. Для химии необходимы осязательные опыты, потому я советую подождать тебе того времени, когда начнешь изучать ее в корпусной лаборатории. — По зоологии и ботанике не знаю что посоветовать тебе прочесть для поверхностного ознакомления, хотя знаю, что есть из ботаники 1) Руководство Даля, 2) Руководство, изданное в Казани, а по зоологии, кажется, учебник Г о р и з о н т о в а. По физической географии прочитай книгу Г ю й о — Земля и человек. По геологии хоть Картины Котта. — Для палеонтологии пока три лекции Рулье <sup>1</sup>.

19 августа.

Что же до другой стороны твоего вопроса, т. е. не начать ли с древних мыслителей, то эта мысль хоть и не глупа, как первая, но все-таки несообразна. — Во-первых, начать с того, что: если философия есть наука о природе, то, конечно, лучше всего начать с простейших фактов этой природы, т. е. вышеупомянутых естественных наук, во-вторых, всех философов подряд не читаешь, да и не поймешь без предварительных познаний как в истории народов, так и в их современном быте и так же в естественных науках собственно. Но этим я вовсе не хочу сказать, что уж и совсем не нужно читать философов. Напротив, в добрый час. Мы, брат, с тобой заглянули уж немного в широкую сферу, и потому засесть исключительно за учебники нам невозможно, то было б можно, если б мы были малые дети. Читай же хоть, например, Бюхнера, Фогта, Бэкона, Гераклита, Юма, — все это принесет пользу. Не говорю о других, до которых мы еще не доросли, например, Молешотте, Чолбе, Ноаке, ибо — мы невежды как в науке, так и в языках. — Впрочем у них тоже можно кое-что понять при слабом знании естественных наук. Что же до идеалистов, то их можно не читать; разве с критической целью, или для развлечения, или с исторической целью. Систематическое же знакомство с природой—естественные науки...

---

<sup>1</sup> Публичные чтения профессоров... в 1851 г. (Прим. ред.)

Есть еще кое-что сказать тебе и, например, известить тебя о чрезвычайных важных вещах, до которых я додумался, но я пишу теперь одну статейку (для себя конечно), в которой будет все это обработано, ясно выражено и т. д. Следовательно, жди. А теперь лень, да по правде и некогда.

*А. Кропоткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*<sup>1</sup>

25 сентября 1859 г.

Вряд ли ты можешь себе вообразить, Петя, как тяжела мне жизнь в деревне, «в уголке благословенном», конечно, ты испытал уже нечто подобное, но разве не что; человек не вкусивший хорошего, не стремится к нему, не тоскует о нем, ты, живя в Никольском, кажется, не тянулся к корпусным стенам: а я тянусь; да в особенности последний год прошел для меня в Корпусе в непрестанном упоении; я так много и так лихорадочно поспешно прожил в последние месяцы корпусной жизни, что после такой жизни — теперешняя — давит. Время с ноября 1858 г. до мая было для меня как XVIII век, вернее его последние годы для тогдашнего человечества; кто-то сказал, что кто не прожил 80-е и 90-е годы прошлого века, тот не жил: я про себя скажу, что я не считал бы себя жившим без последних месяцев корпусной жизни.

Я тогда мало писал тебе; я сравнивал недавно в памяти моей письма к тебе в прошлую зиму с письмами этой, тогда тетради — теперь листки; но это было от полноты жизни.— Я не мог опомниться, немудрено, что молчал, под этим молчанием можно бы разглядеть не скудость мыслей и ощущений. Все мое лучшее умственное достояние: матерьялизм, атеизм, взгляды на природу, мои нравственные понятия, словом все, что лежит на мне как клеймо, что сделало меня для большинства отверженцем, что поддерживает меня всегда в этой

---

<sup>1</sup> Из Никольского, где жил А. А. летом 1859 г., после окончания кадетского корпуса. (Прим. ред.)

роли, — все это плод моего золотого века; я дорожу этими плодами, сожалею, впрочем, об отверженности.

Сейчас задумался. — Вспомнил я о декабре 1858 г. — знаешь ли, в натуре человека лежит потребность вспоминать лучшее: вот когда я жил, Петя! — Я был тогда в опьяненном состоянии; я решал тогда вопрос о вечности вещества, философия всегда была для меня поэзией — какие тогда носились предо мной образы! А сверх того я начинал влюбляться в природу: что за чудные видения и грезы рождало во мне завывани: ветра ночью в окна нашей спальни, я понимал всю нелепость моих грез, но какой таинственной, поэтической жизнью было полно для меня это завывание. Это ли не жизнь природы, думал я, это ли та мертвечина, которую попирали идеалисты. Да я жил тогда заодно с природой, к тому времени я *н а ч и н а л* глядеть на нее, начинал, по возможности, изучать, и она для меня была чем-то неизяснимо чудным. Этому времени не повториться; я был тогда в первой поре матерьялизма: это май моей жизни. И благодаря своему себя изучению я еще тогда сознавал это; но это не мешало. Живя последний год в Корпусе, я сознавал свое упоение; понимал, что оно минует, но сознание не мешало наслаждению.

Теперь взамен всей этой поэзии — самое полное и глубокое одиночество; нет Чистякова, с которым можно было пойти поговорить о волнующих меня теперь вопросах. А как писать тебе? Разговор разве письмо. Неужели можно передать бумаге процесс развития мысли, закваску мысли? Да и заменит ли писание беседу с человеком! Да, Чистяков и лучше понимал меня. Тебя, привыкшего быть зрителем совершающихся событий, борьбы человека с человеком, его усилий вырваться на вольный воздух и т. п. — могут ли заинтересовать до трепета те отвлеченности, в которых я теперь вражду: ты изучаешь историю, какое тебе дело до того, где границы знания вообще, — какое его значение. Не знаю, волнуется ли твое сердце при изучении минувших событий, живешь ли ты в былом, иногда я способен к этому, — не знаю, всегда ли ты? Если живешь, будешь не менее меня счастлив. Оставайся же, если ты способен к жизни в былом, — пфи этой жизни. Правда, я буду всегда делиться с тобой ре-

зультатами, когда почту что-либо за них, но постоянно писать тебе о всех своих размышлениях — я не стану. По крайней мере я намерен так делать.

До сих пор мы шли, брат, по одной дороге, теперь расходимся, есть много одинаковых струн в обоих нас, но мы уже не *deux têtes sous un même bonnet*. Да я и не горюю об этом, при высшем развитии части организма природы, да и отдельные особи — обособляются все более и более, но мешает ли это им быть частями одного целого, мешает ли находиться в теснейшей связи и единстве? Мы не раз подадим еще друг другу руку даже в области науки: я этому верю. Но всегда говорить друг с другом нам нельзя: мы не пойдем друг друга. Мы говорим хотя и не на разных языках, но наречия у нас различны; твое ухо не ко всем звукам моего наречия привычно. Мы даже едем на различные острова одного моря; но реки, по которым мы плывем, часто пересекаются: тут-то мы и будем обниматься!

Не знаю, что-то будет со мной относительно университета. Я верно всю зиму или долго пробуду в Никольском, латынь и другое кое-что—капут. И в особенности при теперешней строгости. Если не удастся приготовиться из латинского, иду вольным слушателем; оно и лучше; а что до экзаменов за четыре года, если я человек науки, они будут нипочем; если же я — мишура, и не вынесу, — поделом, годовые (отметки) были бы в таком случае обманом, отводом глаз, чушью.

К будущему лету я намерен также совершить с отцом и маечой последний разрыв, без фраз, жизнь в зависимости от них — невыносима, а между тем у меня ни платья, ни книг, ничего; я przygotowляюсь к учительству, отнюдь не меньше доходов даст мне оно, нежели житье дома — квартира? — буду жить с своим возлюбленным Васильковским, который нынче же принят в университет за латынь. (Кстати: получал он жалования 600 р.; в прошлом году выпущен из нашего Корпуса. Пробыл год в Академии; в нынешнем году — вздумал университет; — благо.) А если относительно квартиры и денег одинаково, хоть из-за одной независимости войду в разрыв: это решено.

Пиши мне: К. губ., в г. М. п. от. с. Никольское, Авдотье Петровне Маховой. (Уж, разумеется, пиши не своей рукой,

а попроси какого-нибудь товарища.) — Это гувернантка, порядочная женщина; я у нее также взял (сама предложила, кстати: имеет 300 душ — и гувернантка. Получает 400 р. сер. у нас) 3 руб. взаймы до первой возможности, для покупки до зарезу понадобившейся мне Critique de la raison риге, конечно, тайно. Дело уладили безопасно: купит Васильковский. Тихонравова прошу дать мне (до расплаты в будущем) «Небесные светила» Митчеля. Он даром получит. Он участвует в обществе, где это переведено. — Советую прочесть.

А. Крототкин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ <sup>1</sup>

25 октября 1859 г.

Что это значит, мой друг, что ты не пишешь мне? Вот уже 25 октября, а от тебя ни слуху, ни духу. Или ты не получил моих писем, не знаешь куда адресовать? <sup>2</sup>

Я, с своей стороны, могу объявить тебе довольно важную новость, именно, что недели через две или три я совершу с нашими последний разрыв и переселюсь в Москву к моему горемыке приятелю Васильковскому. Дело в том, брат, что я уже слишком много перенес здесь оскорблений. Да и вообще мое положение в доме твоего отца слишком тяжело и двусмысленно, чтоб я не променял его на другое, при первой же возможности.

А возможность кой-какая представилась. — Когда я изложил Васильковскому все унижительное, перенесенное мною в краткий срок пребывания в Никольском, эта благородная голова предложила мне все, что дать может, квартиру и пр. Васильковский писал, что он убежал бы уже на моем месте и питался бы милостынею, и у него это не фраза. Я решил ехать. Пока я не достану места учителя, я буду жить кое-чем, что верно не откажет дать Сулима, Смирнов, Костыркин, Кравченко, а пожалуй, и Лермонтов, а там нечего и горевать. Конечно, не очень-то ловко придется жить, но зато честно, —

<sup>1</sup> Из Никольского.

(Прим. автора)

<sup>2</sup> Авдот. Петров. Маховой. — Не своей рукой, конечно. (Прим. ред.)

да пожалуй и вообще не хуже, чем у твоего батьки. — Что у него за жизнь. Сухое прозябание, оскорбительное, бедняковское. Только за книгами отводишь здесь душу, но разве книги заменят вполне человека. Нет, Петя, в Москву, в Москву! Там лучше будет мне; если не желудку да шкуре, — так мозгу; чувству собственного достоинства, духу научных потребностей, человеческого разговора, что ли, и т. п.

При разрыве у меня верно отымут все, в наказание и от бешенства... Поэтому я пишу Васильковскому, чтоб он вместе с Костыркиным выслал мне 20 р. сер., во-первых, для переезда; а, во-вторых, также для покупки зипуна, штанов и пары мужицких сапогов. Костыркин предлагает мне свой дом; это предложение я не принимаю. У него жена, которой это может не понравиться, поселюсь лучше с Васильковским. — Да, рано или поздно мы и предполагали так сделать; вдвоем легче жить, Петя, и для так называемого духа и для тела. Я, ты, Васильковский, да будет это триумvirат! Наука и человечность да свяжут нас!

Подло с моей стороны было б оставаться у твоего батьки при такой жизни. Да, Петя, наш брат матерьялист не знает «чести» в высоком ее значении, как у прочей нашей брати, людей науки и благородной жизни (по-философски) идеалистов; все это так, но есть идеалы, вырабатываемые историей: они, брат, и матерьялистам не чужды. И эти-то идеалы дают силы мне для борьбишки, которая мне предстоит; из-за них-то я готов отказаться от матерьяльных удобств.

Ты, может быть, скажешь, что я поднимаю шум из-за пустяков, что нечего мне петушиться, так как из меня ничего не выйдет; но, во-первых, я все-таки благородный человек, человек науки; во-вторых, отвечу некрасовскими стихами.

Братья писатели! в нашей судьбе,  
 Что-то лежит роковое...  
 Если бы все мы, не веря себе,  
 Выбрали дело другое —  
 Не было б точно, согласен и я,  
 Жалких писак и педантов, —  
 Только бы не было также, друзья,  
 Скоттов, Шекспиров и Дантов!  
 Чтоб одного возвеличить, судьба

Тысячи слабых уносит, —  
 Даром ничто не дается: судьба  
 Жертв искудительных просит...

Наконец, в-третьих, мой собственный эгоизм требует, чтоб я так поступал, как поступаю. Глупо ли, умно ли я настроен, но я все-таки Я. — И я хочу той жизни лучше, которую избираю, чем пошлой и унижительной, которая в ином случае мне предстоит.

Итак, решено. Будь что будет! В Москву! Я не отступаю. Честная бедность лучше унижительной полубедности; да и так ли я выражаюсь. Книг, верно, отец не намерен мне покупать, а чего мне еще нужно, ужели наедасться доотвала да ходить в лайковых перчатках?

В последнее время я решаю, брат, великие вопросы. Это об отношении бытия к мышлению. Что есть знание? в каком отношении оно находится к природе? какое его значение? Скоро ли доберусь я в этом деле до конца, не знаю, но тогда познакомя тебя со своими мыслями об этом предмете. Это, может быть, важнейший вопрос философии; Кант решил его в пользу неабсолютности (т. е. относительной достоверности) человеческого знания; это я без него знаю, но тут еще дальше надо вести дело: какое значение имеет сама критика разума; какое значение имеет самосознание и т. д. Жду с нетерпением «Критики чистого разума». Она, верно, на многое обратит мое внимание, да поможет и сообразить свои мысли.

У меня теперь, в последние месяцы, стоит на первом месте в деле книг Бэкон. Я недавно стал читать книгу Фишера о нем — превосходно.

Kraft und Stoff мне сильно не понравилась: фразер, брат, этот господин Бюхнер. Разве о б щ е с т в е н н о е только значение имеет его книга...<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> К этому письму приложен небольшой листок, мелко исписанный с обеих сторон и озаглавленный «Афоризмы о природе», которые мы здесь и помещаем. Чтобы дать понятие читателю о почерке А. А. Кропоткина, прибавим, что «Афоризмы», состоящие более чем из 5000 букв, написаны на листочке размером 8×6 сантиметров (2 страницы).

## АФОРИЗМЫ О ПРИРОДЕ

Природа существует (знание, основанное на вере в чувство). Жизнь природы есть непрерывное возникновение, непрерывное творчество. Жизнь есть лучшее и естественное изобретение природы. Смерть есть только средство для большей жизни. — Природа творит вечно новые образы; что есть в ней, того еще не было, что было — не будет; все ново, а все только старое. Зрелище природы вечно ново, ибо она непрестанно творит новых созерцателей. В ней все живет, совершается, движется, но вперед она не идет. — Она вечно меняется и нет ей ни на мгновение покоя; что такое остановка — она не ведает; она положила проклятие на всякий покой. — Она целостна и вечно недокончена. Жизнь (природа) беспредельна в пространстве и времени. — Она не ведает прошедшего и будущего; настоящее ее — вечность... Мир вечен; не кончится, ибо есть. — Природа — все. Все люди в ней и она во всех. Даже в непосредственном есть природа, на самом грубом филистерстве лежит печать ее гения. — Кто не видит природу повсюду, тот нигде не видит ее лицом к лицу. — Вне жизни (природы) — ничего не лежит — ибо она все. — Она вся в своих чадах, а сама мать, — где же она. — Факт жизни один: жизнь; или сама жизнь есть единственный, существующий факт. Если мы в жизни различаем несколько фактов, то мы придаем природе чуждые ей свойства. Кажется, все основывает она на личности, но ей дела нет до лиц. — У каждого ее создания особая сущность, у каждого явления — особое понятие, а все едино. — Каждому является природа в особенном виде. Она скрывается под тысячью имен и названий, и все-таки одна и та же. Одна и та же жизнь развивается в различных видах, но одинаково. — Вся природа есть жизнь, развивающаяся по своим законам. — Законы жизни составляют сущность жизни, самую жизнь, а не суть, принадлежность, способность жизни. Целое природы составлено из неделимых. Каждое неделимое живет на основании общего закона, есть часть общей жизни природы. В каждом неделимом жизнь эта действует независимо от него, всегда почти без его сознания и всегда без его воли, повинуюсь себе самой, своим законам, которые вечны и непреложны. Жизнь природы



тверда; шаги ее измерены, уклонения редки, законы непреложны. Мы постоянно действуем на природу, но нет у нас над ней никакой власти. Ее законам повинуются даже и тогда, когда им противоречат; даже и тогда действуют согласно с ней, когда хотят действовать против нее. Всякое даяние природы благо, ибо оно необходимо. Мы живем посреди природы, но чужды ей; она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает. У нее свой собственный, всеобъемлющий смысл, но никто его не подметит. У нее нет речей и языка, но она создает тысячи языков и сердец, которыми она говорит и чувствует. Природа позволяет всякому ребенку мудрить над ней; каждый глупец может судить о ней. Тысячи проходят мимо нее и не видят. . . . .

Эти афоризмы я составил из нескольких фраз одной статьи Гете, помещенной в «Пис. о изучении природы» и из одной статьи Станкевича. (В его биографии и переписке Анненкова: «Моя метафизика»). Эту статейку я переписал в 1858 г. Я выбрал из этих двух статей по несколько фраз и изложил в возможно большей последовательности. Статьйка Гете хороша до-нельзя, но в ней есть кое-что несогласное с моими философскими убеждениями; она напоминает мне немного статью Серебрянского, в конце которой особенно ясно изложен шеллинго-гете-искандерский взгляд на природу человека. Статью Серебрянского я перечитываю ежедневно [советую тебе почитать: в соч. Кольцова], кажется, несмотря на то, что не согласен с ней. Что за поэтическое мирозерцание! Не мудрено, что им увлекались и увлекаются много даже серьезных естествоиспытателей (хоть физиолог И. Мюллер, он сперва был Шеллингист): единство природы и человека. Человек и сознание — вечности жизни природы. Ум — мировая сущность и т. д. Тут, брат, много поэзии, если пропитаться этим взглядом. Но правды мало. В Афоризмах станкевическое вообще выражено не совсем определенно, впрочем, если подумаешь, можно склеить с взглядом вообще на природу, который выступает из Афоризма: Природа существует; есть жизнь; вечна и беспредельна; вечно нова; есть все; едина; законы непреложны и суть ее сущность; необходимость; наш взгляд на природу, мудрецы.

Я, кажется, извещал тебя, что взял взаймы у гувернантки 3 р. сер. и послал их к Васильковскому с Тихоновной, чтобы тот купил мне «Критику чистого разума», которая нужна мне дозарезу. Вдруг Соф. Марк. пишет, что Тихоновну по дороге обокрали, взяли у нее пакетик с чулками, нитками, письмами, но что масло и крупу не украли... Вследствие этого я решил просить Crit. de la raison pure у Смирнова и написал ему письмо.

Это письмо я вложил в письмо мачехи к С. М.; но потом думаю: «не велит ли она С. М. отдавать письмо Смирнову, а при случае сказать, что городская почта затеряла». Поэтому я с той же почтой отослал т а й н о и другое письмо, почти такого же содержания. Посмотрим, что будет.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

3 ноября 1859 г.

Все твои письма, мой друг, получил я, но не отвечал потому, что был болен, а перед тем не был в состоянии писать, потому что был замешан в одну историю, в которой принимал очень деятельное участие; в последние же дни начал письмо; теперь же, получив твое последнее письмо, бросил его.

Ты пишешь, что ты решил ехать в Москву. Прекрасно. Но чем будешь ты жить? Ты надеешься на Сулиму, Смирнова (нашел!), Костыркина, Кравченко. Положим, они сами предложат 20, 30 р. Но на это не надейся долго прожить. Наконец куда ты пойдешь? Учителем? Нет, не забудь, ты кадет<sup>1</sup>, тебе 18 лет, да еще узнают об твоих отношениях к отцу (в Москве все разузнают), и ты думаешь скоро найти себе место? Ошибаешься.

Во-1-х, мне кажется ты не умело взялся за дело с отцом. С ним все можно сделать, без подлости, без больших дипломатических тонкостей. С ним надо объясниться вежливо, пожалуй пострадать немного, но не сразу т р е б у я, как ты имеешь привычку. (Надеюсь, ты не обидишься моим мнением.) Тебе предстоит в Москве не одно лишение материаль-

---

<sup>1</sup> И студенты не легко находят себе место. Спроси у кого-нибудь, кто знает.  
(Прим. автора.)

ных удобств, но и нравственное унижение, ты увидишь, что ты будешь в тягость В-му, потому что у него будет что-нибудь, у тебя же ничего. Ты увидишь, как тебе будет трудно просить денег у других. Наконец, если ты непременно хочешь ехать в Москву, то сперва напиши Васильковскому, чтоб он с помощью своих знакомых приискал тебе какое-нибудь место, а потом уж поезжай. По-моему, лучше писарем поступить, чем жить так, как ты предполагаешь. Ты, кажется, представляешь все это в слишком розовом свете. Нет, брат, подумай да поговори с отцом, пострадай этим, а тем временем напиши В-му, чтоб он поискал места.

Может быть, мои советы покажутся тебе глупыми, но ты всегда судил о действительности не совсем верно, — слишком хорошо воображал ее.

Но довольно об этом; ты сам рассудишь.

Ты, кажется, не совсем меня понимаешь; ты меня считаешь неспособным понимать тебя, предполагая, что я сочту твои речи за пустые фразы и не пойму твоих поэтических наклонностей. Напротив. Напрасно. Ты можешь быть уверен, что я всегда сочувствовал этим твоим сторонам, поверь, что всегда природа была моим лучшим другом, и что если что-нибудь привлекало меня к житю в деревне, так это природа и возможность заниматься так, чтоб мне не мешали. Не знаю, как ты живешь в Ник[ольском], я же сидел постоянно у себя в комнате наверху, сходил вниз только обедать, завтракать, да иногда по вечерам, когда чувствовал потребность в разговоре. Не знаю, как ты, а я в Корпусе имею гораздо, несравненно меньше времени, чтоб углубиться, чем в деревне; там никто мне не мешал, здесь же все беспрестанно, оттого что у нас и комнаты нет, чтоб заниматься, все это делается в роте, так что для того, чтоб читать что-нибудь серьезное, есть время только вечером от 8 до 9<sup>1</sup>/<sub>2</sub> ч., да еще час, когда все лягут, от 10 до 11 ч., а я не всегда могу заниматься в это время; к концу учения обыкновенно глаза болят. Нет, ты меня считаешь чересчур холодным материалистом, неспособным тебя понимать. Ты, кажется, меня считаешь из тех, которым может показаться странным, что ты расплакался после романса, спетаго Соболевой; не раз и со мной случалось это, — скорей такое обстоятельство может меня расположить в пользу че-

ловека; тот, кто не способен тронуться музыкой, природой, стихами, творчеством, тот не высоко стоит в моих глазах.

Вообще я замечаю, что в последнее время мы очень разошлись. Причины этому в том, что я далеко от тебя отстал. Почему я отстал — на то много причин. Я часто вижу теперь, что я недостаточно образован, что беспрестанно попадаются мне неизвестные слова в области философии, что я совершенно не знаком с ее историей, и что если я не так интересуюсь отвлеченностями, как ты, так это потому, что я их не очень понимаю. А много можно найти полезного и у нематериалистов.

\* \* \*

Я хотел прислать тебе денег, но решительно ничего не осталось из присланных недавно, все разошлось на необходимые предметы.

Прощай.

*П. Кропоткин*

Не взыщи за безалаберность письма, я спешу его кончить.  
4 ноября. Пойдет 5 числа.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

С. Никольское <sup>1</sup>, 2 декабря 1859 г.

С 18-го я нахожусь в очень глупом состоянии; меня одолевала самая отвратительная лень; лежу или сижу целые дни, задравши ноги кверху и несущая с милым Коленькой околесицу. Да и милый Коленька теперь не в лучшем положении, чем милый Сашенька.

Все это еще бы ничего: отчего не стать скотом недельки на полторы или на две? Но мое теперешнее состояние потому бесит меня, что я совершенно лишился способности думать о чем-нибудь серьезном, даже и не в научной области; 18-го и 19-го, например, разыгрались здесь сцены, очень характеризующие меня; но понять их отношение к моей личности — вообще можно только путем размышления; понять —

---

<sup>1</sup> Мещовского у., Калужской губ., имение Кропоткиных.

(Прим. ред.)

хочется и как же не беситься, что я лишился всякого понимания, ум требует отчетливого основания, а сознать ленится. — Чорт побери! А рубить с плеча глупо. Другой болван, пожалуй, не задумается сейчас же все порешить с математической точностью, но я еще не совсем лишился рассудка и вижу, что решать таким образом мой вопрос куда как не умно. Дело вот в чем:

18-го вечером приехал Коля; я сговорился с ямщиком выехать на следующее утро; объявить отцу и прочее хотел ложась спать; но узнали раньше; М. М. и мачеха начали уговаривать, я стоял на своем; в начале 11-го часа я ушел к себе, наверх. Вдруг послышались крики отца; с свечкой в руке он всходил по лестнице; совершенно машинально отпер я двери настежь; он вошел и бросился на меня. Я почти не защищался. Затем отец ушел, заперев дверь на ключ. Итак, меня поколотили!

Коля лег в соседней комнате; сперва мы немного поговорили о совершившемся; он оправдывал зверство отца и подлость его, его незаконное задержание меня (как чиновника) — пользуясь правом отца; мало-по-малу разговор переменился: я стал проповедывать о философии, матерьялизме и т. п... как хочешь, это замечательно! Говорили до 5 час. утра.

На следующий день меня выпустили, я пошел и объявил отцу, что в особенности после вчерашнего не могу оставаться у него в доме; он опять бросился; мачеха разняла: жаль, что не водой. Через  $\frac{1}{2}$  часа (слушай!) мгновенно, вовсе не о том думая сперва, я вдруг побежал вниз и умственно решил свой поступок — уже совершая его... я подошел к отцу и без злости поцеловал его, сказав: «уж если приходится вместе жить, надо жить в ладу». — И начал было толковать о том, как нехорошо жить под одной кровлей — и не в ладу.

Довольно! Мне и то тяжело. — Живем в ладу. 14-го я задумал написать по Фишеру, впрочем заметно отступив от его порядка о Бэконе; подобных статей много помещают (даже мои, не очень-то даровитые, бывшие корпусные наставники) в отделе иностранной литературы «Отечественных записок». — Я тоже попытаюсь. Да узнай, как там надо непременно написать редактору свою фамилию и место жительства. Это надо узнать в какой-нибудь редакции. В «Моск. ведомостях» постоянно объявляют, что редактор должен

знать, г. NN, вашу фамилию — настоящую: для полицейского порядка, разумеется. Я так попрошу — вовсе без подписи напечатать, если примут.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

6 декабря 1860 г.

Я не отвечал тебе довольно долго на последнее письмо, потому что был болен несколько времени и кроме того после выздоровления ранил себе руку, и только теперь залечил ее.

Ты пишешь между прочим, что к чему историку примешивать политические теории, — довольно просто и ясно изложить события, — я с тобой не согласен, это очень мало. Историк должен показать причины и последствия событий, он должен сказать, имело ли такое событие благодетельное последствие или нет, и говоря про это, он должен изложить, на чем основывается он при этом разборе, — вот уж причины излагать свои полит. убеждения и доказывать их, а если бы ты ограничил историю одним перечислением фактов, это вышла бы летопись, не больше, а в истории должен быть прагматизм, т. е. изложение причин и последствий; историк должен показать, почему такой-то действовал так, вот его политические убеждения. Кроме того он должен сказать, ошибалось ли разбираемое лицо или нет, т. е. разобрать отношение его убеждений к понятиям этой эпохи, в которую он жил.

Ты говоришь: «жертвовать практике всем, это против моих убеждений», оно и против моих; а если я писал, что «скажу с Маколеем: это не поможет выдумать ветряной мельницы», — то я говорил это про себя, я не отрицал необходимости метафизики, но меня она не интересовала, я и писал: «Что она не поможет мне устроить мельницу», вообще же я с тобой вполне согласен, что всякое положение действует и не непосредственно на практику. Напрасно ты меня считаешь таким практиком. Бог весть, гожусь ли я еще на что-нибудь. Вообще я теперь в страшном бездействии. Времени мало, и изредка только читаю что-нибудь посерьезнее, вроде нетрудной исторической статьи.

Не знаю, до чего я так дойду со временем, меня интересует и желание получить практическое воспитание, и естественные науки, и история по временам затрагивает меня. На чем же я остановлюсь? Неужели ни на чем? Более и более убеждаюсь я в неспособности понимать философские книги; да и лень одолевает. Обломовщина? Избави бог. Зато вдвое более прежнего полюбил я поэзию, и никогда стихотворения не могли доставить мне такое удовольствие, как теперь. Все это однакож ничто. Я чувствую; как вредит мне Корпус, он убьет во мне последнее, что было хорошего!

\* \* \*

7 декабря.

Я получил письмо от отца и 5 р. Из них три рубля к твоим услугам. Я думаю купить *Critique de la raison pure*, но раздумал. Ты, может быть, получил ее. Напиши мне, куда выслать их тебе?

\* \* \*

Я читал недавно Пол. экономию Горлова, славно написано, хоть нового ничего не сказано, все б. ч. знакомое. Очень много ссылается на Статистику и из нее делает выводы. Помнишь, ты когда-то опровергал ее необходимость для полит. экон. Прощай. Пока больше нечего писать.

П. Кротокин

Пойдет 8-го.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ <sup>1</sup>

22 декабря 1859 г.

Я решительно не понимаю, что с тобой сделалось? Возможное ли дело, я нахожусь в деревне с половины сентября и до сих пор получил от тебя только одно письмо. Да чего, с тех пор как я вышел из Корпуса (больше полгода), я имею от тебя только два письма, одно от 23 июля, другое от 5 ноября. Хорош! Неужели же тебе не о чем писать. Да пиши хоть о том, как тебя на учение гоняют, как ты ничего не делаешь или же занимаешься. Тебе всегда очень приятно

<sup>1</sup> Из Никольского.

(Прим. ред.)

получать от меня письма: «голос родной и притом единственно родной», а для меня разве не то же. Твои письма еще более радуют меня, чем мои тебя: Корпус да товарищи, а деревня и люди, которым я совершенно чужой, — надеюсь это разное.

Отныне, как хочешь, но изволь непременно исполнить следующее: изволь писать мне отнюдь не реже одного раза в 3 недели: непременно изволь это исполнить. А (б у к в а л ь н о) если не о чем писать, изволь присылать клочок бумаги со своей подписью. Это смешно, но право и это даже будет мне приятней, чем ничего не знать о тебе; хоть я и не слишком-то склонен предполагать страшные болезни и т. п., но все-таки случается; а мне уж, конечно, приятнее знать, ну хоть что у тебя воспалительная горячка, чем теряться в догадках, — следовательно, пиши и больным.

На письмах, начиная с будущего года, непременно выставляй цифры, чтоб знать, не пропало ли; то же буду непременно делать и я.

*А. Кропоткин*



1860 год

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

5 января 1860 г.

Действительно редко пишу я тебе; я убедился в необходимости завести более правильную корреспонденцию. Ты не беспокойся, я получил все твои письма.

Меня бесит твое положение в деревне. Что ты делаешь? Ведь ты не в состоянии приготовиться к университету. Я бы тебе советовал вот что: будь повежливей с отцом, уговаривай его отпустить тебя в Москву, где ты можешь жить вместе с Васильковским и вместе с ним заниматься латинск. язык. Объясни ему это тихо, спокойно (ты, брат, немного горяч), он сразу, может быть, и слушать тебя не станет, ты 20 раз с небольшими промежутками в 1 или 2 дня говори ему об одном и том же. Красноречия не жалей, представь ему картину твоей службы после университета. (Занятий наукой он не поймет, профессору он не поверит, я вижу это из его письма. Он пишет: «Саша хочет в ун-тет, хочет сделаться профессором, а как сделаться, когда он оснований не знает... Чтоб поступить, нужно приготовиться у профессора, теперь экзамены трудны, а профессор, чтоб приготовить, берет 700 р.») Видишь, что он разом дать 700 р. ни за что не решится; объясни ты ему, что с помощью книг ты можешь приготовиться изо всего кроме латин. языка, кот. ты можешь изучать пополам с Васильковским, ведь он нанимает учителя, а вдвоем вам бы обошлось дешевле. Говори с ним дольше. К угрозам (вроде того, что ты когда-нибудь да уедешь и сделаешься учителем) прибегай в случае крайней необходимости. Вообще уверь его, что ты не уедешь сам, а постарайся уговорить отпустить тебя в Москву

с небольшим содержанием. Вот как веди политику с отцом. Я почерпнул все эти сведения из политики с нами Елиз. Марковны<sup>1</sup>, с которой, замечу мимоходом, советую тебе быть повежливее и через нее действовать на отца. Как видишь, все это нетрудно исполнить, — подлого я тебе ничего не предлагаю. Если все это не удастся, постарайся добыть от отца твой вид, если он у него, если ж у тебя, то дело хорошо. Имея деньги и место в Москве в виду (без этого не советую трогаться из Ник.), я бы удрал пешком до Сабуровщины, а там уехал бы на почтовых, если можно не на Калугу, чтоб не наткнуться на отца. Вот мой совет. Главное похлопочи об месте в Москве. Наконец, еще поговори с отцом, не найдет ли он тебе в Москве такое место, где бы ты мог только числиться, ничего не делая и ходя раз в неделю в должность. Я тебе потому предлагаю это, что, служа так, ты бы мог заниматься в университете. Ты этим не занимал бы ни у кого вакансии — такие места бывают сверхштатные, не отнимал бы ни у кого и возможности получать деньги, потому что такие места не сопряжены ни с каким жалованием. Подумай об этом, а то запропастить себя так в Ник. все равно, что погубить.

\* \* \*

Часто задаю я себе вопрос, что из меня выйдет? Не так давно еще я мечтал сделаться историком... теперь вполне убедился; благодаря тебе, в своей полной неспособности к этому. С естеств. науками я очень мало знаком, мне кажется, что я мог бы ими заниматься, наконец математика довольно интересует меня теперь и, по отзыву решительно всех учителей в корпусе, я способен к математике, задачи, над которыми другие ломают себе голову по несколько часов, мне достаются очень легко. Быть может, естеств. науки сделаются моим главным предметом. Но, конечно, я считаю себя способным предаться науке, и меня тянет возможность в будущем суметь прилагать свои знания к делу, посвятить себя сельскому хозяйству, промышленности; сельское хозяйство теперь нужно улучшить. Системы обработки у нас, ты можешь

---

<sup>1</sup> Мачеха.

(Прим. ред.)

убедиться в этом на деле, устарели,—вот обширное поприще. Конечно, для этого я считаю необходимым первоначальное образование, и поступление в университет есть мое первое желание, впрочем все это такие мечты...

Я замечаю, что эта нелепая корпусная атмосфера вредно действует на меня, — пошлеешь с каждым днем; поверишь, времени нет, чтоб заниматься чем-нибудь серьезно, так чтоб тебя не развлекали поминутно. В классах нечего и думать об этом. Когда есть преподаватель, то хорошо, сам идешь слушать, если же нет или такой, которого не стоит слушать, то нечего и думать заняться чем-нибудь, — шум, гам. Да и общество много значит, а тут не с кем по л о ж и т е л ь н о сказать пару слов. Занятия по классам отнимают у меня очень мало времени, я слушаю только в классах, а чорт знает что за нелепое у нас распределение времени, да и комнаты нет особой, где можно читать. Скверно.

Прощай!

*П. Кроткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

13 января 1860 г.

Посылаю тебе марки; извини, что не больше, — у меня деньги повышли за праздники; беспрестанно представляются разные расходы. Кроме того, что от времени до времени приходится покупать перчатки, еще случается, напр., обедать у кухмистра, потому что я хожу в отпуск к двоюрод. братьям, дома у них не готовят, а берут в трактире, нельзя часто обедать, приходится обедать где-нибудь на свой счет, что стоит 40 к. (это наиб. дешево). Но скоро вот отец должен выслать жалование за декабрь и январь. Ты знаешь, какие книги я купил.

\* \* \*

Статью Л а в р о а мне довольно трудно достать теперь,—однако я не теряю надежды, только не раньше как через 2—3 недели. Пока я взял из библиотеки Историю Канту (Cesar Cantu), перевод с итальянского. В ней много есть дельного.

Я читаю теперь о состоянии общества в начале XV в. и прочту о возрождении наук и пр. в конце XV в. Не знаю, что тебе нужно. Причины ли этого возрождения или факты самого возрождения, то в чем оно выразилось. Я изложу и то и другое: В Истории Канту очень много говорится о литературе, о науках и там есть отдельные статьи о Бэконе; Канту, кажется, далеко не из его почитателей — я вскользь изложу тебе все. Не худо было бы, если бы ты подробнее изложил свои желания. Я думаю, главным образом тебе нужны данные об развитии естествоведения, философии, а то вообще об народной жизни много можно прочесть, — на томы хватит.

\* \* \*

Спасибо тебе за стихотв. Некрасова. Я уже довольно давно переписывал те, которые мне нравились, из «Современника» 1853, 54, 55, 56 годов, так что у меня были: «Влас», «В больнице», «В деревне», «Забытая деревня» и нек. др. не из тех, которые ты прислал. Получение их очень меня порадовало. Очень благодарю тебя:

C i b r a r i o<sup>1</sup> я купил, он очень хорош. Чтение этой книги прибавило очень много полезных знаний, очень изъяснило взгляд мой на сред. века, вообще я доволен своей покупкой. Я прочел половину 1-й части тома и еще не дошел до описания собственно экономического состояния народа. Ко мне ходит букинист, который, я кажется писал, носит хорошие книги, м. п. Искандера для желающих платить по 9 рублей за маленькую книжку. Я хочу купить у него Ист. Англии Маколея во французском переводе. Стоит она 5 р. в магазинах, но ее не продают, запрещена. Я хочу променять ее на Римск. ист. Legur'a, которые мне подарил корпус. Это толстая книга, — пропасть сказочек, а об жизни народа очень мало, славный слог, славный переплет, — вот ее достоинства и недостатки. Букинист, особенно за последнее, даст хорошую цену.

---

<sup>1</sup> Cibrario. «Economie politique en moyen âge». (Прим. ред.)

\* \* \*

Книга Фишера о Канте вышла, мне сказал наш немец; впрочем, вероятно, она еще не получена здесь. Скоро я буду писать тебе, сообщу и про нее.

*П. Кропоткин*

Чорт возьми! меня бесит это, мешают, орут над самым ухом, спрашивают беспрестанно, вот занимайся тут чем-нибудь. Какая бумага! Другой не достал.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

15 января 1860 г.

В последнее время мне случалось думать о тебе, и лучше всего будет, если ты выйдешь «офицером в гвардию» — есть конечный результат этих размышлений. Да, мой друг, — все служащие штафирки, особенно в нижних чинах, почти всегда завалены кучей дел; этого не избегают даже чиновники министерств. Гвардейцы же совсем другое дело, во-первых, это прими к сведению, что есть фронтовые офицеры гвардии, занимающиеся науками, следовательно, находящиеся на то время; во-вторых, что большинство гвардейцев находит же время таскаться по кофейным, трактирам, балам, вечерам и т. п. Чего же тебе больше? неужели ты думаешь, что в какой бы то ни было статской службе ты будешь иметь больше времени? А службой за границей не прельщайся: в какое посольство попадешь еще, да и попадешь ли? если и попадешь, долго ли придется бездельничать? Если не понравится — плохо будет; придется или итти в гадкие, простые штафирки, или в юнкера. Если ж гвардия не понравится — штафиркой легко будет стать.

Что до совершенного неслужения нигде, вольного гражданства, как я выражаюсь, об этом и не мечтай до смерти отца: если нигде не будешь служить, он тебя знать не захочет, впадешь в бедность, а довести до всего этого себя — глупо: где крайность — гвардия не армия и не артиллерия: и время есть и жалование. Сверх казенного жалования будешь получать содержание от отца. Если б ты слышал, с каким чудным

восторгом он говорит о тебе, он сказал, что будет тебе выдавать, когда будешь служить в гвардии, по 2000 руб. сер. в год.

Ты пишешь, что желаешь заняться естествоведением для изучения сельского хозяйства, а потом — приложени е своих познаний к делу. Изволь сообразить следующее: если нужно тебе основательное знание естествоведения для хозяйственных занятий, то только для занятий радикальных преобразований (дренажей, машин и т. п.) необходимы большие деньги: этих больших денег ты не будешь иметь. И, во-первых, потому что отец тебе передаст небольшое и нецветущее имение; во-вторых, что освобождение, по отзыву всех хозяев и даже Александра II, повлечет на первое время убытки для помещиков, в-третьих, возрастающая дороговизна не допустит тебе, как очень небогатому помещику, завестись большими капиталами. Откуда добудешь ты 50 или больше тысяч, а если и добудешь, согласишься ли рисковать ими. Итак, от этой нелепой мечты о коренном преобразовании в своем именьишке — откажись. А для мелких только не стоит изучать естествоведение: поучись лучше у Елизаветы Марковны; а изучать тем более не стоит, что придется совершать страшно рискованное дело.

Придется совершить разрыв, стать бедняком и итти в университет... Да я и не прибавляю. И точно: экономист, филолог, юрист, историк и тому подобное могут обойтись без университета, ибо есть печатные лекции—или компиляции иностранных сочинений, или же самостоятельные исследования, которые вполне могут заменить слушание лекций в университете. Но натуралист,—совсем другое дело. Для первоначального изучения естественных наук необходимы богатые музеи, кабинеты, лаборатории и т. д.; завести их стоит не менее 50 тыс. руб.: откуда возьмешь ты эти деньги? А без опытов, моделей и т. д. естествоведение невозможно понять. Надежда же офицером посещать университет не так утешительна: не всегда ж утро свободно.

Впрочем, эти рассуждения лишни: ты хочешь изучать естественные науки для приложения к сельскому хозяйству, а я тебе доказал, что ты можешь быть убежденным, что эта до-

рога закрыта для тебя, т. к. ты не будешь ворочать капиталами; а естествознание нужно только для коренных преобразований.

20 января.

Я играю *va banque*. Вообрази, что я настряпал. 16-го я сидел у Полинки <sup>1</sup> и шутил, надо тебе сказать, что отец приказал ей избегать меня. Сижу и веду самый невинный разговор с гувернанткой, вдруг вбегает отец и начинает меня бить; собака его также накинулась и прокусила мне левую ногу; отец подбил левый глаз. Я пошел наверх. Горько стало. Начал придумывать средства выбраться (кстати: твои ни к чорту не годны) — и что ж придумал. Пошел вниз и объявил, что поступаю в юнкера; прошу, чтоб меня везли в Москву экзаменоваться. Конечно, это была комедия: в Москве я объявил бы, что переменяю желание и совершил бы разрыв. Отец очень обрадовался, поверил, и отъезд мой чуть уже не был решен, вдруг... Вдруг на следующий день приезжает некто Шамшев и объявляет, что я как чиновник 14-го класса могу поступить без экзамена не на 2-й, а на 1-й год, а выписанный недавно из Калуги (довольно умный) семинарист также говорит это... Надо однако сказать, что для того, чтобы поступить на 1-й год без экзамена (отец хочет меня определить юнкером в Мещовске, в Кольванский полк, до офицерства), надо показать аттестат, а там значит, что я «неспособен к военной службе». Поэтому отец написал Лермонтову, послав аттестат, чтоб он изменил эту фразу... Что делать? <sup>2</sup> Я настроил также письмо, в котором объясняю все Лермонтову и умоляю его помочь мне; но я писал впопыхах (уезжали в Мещовск, а я тогда только что узнал, что делал отец) и не написал ничего положительного. Все надежды на то, что Лермонтов сам догадается (он за меня всегда) и не переправит слов аттестата, написав, что это незаконно. Или если хоть и не переправят, а отец, может быть, догадавшись

---

<sup>1</sup> Младшая сестра братьев. (Прим. ред.)

<sup>2</sup> Ибо, если изменит, не придется ехать в Москву, а придется ехать прямо в Мещовск, так как отец туда хочет меня отдать. (Прим. автора)

об обмане, повезет меня в Тулу<sup>1</sup> держать экзамен. Как видишь, играю в а банк: или не переправят аттестат и я еду в Москву, следовательно пан. Или же я еду в Тулу держать экзамен, следовательно пропал; или, наконец, переправят и я еду в Мещовск, следовательно, тоже пропал. Если сбудется что-либо из двух последних, я, тотчас же по поступлении, подаю в отставку; а если помешает отец — обращусь с просьбой к Ростовцеву (который всегда исполняет просьбы, в особенности законные, тех, кто воспитанники В. У. Зав.). Если и это не удастся, добьюсь, что меня выгонят из полка, начну пить и т. п.

Но, вообще говоря, я затеял довольно рискованную игру... Как-то кончится?.. Мое шествие в университет — настоящий роман. В последние годы я не помню времени, чтоб прошло 3 месяца, без того, чтоб мне не грозило юнкерство. Отчасти я тешусь своей борьбой.

Нынче я опять посылаю письмо Лермонтову, где ясней излагаю свои желания. Очень вероятно, что оно опоздает. Тебе нынче не посылаю, ибо нет марки. Авось до субботы получу.

21 января.

Я читал недавно ту главу книги Чолбе, где опровергаются гипотезы естествоиспытателей об образовании миров, опровергается гипотеза Лапласа и вообще большинство геологических гипотез, утверждающих, что земля была некогда в расплавленном состоянии. Об астрономических опровержениях не знаю где бы достать что-нибудь поподробнее. Что же до геологических, т. е. важнейших, надо изучить Ляйеля. Этот великий геолог опровергает развитие земли из огнежидкого шара и признает ее вечность, верно в том смысле, как признает Чолбе. Ляйеля я, может быть, нынче получу: его Principles of geology переведены студентами физико-математического факультета Москвы в прошлом году. Пришлет же эту книгу один кадет, который имеет ее. Нечего говорить, что гораздо разумней признавать вечность земли и организ-

---

<sup>1</sup> Там штаб.

(Прим. автора)



мов, ибо трудно изъяснить так называемое *generatis spontanea*<sup>1</sup>.

Не распространяюсь об этом предмете пока ты, со своей стороны, не познакомишься с этим вопросом по Чолбе, а я, со своей, по Ляйелю, да пока не изучу (кое для чего в этом вопросе нужно) хотя «Небесные светила» Митчелля, которую также, может быть, до апреля пришлют мне, если эта книга есть у Тихонравова. Сверх того я поручил Васильковскому занять у Тихонравова и купить мне *Crit. de la raison pure* и Очерки досократовск. периода греческой философии К а т к о в а. Сколько кажется, посылка получена, но тот господин, на чье имя она прислана, уехал в Елец. Я пишу его брату, чтоб он пощупал то, что получил, и, убедившись, что это книги, прислал мне сегодня. Ожидаю с нетерпением.

Сейчас получил твое письмо и марки. Что до статьи о Бэ-коне — не надо. Я раздумал. Я хочу именно понять связь основных начал Бэкона с его эпохой, а для того, чтоб ясно это понять, нужно хорошенько изучить быт современных Бэкону народов. Это трудно, ибо надо очень много прочитать. А несколькими общими рассуждениями я не хочу отделаться.

А. Крототкин

Книги еще не получил.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

5 февраля 1860 г.

Последнее твое письмо ошеломило меня и взбесило; я принял его сгоряча за насмешку, потом раздумал, ты никогда так не выражался, и наконец решил, что твое предложение явилось вследствие полного незнания жизни гвардейского офицера. Если ты бы захотел мне предложить средство окончательно поглупеть, ты бы ничего не выдумал лучшего. Ты

---

<sup>1</sup> Мгновенное появление организма, хоть бы и самого простого. Когда я тебе излагал гипотезу Лапласа, я выразился в одном месте очень ошибочно о появлении трав и вшей. И те, и другие прямо возникают не из неорганического вещества, а из органического же: семени — вши. Что же до развития организма по типу — в утробе, это как-то изъясняют легко. У Ноака есть; скоро примусь. (Прим. автора)

думаешь, что фронтовые офицеры гвардии занимаются науками; да, они занимаются: полит. экономией, потому что это la science du tempo, à la mode, историей, читая в год две, три французских книжонки новых историков, и все в таком роде. Потом они, заслужив славу умных, ученых людей, сами трубят о своих занятиях, впрочем, такие г-да действительно учение сравнительно с другими офицерами... Время есть, но это время безалаберно распределено: в неделю раз тащится офицер в караул, в неделю раз дежурит, шляется на учение по утрам, а потом действительно шляется по Невскому — и вот все утро занято, а утро самое главное для меня, потому что я хочу слушать лекции в ун-тете. Потом неужели окружающее общество не имеет влияния на человека? Притупляющие способности учения, р а з в о д ы (!) и т. п. одни могли бы свести с ума человека, понимающего всю их бестолковость. А тут еще вдобавок бестолковое общество, постепенно вытягивающее тебя в свою среду... нет, брат, благодарю: лучше я буду бездомным бедняком и делить с тобой незавидную участь, чем буду гвардейским офицером. А как наивно говорить тебе о казенном жаловании!.. Слышал ли ты это, что офицер не видит этого жалования, оно идет на обеды, в честь выходящих офицеров, в честь произведенных в высшие чины и т. п. Петр Ник. Кроп.<sup>1</sup> (в Уланском полку, где всего более роскошно живут) получил недавно 80 р. за треть и говорит об этом как о необыкновенном происшествии, — не забудь, что он ротмистр. Положим, в пехотн. полках получают немного больше, но все же прапорщик не получает более 50—70 р. в треть—махитит, который достигается очень редко. Вообще из твоих слов видно, что ты говоришь по рассказам или вернее по внушениям воображения, а я же тебе говорю про действительность — имел время приглядеться.

Я не теряю надежды достигнуть вольного гражданства. Я должен быть в университете; иначе я выйду необразованным. Я должен получить общечеловеческое образование, конечно, я не мечтаю быть ученым, но при моем невежестве при выходе из корпуса я не могу быть полезным членом обществу, итак, повторю мое давнишнее решение, я буду в ун-тете,

---

<sup>1</sup> Двоюродный брат, сын Николая Петровича Кропоткина. (Прим. ред.)

я никогда не изменял этого решения, не знаю, почему ты говоришь как о решенном, что я не хочу в университет.

\* \* \*

Я писал о приложении естественн. наук к сельскому хозяйству под влиянием различных впечатлений. Теперь скажу тебе, что не могу еще решить, на какой факультет пойду, м. быть на факультет естест. наук, наверное не знаю, это выяснится со временем, тогда решу, когда буду поступать, я знаю только наверное, что буду всячески стараться попасть в университет, а потому благодарю тебя за совет выйти в гвардию.

С отцом я думаю сладить и уговорить его в необходимости прослушать сперва курс в университете, а там после университета увидим, еще далеко, следовательно, вольное гражданство имеется в перспективе.

\* \* \*

Скажи пожалуйста, что ты за баба такая? Отец бьет тебя и ты не обороняешься. Если дело дошло до драки, нечего церемониться, я бы сопротивлялся; что ты не пригрозил жалобой к граждан. губернатору? Что ты не напишешь этой жалобы, не удерешь пешком до Калуги в случае крайней надобности, если никто не возьмется отвезти ее на почту. Отец бесчеловечно обращается с тобой, он задерживает тебя дома, тебе 19 лет, ты чиновник. Требуй настоятельно, дерись, коль на то пошло, таких господ легко испугать; а ты даешь над собою власть, затеял чорт знает что, рискуешь всем, имея в виду очень мало. Тут я не стану тебе советовать ждть у моря погодки, беги в Москву во что бы то ни стало. Там найдется кто-нибудь, чтоб помочь. Кравченко между прочим говорил мне (он здесь), что ты можешь всегда рассчитывать на его содействие и на приют. Нет, брат, тут надо действовать решительно, выписывай денег из Москвы, неужто нельзя удрать? Вольно же делать так, чтоб узнавали, что ты хочешь уехать, — удирай, да не в Калугу, а через Полотняные заводы (на Малостово, Манаенки, не беда, что крюк), чтоб скрыть следы. Бить человека, сына, ни за что ни про что! да я бы подрался. Я лажу пока с отцом, это мне не трудно. Мне не трудно написать

учтливое письмо и выписывать напоказ свои баллы (они всегда хороши). Если же тебе не удалось поладить, то нечего затевать полумеры.

Прощай.

*П. Кропоткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

26 февраля 1860 г.

Нравственные догматы существующих образованных народов выработались историческим путем. Вот доказательства:

1. Если эти догматы не выработаны историей — значит они врождены людям. Но врожденность понятий слишком хороша и уже слишком давно опровергнута, нечего и говорить о ней.

2. Нравственные догматы подвержены множеству крушений, перемен, возниканий и т. п. Они меняются сообразно с эпохами, народами, местностями. Рим не считал преступлением убийство зарождающегося младенца. Ловкий вор был у спартанцев в почете. Спарта убивала уродов. Не помню у кого, убивать престарелых родителей считалось, или считается, долгом. Древний мир считал месть и ненависть добродетелью. Моисей говорил: «Возлюби ближнего и возненавидь врага», и пр., и пр., и пр.

3. О том, что нравственные догматы нашего нравственного кодекса выработались исторически, можно заключить по аналогии со следующим явлением: — если не ошибаюсь, последние века мало-по-малу создают новый нравственный кодекс, чрезвычайно не сходный с тем, что теперь в ходу. Огромное большинство, может быть даже 999 на 1000, ставит двигателем своих поступков не более как личную выгоду и живет сообразно с ходом обстоятельств, а никак не с нравственными правилами. Таким образом, по мере необходимости — оно ворует, лжет, льстит, унижается, прелюбодействует и т. п. Замечательно, что даже в взаимных беседах эти люди согласны между собой: когда говорят: «NN получил посредством просьб, денег и т. п. от MM очень доходное место» — никто почти не возмущается поступками этих двух N и M., а напротив — зовет их всяк умниками.

Я считаю это явление чрезвычайно важным. Придет пора, когда нравственная философия оправдает народ. Новый нравственный кодекс так отчетливо вырабатывается обществом, что нельзя будет не признать его совершенно. Тогда будет оправдано все, считаемое ныне низким: критерием станет польза, личный эгоизм — ибо только польза может тронуть за живое нового человека; пора идеальничания проходит: общественные условия мало способствуют идеализму, наука — тоже.

Что до меня — я искренно оправдал — из естественных начал своего мирозерцания — все низкое и дурное, как ныне выражаются. Не вижу также причин, почему должен был бы я следовать (если не принудят) догматам, созданным, подобно мне, смертными при иных обстоятельствах; почему не могу я сам стать законодателем нравственности, в надежде, что и мои законы будут некогда оправданы историей. Почему, когда лестью я могу устранить беду, — не польщу? почему, когда надо, не украду? почему предпочту сознание, что я поступил сообразно нравственным правилам, завещанным мне, — сознанию, что выжал из обстоятельств весь полезный мне сок.

Правда, трудно отречься от того, что взрастил в себе с детства; не знаю, способен ли я буду, когда дойдет до дела, унижаться, красть и т. д. — Но не в том и задача. Я могу действовать сообразно с теперешним, официальным, нравственным кодексом — но не должен, — вот какого сознания добиваюсь я.

Потому-то дико прозвучала в моих ушах одна фраза твоего последнего письма. Ты стоишь, повидимому, на той точке, на которую более года тому полусамостоятельно я вошел и с которой около полугода тому я окончательно и совершенно самостоятельно навеки сошел. Ты пишешь:

«Я должен быть в университете; иначе я выйду необразованным. Я должен получить общечеловеческое (под этим пустым и пошлым словом ты верно понимаешь так называемое общее образование) образование; при моем невежестве, по выходе из Корпуса, я не могу быть полезным членом общества».

В этих фразах чрезвычайно много нелепостей. Конечно, воля твоя, ты можешь воображать себе, что живешь не для своей личной пользы, а для пользы общества; я на эти мечты скажу только, что всякий твой поступок, будь он полезен другим или нет, будет сделан тобой из эгоизма, т. е. будет сделан, как тебе будет угодно. Об этом предмете я очень давно писал тебе. Но, говорю, нечего воображать, что живешь для других; заметь только: говоришь ты об этой будущей жизни для общества как о долге.

Далее: неужели ты думаешь, что нет ни одного человека, который был бы убежден, что, например, полезно для Руси иметь очень высокий тариф? цензуру? инквизицию? розгу? счет на ассигнации? Что нет такого, кто не считал бы полезным ныне коммунизм? общеевропейскую республику? социализм? деспотизм? английскую конституцию везде? самодержавие в Англии? и пр. и пр. — Таким образом желание пользы обществу может даже привести к горю: как же тут быть долгу!

Напрасно ты так свысока смотришь на корпусное образование. При старании, поверь мне, ты вынесешь очень много полезных сведений из корпусных стен...

*(Утеряно две страницы.)*

... Поступить в университет? Зачем?

Чтобы быть студентом? Но зачем мне быть студентом: а) чтоб пользоваться лабораториями, обсерваториями, музеями, лекциями? Всем этим я могу пользоваться и будучи сторонним слушателем; б) чтоб стать кандидатом? Но зачем мне быть кандидатом? Чтоб поступить на службу, полезно кандидатство, но на службу я не поступлю. в) Как ученая степень кандидатство ничтожно. Если кандидатство необходимо тому, кто хочет быть когда-нибудь магистром, то это ко мне не относится. Много бывает пошляков магистров, а, наоборот, напр. Белинский, Бакунин, Искандер и пр. и пр. не магистры. Магистерство не придает знания. На ученые степени я смотрю как на м. б. вырождающийся пережиток из остатков средневекового университета, желать кандидатства, воображая, что это оно много поможет при отыскании места домашнего учителя — вряд ли умно. С знакомыми я добуду место

и без кандидатства, а без знакомых останусь без места и кандидатом. Если неименно кандидатства лишает возможности стать когда-либо преподавателем гимназии, то и это ко мне не относится. До смерти отца проживу домашним учителем: а потом положу на тебя оброк в 300 руб. Отец надумал, кажется, грозить мне лишением наследства. А говорю я тебе об этом как о деле решенном, вот почему я не намерен жить на хлебах у отца и слышать попреки, а потому и убегу к лету (что вернее) или же дождусь, как меня повезут экзаменоваться в Москву в университет, и совершу о к о н ч а т е л ь н ы й р а з р ы в.

Вчера отец объявил мне, чтобы я опять начал готовиться в студенты, и прислал латинские книги. Как кажется, он сам наймет мне и учителя.

«Небесные светила» я получу скоро из Москвы. Также и «Основы геологии» Ляйеля, которые очень советую тебе прочесть...

*А. Кроткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

28 марта 1860 г.

Я немного запоздал писать, потому что ждал денег от отца, чтоб купить марок и прислать тебе. Они запоздали немало и задержали меня. Теперь посылаю тебе 8 марок.

Я не согласен с твоими нравственными убеждениями. Я не нахожу доводов против них, но не позволю себе ни красть, ни лстить, чтоб добиться чего-нибудь. Красть, — хорошо бы было общество, где все были бы убеждены, что красть ничего не значит, когда это мне полезно, тогда пришлось бы ходить с оружием в руках, тогда прощай торговля и все. Чего же добивалось общество целые века, как не порядка, а будет ли он, если всякий будет действовать только из страха наказания, да и страха не будет, я богат, я подкуплю того, кому попадусь, кто будет судить меня за воровство, за грабеж, подкуплю наверное потому, что его убеждения такие же, как мои. Хорошо будет тогда жить, тогда общество пойдет назад.

Льстить я не буду из гордости; пускай хоть эта гордость покажется тебе расстройством желудка. Впрочем, эту гордость я не могу оправдать, но что бы это ни было, только это мне неприятно будет унижаться, я и не унижусь. Таково мое убеждение.

Напрасно моя фраза показалась тебе нелепостью: да, я должен быть в ун-тете, потому что иначе я ничего не буду знать по выходе из Корпуса. Война из меня не выйдет (военные науки меня не интересуют)—я или буду заниматься по необходимости, а прочее все, как это преподается! Математика, — самый главный предмет, — преподается сквернейшим образом, и виноваты не преподаватели, а программа. Одним словом, те, которые готовятся выйти из Корпуса в артиллерийскую академию, должны пройти все сначала, хотя бы знали наш курс в совершенстве: все преподается слишком поверхностно. Все остальные предметы еще хуже, — сам можешь посудить, если главный предмет — математика — преподается так скверно. Что же из меня выйдет по выходе из Корпуса?

Каждый человек, мне кажется, должен быть специалистом по какой-нибудь части, вот почему я и писал о б о щ е ч е л о в е ч е с к о е о б р а з о в а н и е, т. е. такое, которое должен получить всякий, а вовсе не общее, ты меня не понял. Конечно, за общим не следует идти в университет! Вот почему я должен быть в университете.

Потом всякий должен быть полезным членом обществу, — конечно, не требуется, чтоб он так собою пожертвовал, чтоб ходил босиком, — а должен по мере сил стараться удовлетворить потребностям общества, хоть бы напр. полезно трудиться на каком-нибудь поприще, а не то, что ему кажется полезным деспотизм, так стараться ввести деспотизм. Нет, от него требуется, по-моему, не более как честное исполнение своих обязанностей, т. е. с о о б р а з о в а т ь с я с т р е б о в а н и я м и б о л ь ш и н с т в а, а н е с с в о и м и с о б с т в е н н ы м и у б е ж д е н и я м и, тогда ты был бы взятчиком, грабителем и т. п. и, повторяю опять, хорошо было бы такое общество!

Далее я вовсе не свысока смотрю на корпусное образование, и вынесу все, что может быть мне полезным, вынесу довольно много, но все-таки этого слишком мало...



Я читаю «Геолог[ические] карт[ины]» и замечаю, что геология не столько интересует меня, как физика и астрономия. Что-то скажет химия?

Теперь книги по части естественных наук сделались для меня насущною потребностью, как прежде исторические...

Прощай, пока больше нечего писать.

*П. Кроткин*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

25 августа 1860 г.

Я прибыл в Москву около 8 августа; ушел из Никольского очень ловко; но не взял с собой ничего, кроме того, что было на мне надето, — это для отстранения подозрений; ушел утром, после чая под видом прогулки, направился же не на Калугу, а на Перемышль. Я ушел<sup>1</sup> 3 августа, потому что получил деньги от Васильковского только 1 августа, хотя выслал их Васильковский 19 мая, если б не это препятствие, я был бы в Москве уже в начале лета. — Последние месяцы моего житья в Никольском были б для всякого другого невыносимы; все от меня бегали, начиная с сестрички, кончая Лизаветой Марковной, едва отец завидит меня с кем-нибудь из них, начинают сыпаться упреки. Что ж до отца, то со Святой я имел с ним только один разговор — по поводу перехваченного от тебя письма. Что ни шаг — оскорбления, и даже от лакеев.....

Последний месяц, с небольшим, вместо завтрака и обеда я ел только сковородку свиного сала; отец запретил мне ходить в столовую, когда он там находится; получать подачки наверху я отказался.

Из-за чего все это. Сказал ли я отцу хоть одно слово. За месяц перед уходом я даже поручил Соболеву сказать ему, что соглашаюсь (конечно, вздор) поступить на статскую службу. Пусть-де везут в Москву. Ну, да черт возьми все это!

---

<sup>1</sup> Пешком я прошел общим счетом не более 45 вер. — не вынес; зато и прибыл в Москву как есть без гроша. *(Прим. автора)*

Я теперь смотрю на все свои мучения равнодушно, я не питаю к отцу ни малейшей злобы. Одно меня мучит — мысль о том, что отец, по всей вероятности, предпринял меры для возвращения меня в Никольское, с намерением продержать меня 2 года, т. е. до моего совершеннолетия. Признак не добрый: Леночке о моем уходе ни слова. И это делает он, болтун, — странно. Нет ответа и на мое письмо о высылке аттестата; нет, кажется, писем о мне и Об.-полицмейстеру. — Твой отец до того гадок, мстителен, упорен, сутяга, что не задумается просить императора повелеть мне отправиться в Никольское; предлог найдется: слушание, ветренность... Что до ветренности — поверят: я то на линию, то в университет, то на статскую службу, то вновь в университет, и все это в течение одного года. А смею разве я растолковывать свое поведение? Не оружие ль против меня мое сознание, что все, все обман, попытки вырваться из ада, в который я попал? Да разве это примется в расчет? Обманывал отца, им довольно и этого. Посмотрим, чем все это кончится.

А средства к жизни. — Я занял 25 р. у Лермонтова и взял по предложению 15 р. у одного товарища; теперь эти деньги вышли. Я твердо надеюсь, однако, зарабатывать кое-что литературными трудами; Тихонравов, кажется, достанет мне переводы и сотрудничество в «Русской речи», которую собирается издавать Е. Тур. — А Бэкон! а Чолбе! а Декарт! Спиноза! — авось. Никак не могу узнать, приняли ли мою статью из «Чолбе», я поручил узнать одному офицеру, но до сих пор нет ответа; если не приняли, статью о Бэконе распространю, составлю вновь по Фишеру и по Remusat, что ж до Чолбе, то, выключив и исправив что надо, отошлю или в «Моск. вест.», или в «Русскую речь».

Переводить нельзя ни Чолбе, ни Куно Фишера; цензура вовсе не так слаба, как я думал. Особенно нечего думать о Фишере; этого господина преследовали даже в Германии.

Я шибко кутнул — купил книг на 14 р. *Cartesius und Spinoza, d. Gesch. d. neuern Philos. v. Kuno Fischer, Critique de la raison pure par Kant*. И первую, пока вышедшую, часть книги Куно Фишера о Канте. — Жаль, брат, что мы необыкновенно далеко разошлись в философии; я так много,

так много провожу и выработал нового. Я так теперь светло смотрю на эту отрасль своих занятий. — Прежние убеждения подкреплены, посмотрим, что будет дальше. — Много способствовал своими намеками Лавров тому состоянию, в котором я нахожусь ныне. — Кстати: я теперь могу читать без словаря даже Канта. Но область стихов, повестей осталась мне закрытою, понимаю философию, естественно-научные, исторические книги, общенаучные — и только. Пока довольно и этого.

Твоя книга «Небесные светила» находится у меня; мне бы хотелось еще несколько времени продержат ее для полного изучения; потом пришло.

Для нынешнего года я уже назначил себе занятия: (ф и л о с о ф и я, конечно), математика, физика, астрономия, всеобщ. история (Кант, Куно Фишер и т. д.); гимназический и университетский курс; Гано, Митчелль, Ян, Араго, Лаплас и . . . .<sup>1</sup>, Вебер, Rev. Paradoi, Шульгин. — Далее: общие сочинения по естествоведению; Ляйель; Введение в общую зоологию М и л ь н - Э д в а р с а, Зоон[ические] письма — Бурмейстера и т. д. Ну и еще и т. д. Словом, главные занятия по предметам выше подчеркнутым. На будущий год будут (те же) и химия, ботаника, зоология.

Сейчас думал: вся моя жизнь сцепление размышлений — и только; я человек мысли, но не дела, потому моя жизнь решительно лишена всякого интереса: разве только моя борьба с обстоятельствами. Но других событий — нет. Поэтому-то я втупик встаю, что еще написать тебе. Была пора, мы жили одной умственной жизнью, горела наша переписка; теперь не то: мы разошлись умственно, ты отстал от меня в том, что некогда занимало нас обоих. — Не о чем писать, нить порвана; я, может быть, когда-нибудь изложу тебе вкратце мое теперешнее мирозерцание, авось опять затронет тебя, авось опять пойдем мы рука об руку. Теперь пока это н е в о з м о ж н о (т. е. итти рука об руку в философских исследованиях). И не думай, что малое твое чтение по философии виной всему. Нет, и я читал так мало, так мало

<sup>1</sup> Одно слово неразборчиво.

(Прим. ред.)

по философии, что не составит трех с  $\frac{1}{2}$  томов вроде «Небесные светила», вот все, что я читал... Я более сам думал, потому что меня интересуют эти умозрения. Следовательно, ты отстал, ибо не склонен к умозрениям. — Разумеется, это тебе не укор; можно быть очень и очень умным, и не интересоваться, лучше сказать (это больше подходит к тебе), и быть неспособным к так называемым философским размышлениям. Я хочу сказать только, что теперь нам нельзя, да и вряд ли когда можно будет, идти рука об руку в философских исследованиях: а они пока моя единственная жизнь. Но предвижу я вновь шестие рука об руку: пора готовиться Руси к свободе!.. я уже начинаю понемногу волноваться!.. тут мы, надеюсь, не разойдемся. — Может быть, близко время, когда интересы народа найдут во мне участие, равное с интересами науки. Будь это хоть мечта. Вряд ли *Nous autres, nous aurons à faire*. Вольтер говорил вроде этого о молодых дубках, выраставших в его время, *les jeunes gens* и т. д. — *verrons de bonnes choses*.

*А. Кропоткин*

Мой адрес: В Москву, на углу Сивцева Вражка и Афанасьевского пер., в дом Сазонова; А. А. Кропоткину.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

6 сент. 1860 г.

Я получил твое письмо, — я и половины не предполагал тех лишений, какие приходилось испытывать тебе в деревне. Много хотел бы я тебе сказать, да что? все вздор выйдет, — в сочувствии моем ты не сомневаешься, много ты потерпишь в Москве, да ты свободен, брат; когда мне сказали, что ты в Москве, хотя почти нагишом, я обрадовался; пора было убраться из этой паршивой конуры; мне кажется, что единственная тебе возможность жить — будет поступить куда-нибудь домашним учителем, как, помнишь, Николай Павлович, т. е. жалование тебе нужно небольшое, а стол и квартира; а неужели ты рассчитываешь на литературные заработки — полно, редакторы так скупо платят новичкам, так стараются за бесценок добыть себе хорошую статью, что едва ли возможно жить на эти деньги.

Конечно, кто знает, хорошо ли тебе будет, но попытайся. Только Сулима говорит, что одежда твоя так плоха, что тебя никуда не примут; ты сам знаешь, что по платью и встречают и провожают; а ты кутишь на книги... Эх ты! все тот же страстный охотник до книг. За упрек ты, надеюсь, не взыщешь.

— Ты без денег. Позволь тебе прислать сколько-нибудь. У меня есть 3 р., которыми я вполне могу располагать...

— Вот еще чем я намерен позаняться и об чем хочу с тобой посоветоваться. Математика интересует меня, химия, сколько она мне немного известна, тоже интересна; я хочу поступить в Артилл. академию. Цель моя та, что на средства трудно рассчитывать. Итти в университет, так, но не рассчитываю я на себя на поприще ученого, профессора и т. д., придется служить; наконец мне хотелось бы быть сколько-нибудь полезным. Кроме того и почти самое главное, что меня будет ждать, если я захочу не служить, а слушать унив. лекции; то же, что и тебя. А поступая в Артилл. академию и идя после по технической части, по части заводов, я мог бы иметь обеспеченный кусок хлеба. Учащихся порядочно посылают за границу и дают хорошие места; я надеюсь на это. Главные предметы там химия и математика. Поэтому мне хотелось бы начать готовиться, т. е. проходить дифференциалы и интегралы, которые нужны для поступления. Я надеюсь готовиться один, но, как говорят все, у кого я спрашивал, не мешало бы иметь такого господина, который хоть в две недели раз приходил проверить, помочь; иной раз кажется, что знаешь, а здесь на экзамене были такие тонкости, что необходимо заниматься с человеком знающим. Я хочу написать батьке и просить его дать мне в зиму около 100 р. для приготовления. Высылая помесечно, это будет немного. Только едва ли согласится; если ж нет, я буду понемногу сам готовиться и на будущий год постараюсь добыть еще денег, которые должен получить при выпуске (500 р.) как камер-паж (а буду я им почти наверное) и начну готовиться, и успею конечно. Я рассчитываю так, что если бы даже я и не поступил в академию, то знание математики пригодится, или если я поступлю в университет на физико-матем. факультет, или буду слушать лекции, и там пригодится.

Я обращаюсь к тебе за советом, как ты об этом думаешь; напиши мне. Ты знаешь, что мне хотелось бы предпочтительно заняться сельским хозяйством, но, впрочем, мы переписывались об этом.

Прощай. Пока писать нечего; но не забудь твоих слов про шестивие рука об руку. Припомнишь их когда-нибудь, — во мне будет верный товарищ.

*П. Кропоткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Сентября 1860 г.

Твое желание поступить в Артиллерийскую академию очень похвально; замечу, однако, что вряд ли достигнешь путем, который выбираешь, целей, которых добиваешься. Деньги достаются очень и очень не легко тем, кто кончил курс в Артиллерийской академии. Управлять заводом — идеал почти недостижимый. Вообще — путь, тобой выбираемый, отнюдь не ведет к целям, которые тебя прельщают. Уж если итти из-за денег, то в Инженерную академию: инженеры получают множество денег даже частным образом. — Самому приготовиться к академическому экзамену нет решительно никакой возможности; нечего далеко ходить, — мне на этой же неделе говорил об этой истине один из гвардейских артиллеристов, только что кончивший курс в Артил. академии; то же может подтвердить тебе и Васильковский. Для приготовления к академическому экзамену тебе необходимы преподаватели, а как добыть их — два пути: или итти в экстерны, или нанять учителей; отец вряд ли согласится на второе, о первом нечего и говорить. И поручишься ли ты, что не сделаешь скандала, если тебе наймут учителя — не откажешься от Артил. академии.

Но все это второстепенное; главное то, что обучение в Артил. академии не поможет тебе достигнуть твоей главной цели, т. е., лучше говоря, вряд ли поможет; вероятностей мало. Средство, не ведущее к цели — негодно, его должно отбросить. Или уж итти тебе в Артил. академию — для занятий химией и математикой. — Лишнее. — Химию и ма-

тематику можно изучать и помимо обязательных курсов в Артил. академии. — Как видишь, выходит следующее: чтоб составить себе денежное состояние, Артил. академия средство плохое и ненадежное; чтоб изучить математику и химию, Артил. академия условие не необходимое. — Таково мое мнение. — Что до состояния—лучшее средство—Инженерная академия; что до химии и математики—лучшее средство—университет.

Вот заключение: если чувствуешь потребность готовиться к Артиллерийской академии—готовься; только ради всего не налагай на себя цепей, нет ничего хуже, как налагать на себя цепи обязанностей; кто поручится, что они не опротивеют, опротивеют гласно для всех—скандал.

Но как готовиться в Артил. академию не налагая на себя обязанностей, т. е. не вступая в экстерны и не нанимая учителя? — Не знаю. — Нельзя иначе, как выбрав что-нибудь из двух. Чувствуешь ли себя в силах решиться на что-нибудь из этих двух. — Если да—решайся; только не забудь, что главной-то цели не достигнешь, денег не наживешь, т. е. вряд ли наживешь.

— Что до меня, то мои дела идут плохо; до сих пор не предвидится ни единого источника доходов. Долги — 53 р. с. (Об этом ни слова — никому.) Т. к. моя статья о Бэконе, верно не напечатана, я начал уже писать о том же предмете другую статью. Пошлю в октябре — в «Светоч» — там помещают философские статьи, авось примут и мою. Если примут, получу в феврале не менее 60 р. Отослав статью о Бэконе, примусь за статью о Декарте; затем перейду к Спинозе. Кстати, что это за слова: «. . . . .» и ты кутишь на книги. Эх ты! все тот же страстный охотник на книги». Книгу Куно Фишера о Декарте и Спинозе я купил для литературных занятий, что ж до «Критики чистого разума» и книги Куно Фишера о Канте, где ясно изложена «Критика чистого разума» — я без них не мог бы заниматься своей наукой. Ровно год я добивался знакомства с «Критикой чистого разума»; неимение этой книги ровно год принудило меня почти не подвигаться в изучении моей науки; после 7 попыток достать «Критику чистого разума» решил купить. Что касается до 2 тетрадок Psyche, то я купил их, во-первых, для того (теперь

отложил), чтоб перевесть оттуда о Сократе и Бруно: вторых, для пополнения своих тетрадок . . . . . ; стоит же всего 90 к. — Ну да об этом мне не стоило бы говорить.

Что до твоего предложения прислать мне денег: отказ. Я из собственного своего эгоизма прошу тебя не присылать; ты настолько меня любишь, что удовлетворишь моему эгоизму; поверь, что мне в 100 раз приятней видеть тебя в относительном довольстве, чем себя. У тебя, брат, и так-то нет ничего. А ты готов снять для меня хоть рубашку. — Спасибо тебе, мой друг; прими за правило: твоему брату приятней знать, что у тебя есть деньги, чем что у него; удовлетвори его эгоизму, прошу тебя...

Твое мнение о литературных занятиях справедливо; но что, брат, делать. Попытка не пытка, авось примут; а если примут, дадут хоть по 3 руб. за лист. Я этим буду доволен; на месяц мне нужно только 15 р. (отнодь не менее ни на грош); авось через каждые три месяца буду получать 50 р.

В настоящее время я изучаю «Критику чистого разума» и главным образом — по книге Фишера, где она изложена очень подробно и ясно до-нельзя... — Кстати: я блаженствую: учебные книги на немецком языке все доступны мне; доступен даже Кант в подлиннике. Зато стихи — не понимаю. Кроме «Критики чистого разума» на французском языке, на немецком языке в изложении Фишера я читаю *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, v. Kant*, где предмет исследования «Критики чистого разума» изложен вкратце, ясно, в ином порядке.

Прочие науки свистят. Не совсем хорошо. Лень. — Кант тянет к себе, философия.

В университете будет читать Гиляров-Платонов логику. Я познакомлюсь с Гиляровым-Платоновым. Необходимо. Даже развившимся великим людям необходимо общение, необходимы беседы. Тем более мне. Я счел бы себя наисчастливейшим в мире, если б был знаком с Лавровым. Конечно, это невозможно. Лавров — Петр Лаврович, полковник и читает в Артиллерийской академии механику.

У меня есть к тебе просьба; мне очень хочется прочитать все свои письма; пришли их. Прочитав, вышлю назад.



Пришли и статью из Чолбе, переделаю и отошлю в «Светоч». — Если будешь высылать письма, то не на мое имя, ибо много возни (засвидетельствовать себя в квартале), а по следующему адресу: в I Москов. кадетский корпус, г-ну поручику Костыркину. Прошу передать А. А. К. — и именно А. А. К. — не больше; фамилии и имени не надо. Пришли, если сохранил, и статейку «О необходимости изучения политической экономики».

Господи, что за блаженная пора была, как мы прежде переписывались. Досадно, очень досадно, что мы разошлись в решении философских вопросов и любви к ним. Вспомню старь, будет приятно; так и буду читать — свое письмо — твое; свое, твое и т. д.

Кстати: мне хочется знать кое-что о некоторых твоих убеждениях: на чем основывается у тебя атеизм; отрицание существования души как невещественной сущности. Каков твой взгляд на систему природы. Напиши. Я отвечу письмом интересным об этих вещах, познакомлю со своими взглядами настоящего времени. Отчасти ты уже знаком.

Послушай, неужели тебя ничто не занимает кроме денег и корпусных наук?

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Только что был у меня Чистяков и только что получил оба твои письма. Первое привело меня в раздумье...

Что ж мне делать? Куда деваться из Корпуса? Ты спрашиваешь, интересуется ли что меня кроме денег и корпусных наук.

С чего ты взял, что деньги так меня интересуют, — вот уж очень мало. Я писал о них потому, что ты же советовал мне служить в гвардии; я приводил тебе доводы, — ты не соглашался; поэтому я написал тебе: посмотри хоть со стороны денег, увидишь, что нельзя там служить; самый простой довод, если ты на прочие несогласен.

А с чего ты вообразил, что деньги меня так интересуют, — не знаю, да и сам ты, чай, не знаешь.

Что ты понимаешь под именем корпусных наук? Если ты понимаешь физику, химию, — ты прав, они меня интересуют,

с прибавлением астрономии, кот. интересует меня более всего, или оттого что я с ней так мало знаком, — впрочем, едва ли. Вот что меня еще интересует, и сильно, — это сельское хозяйство, ему бы я готов посвятить себя вполне, но ты сам знаешь, почему нельзя. Следовательно твоя фраза о том, что меня интересует, — чушь; ее нельзя было сказать по той причине, что меня не интересует философия.

Спрашивается, куда же мне деться по выходе из Корпуса если не в Артил. академию? Не служить же во фронте гвардии или в армии; это было бы нелепостью, это не в моем духе, хотя я и не думаю вообще порицать службу во фронте... одним словом, эта служба не по мне, — и во фронт я не пойду. Что ж? Выйти в статскую службу. Куда я сунусь с своим корпусным образованием. Да вообще, что ж я буду коптеть, коптеть в канцелярии какой-нибудь. Чего я добьюсь? Возможности переписывания бумаги или не более как доклад составить? Незавидная перспектива. Пойти в университет — нести твою долю — ты ее лучше меня знаешь, посоветуешь ты итти по той же дороге? Бесспорно я б мог заняться в ун-тете интересующими меня предметами, я предался бы делу с жаром, и не минутным, я работал бы и авось знал бы что-нибудь; тут бы ты узнал, интересует ли меня что-нибудь, и как жить, чем жить? Статьями? Смотри, брат, что тебе будет еще впереди. Но если бы препятствия со стороны отца чем бы это ни было отстранились, тогда я занялся бы любимыми предметами, так я и сделаю, когда препятствие устранился, а будет же это когда-нибудь.

Для денег (кот. между прочим и не нужны так) ты предлагаешь Инженер. академию; но там проходят такие предметы, которые мне нисколько не интересны, вернее, чертовски как скучны, — нечего мне туда итти.

Про Вост. академию я не упоминал, потому что туда идут только от безделья или за аксельбантом, там тебе читают все, и, конечно, ничего. Курсы непомерно огромны, напичканы всем — конечно, проходятся почти безо всякой пользы.

Остается твоя дорога или Артил. академия. Выбери, которая по-твоему для меня лучше, и напиши мне или найди другой выход.

На учителей отец вероятно даст, много мне не нужно; не более 100 р. на нынешнюю зиму и 100 на будущую.

О своих убеждениях напишу после, теперь не до изложения их.

\* \* \*

Письма пришлю вскоре, только дай слово возвратить их мне когда попрошу, т. е. когда прочтешь.

Чистяков был у меня и говорил что статьи твоей о Бэконе не мог добиться в редак. «Сына отечества», а статью из Чолбе получил, предлагал мне, но я, не читавши еще твоих писем, сказал, что я ее довольно хорошо знаю, что она у меня есть в письме, так чтоб он оставил у себя, чтоб тебе возвратить, так ты напиши ему, чтоб прислал, иначе не скоро получишь.

Сулима<sup>1</sup>, здесь. В воскресенье я его увижу, скажу про твою просьбу. Он скоро едет в Москву. Прощай.

*П. Крпоткин*

21 сент. 1860 г.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Москва, 23 сентября 1860 г.

Право, мой друг, не знаю, что еще написать тебе о твоих планах. Конечно, нет ничего худого в желании поступить в Артил. академию, только повторяю, сообрази получше, не надоест ли тебе готовиться к экзамену; в состоянии ли ты выдержать экзамен. — Что если нет — положение будет весьма неловкое. Скажу прямо: я не верю в тебя; Корпус почти погубил тебя. С горьким, горьким чувством думаю я теперь о тебе; чем ты стал, мой милый, милый Петя? Что есть в тебе кроме внешнего лоска? — Я всегда был предубежден против первых учеников<sup>2</sup>; очень редко выходят из них порядочные люди науки. Я слишком люблю тебя, чтоб выносить такое сознание равнодушно. Повторяю, сердце сжимается иногда о тебе. — Гордая самоуверенность проглядывает у тебя, а где ее оправдание? Неужели эти гнусные

<sup>1</sup> Семен Николаевич, дядя братьев Крпоткиных (брат их матери).

<sup>2</sup> Петр Алексеевич в Пажеском корпусе шел первым учеником.

(Прим. ред.)

двенадцатибалльные отметки? — Нет, тысячу раз нет, ты человек не науки; наука не для тебя; научное поприще так тернисто, что только страстная любовь и верность к науке может поддержать на нем человека. У тебя нет этой страстной любви, верно нет и верности, не отрицай, Петя, я вижу. У человека науки может ли вырваться это жалкое опасение за кусок хлеба? Нет! если б ты жил для науки, ты бы был идеалист в жизни, особенно в наши лета. И что интересует тебя? — Астрономия, математика, химия, сельское хозяйство . . . . . и все это вместе почти одинаково.

Чорт поberi, немного я разгорячился. А все-таки и теперь повторю прежде: в Артиллерийской академии, правда, ты можешь хорошо заняться математикой и химией, но зато ни сельским хозяйством, ни астрономией; что же до денег, то ты будешь получать разве немногим больше. — А за границу пока посылали только двух или трех. Дай бог тебе быть четвертым! И то посылали-то профессоров!

Пришли же письма и пр. Можно ли делать такие глупые предложения: давать честное слово, что отдам? — Узнай, разыгралась ли лотерея картин Воробьева. Васильковский записался — № 8144.

*А. Кропоткин*

Что ты мне пишешь Е го С и я т е л ь с т в у ? Пиши просто: в Москву, Пречист. часть . . . . . А. А. Кропоткину.

Поклонись П. Н-чу <sup>1</sup>.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Не понимаю, отчего ты не получил моего письма и посылки: я писал тебе, что Настасья Гавриловна по поводу денег сказала, что боится, чтоб отец не наделал ей неприятностей, если узнает, что она давала тебе денег; я объяснил ей, что он ничего знать не будет, и она ответила, что так как теперь она уезжает скоро, то ей нужны деньги и что она п о с м о т р и т в Москве. Тому уже недели 2 если не более, как она гово-

---

<sup>1</sup> Петр Николаевич Кропоткин, двоюродный брат П. А. и А. А.  
(Прим. ред.)

рила это, но до сих пор не уехала, а едет на этой неделе. В Москве поговори с ней, она вероятно даст, потому что, кажется, действительно недостаток денег задерживал ее здесь.

Я писал тебе недавно письмо, вслед за этим выслал посылку. Не знаю, как то и другое не дошли еще до тебя?

В ответ на мое письмо отцу, в котором я спрашивал его может ли он платить за меня, чтоб брать уроки, он отвечал в высшей степени любезным письмом, изъявил полное согласие и прислал на первое время на книги 15 р., прочие же деньги будет высылать по мере того, как придется платить за уроки.

Я буду брать урок 1 раз в неделю у Беренса, автора интегр. и дифференц. вычислений; его очень хвалят. Прошное воскресенье я был у него, но не застал дома, поеду в следующее. Из прочих предметов—физики, химии и артиллерии—приготовлюсь сам на будущий год; ты, может быть, увидишь в этом самонадеянность, но ошибаешься, потому что у нас все поступающие в Акад. готовят из этих предметов сами, хотя, может быть, хуже знают наш Пажеский курс. Лекции из химии только начаты, а из артиллерии надо пройти немного подробнее. Как видишь, нетрудно.

Мы, может быть, увидимся на Рождестве. Отец в 3 письмах сряду зовет в Калугу, где проведет зиму. Я, конечно, воспользуюсь его приглашением, потому что дня два можно будет нам провести вместе в Москве.

В прошлом письме я обещал сказать тебе несколько слов об *Histoire idéale*.

В сент. книжке *Revue de deux Mondes* есть статья по поводу книги *Kine Merlin l'Enchanteur*, из нее я заимствую это.

Ты замечал вероятно, что редко, даже почти никогда не бывает, чтоб человек высказал, сделал то, что он думает. Напр. ты приготовился объясниться с кем-нибудь, говоришь, и что ж, скажет ли кто-нибудь именно то, что желал высказать? Я думаю, что никогда, всегда явится сожаление, что тут вот я не договорил, там не то сорвалось с языка, а когда ты глубоко чувствуешь и хочешь выразить свои чувства, ты не в состоянии этого сделать, ты молчишь. Наконец, так редко бывает, чтоб ты остался совсем доволен своим действием

Не показывает ли это, что почти всегда действия наши в разладе с мыслями, что поступки не могут определить характера человека. Чтоб определить характер, важно не то, что сделал человек, а важно то, что думал он, делая это. И этот разлад вовсе не так мало важен, как кажется. То же можно сказать и про народ. Сколько ты ни будешь изучать историю, в теперешнем составе народа, ты с ним не познакомишься, а познакомишься тогда, когда познакомишься с его образом мыслей о разных предметах, и этот образ мыслей выразится не в летописях, летопись часто лжет,—хотя, может быть, невольно,—а в сказаниях, в преданиях, в легендах, в сказках. Сказки о русском богатыре Владимире гораздо лучше охарактеризуют тебе его, чем всякая история, и история, составленная по сказкам, легендам и т. п., будет гораздо правдивее теперешней истории, которая грешит против истины.

Эти легенды, эти юношеские попытки народов написать свою идеальную историю, это слабое стремление выразить ту бесконечную страсть к чудесному, это детское понимание тайн природы, конечно, более тебе охарактеризует его, чем войны с соседями и т. п. И эту идеальную историю можно написать и должно, и легенды показывают, что народ хотел написать свою идеальную историю, теперешние критики взялись за то же. Легенда вернее истории могла выразить идеал народа, вот почему так дороги легенды и сказки, они единственный остаток той идеальной истории. Теперешняя критика строго обдумала поступки человека и побуждения и объяснила, чего желал он, чего достиг, и заметила, что в жизни его было две стороны и что лучшая из них не рассказана, что она была началом второй. Тогда историки принялись исследовать идеальный элемент в истории и старались проследить его в памятниках древности.

И вот Кине, поэт и критик, написал Merlin l'Enchanteur. Он проследил всю историю Франции в жизни Merlin, он взял характер, данный Merlin'у легендою, взял его способности и недостатки и продолжил жизнь его до настоящего времени. Здесь он выказывал все фазы развития француз. народного духа. Хорошо или нет, нам нет дела. Мне хотелось передать тебе эту мысль; по-моему она справедлива.

Я думал обработать из этого формальную статью, только едва ли будет время. На будущей неделе начну вероятно заниматься с Беренсом, а на этой неделе не успею.

Ты заметишь, что я изложил свои мысли в беспорядке, все не систематически, да и не очень-то заботился об этом, ты поймешь.

Запредложение переслать Митчелля благодарю, он уменьяесть.

Недавно вышла книга *Genève selon la science. Les commencements du monde par Jouvenel* и 2-я часть выпуска *la Vie*<sup>1</sup>, ее очень хвалят, — не попадались ли тебе о ней отзывы? Ее бы не худо перевести, как говорят.

Прощай.

*П. Кропоткин*

19 окт. 1860 г.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

18 ноября 1860 г.

14-го я ходил к Костыркину и получил все письма; в тот же вечер я стал читать их и читал до второго часу ночи; на следующий день кончил; во второй раз я прочел их уже вместе с твоими письмами; вчера ночью кончил. Чтение доставило мне удовольствие: хоть несколько я припомнил из нашей былой, общей жизни, оставившей по себе во мне очень приятное впечатление — воспоминание. Не знаю, повторится ли когда-нибудь что-либо подобное, но вряд ли. Мы разошлись, Петя, это ты сам давно понял. Отчего? Оттого, что ты переменялся. Я остался положительно тем же, чем был в 1857 и 1856 г., даже в 1855 г.; я все тот же идеалист, увлекающийся, поэт, музыкант, охотник до отвлеченностей, самонаблюдатель... немного ритор à la П. Н. Кудрявцев. Если что во мне изменилось, так только убеждения; но те же вопросы, лучше сказать: вопросы того же рода волнуют меня, так же живу я, как и прежде. Я оставался верен своей идеальной природе даже тогда, когда с жаром толковал о реализме, проповедывал тебе правила жизни, разбирал значение нравственных идеалов. Как был, так и остался я «только мыслителем». Самое неверие

<sup>1</sup> *La Vie de Jesus* Эрнеста Ренана.

(Прим. ред.)

в себя, и то возвращается ко мне периодически, как и в оны времена; вера в себя посещает меня только изредка; теперь, например, она в отсутствии.

Но отчего жизнь моя, особенно до 1859 г., кажется мне совершенно иной, иным периодом моего бытия? Это оттого, во-первых, что около того времени я стал атеистом, монистом<sup>1</sup> относительно природы человеческой, более или менее критиком относительно всего. Во-вторых, изменились наши взаимные отношения. Тебя нельзя узнать, Петя; в последних письмах я даже прокричал тебе, что ты поглупел; кажется, ошибся; теперь я думаю, что ты не имеешь способности соображать отвлеченности, что ты глуп только относительно отвлеченных вопросов. Поистине, напрасно я считал себя в праве желать от тебя дельных отвлеченных соображений; ныне я вижу, что ты никогда и не дал ни единого залога своей способности к этим соображениям; твои письма вовсе не так умны относительно занимавших нас вопросов.

Чем ты стал теперь, я решительно не знаю; твои письма перестали быть отражением твоей личности. Что более всего занимает тебя? Достоверно только то, что не отвлеченности: когда я просил тебя изложить твои метафизические убеждения, ты отвечал, что тебе не до них. Если не ошибаюсь, из тебя выйдет умный человек жизни, ни более, ни менее; ты будешь заниматься науками, но как любитель, не как страстный ее поклонник. Ничего, и то ладно. А жаль. Впрочем, может быть, я ошибаюсь.

Но замечательно мое отношение к науке, я люблю ее не меньше, чем поэзию, а это очень, очень много; занимаюсь усидчиво, с наслаждением, и я страстно люблю метафизику (т. к. некоторые ее вопросы я могу удовлетворительно решать только при помощи естествознания, я им немного занимаюсь) и науку духовных явлений человеческой природы, но выйдет ли из меня дельный ученый по этим предметам? Сомневаюсь, даже почти убежден, что нет. Отчего — не знаю; может быть, оттого что живу слишком особняком, что не благоприятствуют внешние условия; мало владею я и вниманием, вни-

---

<sup>1</sup> Признающим природу человека единою; ду а л и с т признает ее двойственной: дух и тело.  
(Прим. автора)



манием, в котором вижу я первое условие гениальности и даже простой деятельности в науке.

В настоящий момент в моей голове страшный винегрет. Смутно возникают вопросы, смутно, и только на время решаю я их. Не знаю, скоро ль выйду из такого неопределенного состояния; я даже не могу определенно сказать, что мне хочется знать относительно сущности познания, главного предмета моих размышлений. А это — худо; если бы я поставил себе ясно вопросы, как-нибудь решил бы.

Может быть, я познакомлюсь с Гиляровым-Платоновым; это было бы мне очень полезно.

Много мешает мне размышлять и забота о собственно жизни. Не знаю, что делать? Тихонравов будет ограничиваться только обещаниями достать статью для переводов... уроков нет, да и вряд ли будут. Пока пробиваюсь кое-как долгами; что дальше будет, решительно нельзя предвидеть. Не выручит ли Миллер?<sup>1</sup> Я недавно был у него и занял 10 р.; может быть, я ошибаюсь, но кажется, что он скорей выручит, чем кто-либо; уж нельзя ль отнести к нам, т. е. ему: «старый друг лучше новых двух».

Миллер убежден, что из меня мог бы выйти очень порядочный поэт, что в моей природе лежат залогов творчества; сильными доводами опровергал я его, и прав, хоть не убедил Миллера. Мог ли бы я не теорить, если б во мне были залогов поэтического творчества. Я слишком хорошо знаю себя; относительно поэзии я только страстный любитель; я брежу стихами, но чужими. Сам перестал писать уж очень давно, и это важный признак.

Советую тебе прочесть в статье Белинского при сочинении Кольцова страницы, где говорится о гениальном таланте, т. е. пред и после стихов: «я знаю одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть и т. д.». Посоветую вспомнить об этом и Миллеру. Кажется, об чем тут и спорить.

*А. Кротопкин*

---

<sup>1</sup> Миллер Федор Богданович (1818—1881), поэт-переводчик, преподаватель в Первом моск. кадет. корпусе, где учился А. А. Кротопкин. (Прим. ред.)

## ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

1 декабря 1860 г.

Я получил твое письмо и просил займы денег у П. Николаевича. Он отказал по той причине, что у самого в настоящую минуту нет денег; он вообще очень добрый, милый и не отказал бы, но у него, кажется, действительно мало денег.

Не будь на меня в претензии, что я пишу тебе не письма, а записки; причина довольно проста: в течение года я почти ничего не делал для класса, работы теперь куча, экзамены, а тут еще чертежи, а главное и занятия математикой, так что решительно писать и обдумывать письмо некогда. К тому же увидимся мы скоро и непременно. 22-го не позже я еду отсюда в Калугу, буду в Москве 23-го утром, и пробуду до вечера непременно, все это время мы можем вместе провести, а кроме того я надеюсь, что меня отпустят 20-го, я тогда пробуду в Москве 21, 22 и часть 23-го...

Я писал в сентябре письмо в Торг. дом Струговщикова, предлагая перевести Principales Découvertes Figuiер 1 часть и часть 2-ю и 3-ю. Мне ответили, что надо подождать возвращения Писаревского из-за границы. Он заведует делами общества. В середине ноября я получил отсюда приглашение явиться туда, в О-во, для личных переговоров с Писаревским и уже рассчитывал, что будет мне, а следовательно и тебе работа, если ты вернешься. Явился в контору, Писаревский оглядел с головы до ног, спросил, яли самый предлагал ему свои услуги для перевода, потом пробормотал, что теперь ничего не помнит, потому что помощника и нужных бумаг нет при себе, раскланялся и вышел, обещая дать ответ на этой же неделе. Прошла уже 2-я неделя, а ответа нет. Зайду еще раз к нему, авось добьюсь положительного отказа по той причине, что не желают иметь дела с воспитанником.

До свидания, скоро увидимся, приходится кончать, — гонят спать.

П. Кропоткин

1 декабря 1860 г.

Пиши прямо в Корпус, письма никогда не могли быть распечатаны, их получает мой человек и прямо мне приносит.

## 1861 год

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Не везет мне, не удалось свидеться с тобой в Москве: батька приезжал со мною, чтобы устроить дела Коли, нанять гувернантку Поле <sup>1</sup> (Махова отказалась), мы приехали 10-го утром, а в 12<sup>1</sup>/<sub>2</sub> утра я уехал; я посылал к Наст. Гавр. за «Рус. вест.», просил ее, если она тебя увидит, сказать, чтоб ты пришел на жел. дорогу, но ты, вероятно, узнал это слишком поздно. Батька под предлогом, что я опоздаю, засижусь у нее, ни за что не хотел отпустить меня к ней, он хотел, чтоб никто не знал об его приезде, боясь, чтоб кредиторы Коли не пришли просить уплаты долгов и, вероятно, чтоб Кравченко не пришел лично требовать денег. В дороге, ехавши с ним, я мерз жестоким образом. Последнюю станцию до Москвы в 42 версты мы проехали в 9 ч. при 32°, еле-еле отогрелся. Он из скупости нанял лошадей Козлова, сторговался очень дешево, за что тот вез по старой Калужской дороге, мы сбивались с дороги, заехали в сугроб, провозились порядком, чтоб выбраться из него, выпрягли лошадей, вываливались из возка, в котором гораздо хуже, чем в санях, я проклинал его на чем свет стоит и наконец решили ехать в 12, потому что мерзнуть еще это невыносимо.

В Калуге время провел не совсем хорошо. Меня таскали по разным властям, на б а л между прочим (можешь меня вообразить), и я ездил потому, что дома было еще скучнее, — заниматься мешали, не было отдельной комнаты, — беспрестанно Ел. Марк. <sup>2</sup> приходила с любезностями и т. д.

---

<sup>1</sup> Младшая сестра.

<sup>2</sup> Мачеха.

(Прим. ред.)

Однако я немного занялся математикой и переводом Литтрова; был между прочим у Шамиля <sup>1</sup>, он вел самый официальный разговор с отцом, расспросил отца подробно о Турецкой кампании 1828 г. и т. д.

Часто говорил я с отцом с тебе, — он отзывается о тебе с каким-то отвращением, говорит, что сделал уже завещание, по которому лишает тебя наследства. Потом через несколько времени рассказывает мне, что отец его лишил наследства сына своего Николая, но что они потом разделили поровну, я хвалил это и сказал, что так непременно следовало поступить и следует сделать, он понял меня и только дико посмотрел в глаза.

Он очень постарел, верно не долго проживет, хотя такие существа подолгу живут. Когда мы говорили о тебе, он начинал ругать тебя так, что гадко становилось, я горячо вступался, он начинал с твоих писем, потом перебирал твои поступки и все говорил: «ну теперь будь беспристрастным судьей, а ты к нему пристрастен». Я тебя оправдывал. Он твердил одно: «нет, ты не беспристрастен» и т. д. Он между прочим получил письмо от неизвестного, написанное, говорит, под старинный почерк, от какого-то друга его отца, в котором тот упрекает его за обращение с детьми, страшает совестным судом и т. п. Он говорит, наверное, это ты писал, что сейчас видно: твоя рука, я, конечно, доказывал, что это не может быть, приводил всякие доводы, он твердил одно, что рука слишком похожа на твою и что она неудачно исковеркана под старый лад. Е. М. тоже уверена, что это ты писал. Я просил показать мне письмо, но его получили перед самым выездом из деревни и там оставили. Я всячески утверждал, что ты этого не сделал бы, тем более, что ты верно сказал бы мне об этом.

Прощай, пока больше нечего писать.

*П. Кроткин*

11 января 1861 г.

---

<sup>1</sup> Знаменитый вождь кавказских горцев в их борьбе с русскими. Был взят русскими в плен 22/VIII 1859 г. и жил под надзором полиции в Калуге, ум. в 1871 г. (Прим. ред.)

## АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Нынче, 9-го, утром в десять часов Васильковский разбудил меня, письмо с адресом: Сыну моему князю Александру Алексеевичу Кропоткину. — Письмо содержало: «Любезный мой сын Александр!—Вчерашний день случайно узнал я о твоём стеснительном положении в существовании от верного человека и что по сей причине вынужден ты просить вспомоществования от посторонних лиц. Для прекращения чего, я по чувствам Родительским, не смотря на твою неуважительность ко мне, желаю избавить тебя от унижения и стыда, назначил тебе в выдачу, с 1-го Января сего года жалование серебром Триста рублей; с условием, чтобы ты не прибегал после того с просьбами на еду и сапоги к людям, которые над этим смеются. А потому, если ты хочешь воспользоваться сим моим пособием, в таком случае приходи ко мне сегодня в 4 часа пополудни в гостиницу Петербург, что близ железной дороги в № 12 и ты от меня получишь на первый случай за два месяца вперед, Январь, Февраль, по расчёту; а после того по адресу твоему ты будешь получать через почту за каждые 2 месяца вперед. Повидаться мне с тобой не будет лишним, мне нужно с тобой подумать об участи твоего старшего брата. — И так, до свидания; остаюсь отец твой князь Алексей Кропоткин. 9 Января 1861 г.».

Я написал ответ вроде этого: «Милый и добрый мой папаша, ваше письмо порадовало меня и вместе с тем огорчило меня. Мне грустно, что мне приходится идти к вам после такого письма. Что скажут теперь обо мне все. Впрочем, бог с ними. Надеюсь, что вы поймете меня; я бы хотел много, много написать вам... С любовью и уважением остаюсь ваш сын Александр».

Теперь, кажется, все кончено, дай бог! Несчастное наше семейство! В четыре буду у отца. Извещу что было: представляю тебе рассуждать.

10 я н в а р я — 15 я н в а р я 1861 г. — Как видишь, это письмо пишется мною очень неисправно. Вчера получил твое письмо. Мне кажется, что отец переменялся вследствие рассказов И. П. и Т. П. Пушкиных. Притом действует у него самолюбие, что печатаются мои переводы. Затем, обстоя-

тельства с Колей. Эти обстоятельства, я думаю, играли в нашем примирении не малую роль. Отец встретил меня относительно ласково. О прошлом ни слова. По всему вообще видно, что он мною доволен. Мы видимся довольно часто. В последний раз он мне предложил ехать с ним за 90 верст в какую-то пустынь, куда хочет он поместить Колю, если я только не зябок. Я согласился. Это было в четверг, 12, с той поры мы не виделись. Вчера я ездил в гостиницу «С. Петербург»; прихожу, № заперт; при входе на доске нет фамилии отца. Спрашиваю, говорят переехал сегодня в гостиницу «Париж» на Тверской. Лень было ехать, тем более, что влекло в иное место. Нынче, может быть, отправлюсь. Да вот беда, может быть, отец желает, чтоб никто его не видел, боясь кредиторов, которые и так уже осаждали его. Подумаю, очень может быть, что стану ждать, пока отец сам не пришлет Александра.

О пысьме я решительно ничего не знаю, никак не могу подумать, кто этот непрошенный благодетель. С. и Е. Марковны<sup>1</sup> уж говорили мне об этом втором письме. Первое написали Костыркин, Чистяков и Васильковский, опять-таки без моего ведома. Я бы никак не мог бы просить их выкидывать такие вещи, ибо отец, разозлившись, мог бы тогда бог знает что наделать со мной в деревне. Хорошо, что он не знал.

С нетерпением жду лекцию Лаврова. Он читал три лекции в Пассаже: о знании, творчестве, жизни, которые будто бы напечатаны в «Отечественных записках». Успех необыкновенный. Я не думал, чтоб публика могла так сочувствовать отвлеченностям. Очень вероятно, что я по поводу лекции Лаврова напишу статью, особенно о знании. Не знаю, удастся ли мне при теперешних отношениях к отцу побывать летом в Петербурге; я бы непременно познакомился с Лавровым<sup>2</sup>.

*А. Кроткин*

---

<sup>1</sup> Софья и Елизавета Марковны—мачеха и ее сестра.

<sup>2</sup> Это свое желание А. А. исполнил летом 1872 г., когда по совету П. А. уехал в Швейцарию и поселился в Цюрихе, где в это время жил и Петр Лаврович Лавров. А. А. близко подружился с Лавровым, разделяя его философские взгляды. (Прим. ред.)

## ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

На-днях я испытывал весьма неприятные впечатления; положительно ни к чему не годился, чорт знает какое-то пошлое утомление и духовное и физическое, я не в состоянии был ничего делать; это страшно; обыкновенно я довольно подвижной; тогда подняться куда-нибудь едва был в состоянии, пошел в отпуск, а из Корпуса всегда уходишь с некоторым удовольствием, прошел немного, но прошел не более как 150 шагов от квартиры, вернулся в Корпус и через  $\frac{1}{4}$  ч. опять уехал, скука какая-то; одно только был способен делать: садился к роялю и просиживал целый час, наигрывая, что взбредет на ум, варьируя какой-нибудь мотив, переходя из аккорда в аккорд; теперь прекратилось это пошлое положение.

Ты, может быть, спросишь, что я делал все это время после праздников?—немного. Хотя и работал как лошадь. Я не хотел не исполнить обещания, хотел кончить перевод, и кончил, работая целый день, ничего почти не читал, только занимался математикой и переводил. Эту неделю всю исключительно посвящу математике, надо подготовиться, чтоб пройти все то, что читал мне Беренс до дифер. вычислений, ну, конечно, надо позаняться практической частью — задачами.

Потом теперь я ввел у нас, в библиотеке, получение журналов и газет, надо было устроить все это, хлопот не мало по новости дела, тоже много время отнимало, так что всякое чтение отложил в сторону, и за химию не принимался ни разу.

Письмо твое получил, оно удивило меня, я не ожидал этого от отца, он мне казался слишком сердитым на тебя, впрочем, вероятно, обстоятельства Коли<sup>1</sup> сильно на него подействовали, — он его любил.

Напиши мне об Коле, где он и что с ним; где отец? Я не получил от него ни одного письма из Москвы.

---

<sup>1</sup> Коля — старший брат А. А. и П. А., служил офицером на Кавказе, страдал запоем. Отец отдал его в 1861 г. в монастырь «на послушание», откуда он бежал в 1864 г. и пропал без вести. (*Прим. ред.*)

Скоро 19 февр., ты знаешь, что наши крестьяне свободны, но меня бесит наша публика, что из-за личных интересов партий позволяют себе вредить такому делу, аристократия здешняя трусит, жалко, что мы не вместе, — в письме говорить об этом неудобно, посмотрим, что будет.

Прощай, не могу больше тебе писать, не пишется.

*П. Кропоткин*

6 февраля 1861 г.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

10 февраля 1861 г.

Я получил твое письмо вчера, 9 февраля. Описание хандры очень мне понравилось; увы, что делать. Это модная болезнь нашего века. Впрочем, пойми меня: слово модная не имеет для меня дурного значения: я хочу только то выразить, что хандре более или менее подвержены в нашем веке все смертные: некоторые люди говорят даже, что сумма дней, проводимых человеком в хандре, находится в прямом отношении с количеством фосфористых жиров, заключающихся в мозге этого человека. — От хандры, к несчастью, и я не свободен, впрочем это естественно.

Вот уже более месяца прошло, как я нахожусь в очень ненормальном состоянии; в чем оно состоит, узнаешь после, когда пройдет, а повидимому уже проходит к горю моему и радости.

— Я начал писать статью под заглавием: «Заметки по поводу публичных лекций о философии г. Лаврова» — я не знаю, хочу ли, но пишу; впрочем, если мешает что, то только мое ненормальное состояние, лень немного.

Если напишу, то, по совету Васильковского, отошлю статью Лаврову; если он найдет статью достойной помещения в «Отеч. записках», то поместит и, конечно, с моей подписью; если нет, оставлю себе на память.

— Переводов нет. Уроков у Васильковского тоже. — Расходы на мелочи более прежнего велики. Плохо! Благо, не принимаю я всего этого близко к сердцу.



Отец уехал в субботу, четвертого. Я не простился с ним, потому что не знал даже, что он приехал из пустыни, куда ездил; а за мною он не прислал. — Колю увезли в пятницу: Покровская пустынь и, кажется, Владимирской губернии, недалеко от города Покрова. Тоска будет ему невыносимая, сколько времени он пробудет там—неизвестно. Отец взял с него подписку, что 5 лет, не знаю, точно ли он желает того. Коля, с своей стороны, простился на всю жизнь, впрочем, уверяя меня, что имеет свои замыслы и чтоб я не беспокоился. Мне кажется, что обстоятельства разыграются так: Коля пробудет в монастыре несколько лет и, может быть, именно 5, до 30 лет; затем отец его женит, отделит, как уже намеревался в нынешнем году (Наташа Соболева). — В службе, по состоянию, Коля не будет нуждаться; да кажется, что с его аттестатом она уж более для него невозможна.

Впрочем, может быть, будет и то: может быть, Коля пробудет в монастыре гораздо меньше пяти лет; затем отец возьмет его к себе, подержит, а потом женит и отделит. — Ну, как будет, увидим: но кажется, что так. По аналогии я заключаю следующее: когда мне будет 25 лет, отец предложит женитьбу и отдел; от женитьбы откажусь; по расчету не женюсь вследствие известного рода устройства моих нервов; по любви не женюсь, чтоб отстранить возможность разлюбления, а вместе с тем страдания от связанности с нелюбимой женой. Свобода лучше всего, то ли дело холостая жизнь. Васильковский уверяет, что все это детские выходки — посмотрим.

Вышла первая книга «История земли», перевод с немецкого *Geschichte der Erde* (по геологии) v. Rojzmäsler; книга знаменитая, да и в самом деле, кажется, порядочная. У меня стоит подлинник: скоро примусь, когда буду более расположен к научным занятиям. Русский перевод будет стоить 2 р., немецкий подлинник 3 р. 50 к.

Писать, кажется, более нечего. Увы, это следствие того, что мы разошлись в своей духовной жизни. А событий в нашей жизни почти нет: о чем, следовательно, писать нам. Поверишь ли ты, сердце сжимается иной раз, как начнешь проглядывать нашу прежнюю переписку. Где это золотое время? Я не изменился, но ты не тот уже, Петя, как хочешь,

а это грустно, хотя по-настоящему толковать не о чем, нельзя же нам было век оставаться deux têtes sous un même bonnet, наши натуры не сходны. Сойдемся ли когда? разве за баррикадами. Да будут ли они у нас когда-нибудь? сомнительно! А впрочем, кто знает. Не хочется верить, что не настанет для нас пора лучшей жизни: только не с низших классов может начаться резня, как думают; все надежды свои я полагаю на дворянство, потому что оно одно сколько-нибудь находится под влиянием мысли о лучшей жизни, более правильной.

А может и то быть, что Александр <sup>1</sup> сам примет на себя инициативу в деле политического улучшения; нечего и говорить, что то было бы лучше: обеспеченнее, спокойней.

Но все эти политические реформы не есть еще общественные, у нас, может быть, они обойдутся хорошо, но страшный переворот предсказываю я Западу. Пролетариат возрастает; потребность в лучшей жизни у пролетариата увеличивается; следовательно, придет пора, когда пролетарий не захочет терпеть, и тогда начнется что-то ужасное; пролетариев будет много; озлобленные и более или менее образованные, они наделают много страшного. Что выплывет, не знаю. У меня нет идеалов: ни социализму, ни коммунизму я не верю. Я отношусь к общественному быту как критик: предвижу бурю, но в этой буре не поднял бы никакого знамени. — Кто хочет, плачь о ее неизбежности, но я верю, что она будет. — Прощай.

Твой брат Александр

Я хочу начать с Колей переписываться. Ему это будет отрадно.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Не лень мне было тебе писать, а вот почему я не писал. Сперва не писал потому, что ничего особенного не было написать. Потом я принялся за одно дело, — составление сжатых записок, вроде конспекта из физики по новой программе. Работы было немало, — я копался целые дни в разных курсах. Теперь кончил. Это отвлекло меня. Я в то время попался в

---

<sup>1</sup> Александр Второй, царь.

(Прим. ред.)

одной истории, длившейся всю зиму—руготно с французом-учителем. Кончилось тем, что это вывело его из терпения, — меня тоже, мы поругались, меня упрятали под арест, грозили многим, кончилось тем, что продержали 5 дней и выпустили, а между тем у меня разболелись зубы, мучали, мучали несколько дней, ничего не делал, теперь только вырвал. Так шло одно за другим, я и не писал, и на последнее твое письмо не отвечал по той же причине.

Однако славные у тебя фантазии, — отец запретил, — и я не стану тебе писать. Угадал...

Скажи пожалуйста, отчего это у тебя нет переводов? Ты сам не хочешь брать или не удастся достать? Ведь поискать, найдешь, обратись к Евг. Тур <sup>1</sup>, побывай у Корша <sup>2</sup>, похлопочи; признайся, ведь ты ленив ходить хлопотать для себя. А что ж толку, что ты нашел кредит в вашей лавочке. Толку мало, долго не будут давать в долг. Не зайти ли мне здесь в контору переводов, м. б. и удастся что-нибудь достать, а не то адресуйся сюда в товарищество «Обществен. польза» Струговщикова и К<sup>о</sup>. У них идет очень усиленная работа, переводить очень много, и м. б. удастся получить сколько-нибудь интересную работу.

Что тебе, брат, сказать обо мне, немного есть что рассказывать. Занятия математикой идут обычной чередой. Химией занимаюсь также постоянно, время от времени, когда появляются финансы, занимаемся опытами в нашей маленькой лаборатории. Свободное время посвящаю музыке. Сегодня я урвался из Корпуса в концерт, и сколько прекрасного, чудного, сколько наслаждался, слушая напр. глубоко прочувствованное трио Глинки из «Жизни за царя», сколько в нем родного, близкого сердцу, выплаканного, как и во всех русских мотивах.

Как в Москве приняли освобождение крестьян? Здесь — с восторгом. 5 марта <sup>3</sup> в театре публика пожелала, чтоб сыграли «Боже царя храни». Как только заиграли, то оркестр

<sup>1</sup> Писательница, издавала в 1861—1862 гг. журнал «Русская речь».

<sup>2</sup> Евгений Федорович, журналист, издавал в 1858—1859 гг. журнал «Атеней».

<sup>3</sup> День объявления манифеста 19 февраля об «освобождении крестьян».  
(Прим. ред.)

положительно заглушили «ура», «браво» и аплодисменты, оркестр кончил, так и не было его слышно, только прорывались аккорды. Потребовали, чтоб сыграли во 2-й раз, — все это с оглушительными криками; и наконец в 3-й раз заставили сыграть.

Народ везде с восторгом встречает царя, но только у всех недоумение какое-то. «Что ж мы вольные, говорят, или как», и в этом роде. Дворовые решительно обижены, но вообще весь народ чувствует, что дело идет к лучшему, хоть и приходится ждать 2 года, хоть и бог знает что впереди, и крестьяне разных соседних деревень беспрестанно присылают депутации, чтоб благодарить царя, подносят хлеб-соль; таких депутатий очень много.

Прощай, брат, не о чем больше писать.

*П. Кропоткин*

20 марта 1861 г.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

26 марта 1861 г.

Друг мой Петя! Твое письмо очень обрадовало меня. Когда я получил его, у меня было заготовлено несколько строк к Володе Завадовскому<sup>1</sup>; я хотел узнать хоть бы от него, жив ли ты, здоров ли? Мне бог знает что приходило в голову; свое последнее письмо я послал так давно. Не думал я, чтобы без особо важных причин ты не ответил на него немедленно.

Кстати я недавно думал о своем развитии; оно может распределиться на шесть периодов. В 1853, 1854, 1855 и (приблизительно) первой половине 1856 г. я равно любил только поэзию и музыку. Во второй половине 1856 и первой половине 1857 г. я равно любил поэзию, музыку и отвлеченности. Во второй половине 1857 г. и первой половине 1858 — я более всего любил политическую экономию и равно любил, немного меньше ее: поэзию, музыку и отвлеченности. — Во второй половине 1858 г. я равно любил уже только, как во втором периоде, —

<sup>1</sup> Товарищ П. А. по Пажескому корпусу.

(Прим. ред.)

поэзию, музыку и отвлеченности. В первой половине 1859 г. я более всего любил естествознание и немного менее — равно: поэзию, музыку и отвлеченности. — Во второй половине 1859, 1860, 1861... я любил и люблю более всего, равно: поэзию, музыку и отвлеченности и менее их естествознание. Впрочем, между отвлеченностями разных периодов есть разница. Так, например, во втором периоде — философия и критика религии; в третьем — критика религии; в четвертом — материалистическая метафизика; в пятом — материалистическая метафизика и наука о знании; в шестом — наука о знании и материалистическая метафизика; последняя уже менее.

Я сегодня начал читать в рукописи (литографиров.) «О сущности религии» Фейербаха. Хорошо! путь хорош: критика народных верований. Когда прочитаю, напишу об этой книге что-нибудь. Религию я как-то давно уже, после того как порешил с нею, не брал в предмет критики...

Третьего дня я читал Ярцеву твою повесть: «Пребывание в Унцовске». — Вдоволь посмеялись в иных местах, действительно очень порядочных и действительно юмористических. Вдоволь и подивились, в некоторых случаях, и твоей наблюдательности. — Повесть «Пребывание в Унцовске» в самом деле очень порядочная повесть, недостатки — в слоге, не более. Да и тот иногда очень соответствует предмету. Конечно, глубоких мыслей нет, да и предмет не таков, чтобы возбуждать глубокие мысли: самый предмет; описание ярмарки, а описал ты очень порядочно, следовательно, цели достигнул. Особенно хороши частности; например о деве, с которой танцевал Кащеев, о гостинице, о башне при статье «Жители и рыбы в Унцовске» и пр., и пр., все это очень хорошо. Васильковскому я прочитал тоже сегодня кое-что, ему также понравилось. Вообще «Пребывание в Унцовске» тебе, особенно 15—16-летнему мальчику, делает, как говорится, честь. Читать эту повесть можно несколько раз с удовольствием. Я читал несколько раз и всегда с удовольствием. Хорошо описал ты вообще собственно ярмарочные сцены. Словом, хорошо.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

15 апреля 1861 г.

Пишу тебе, мой друг, из лазарета, давненько я сюда попал, с 23 марта, у меня была желтуха, болезнь не опасная, но скучная, долго продолжается, впрочем у меня она скоро прошла; а теперь как на зло хуже становится, в настоящую минуту жестоко трещит голова, бок болит, чорт знает отчего. Это меня бесит, а погода такая прекрасная, подышать воздухом хочется, — весна, а с весной я всегда ожидаю, — надеюсь, что головные боли долго не будут продолжаться.

Меня сильно интересует вопрос, да куда же наконец я денусь после выхода из корпуса, — в Артил. академии меня пугает множество других предметов, которыми придется поневоле заниматься, — артиллерия, тактика, этакая скука! Теперь там директор Плитов, чорт его знает, как он будет смотреть, пожалуй потребует, чтоб непременно посещали все лекции, гадко будет, не останется времени, чтоб ходить в ун-тет слушать те предметы, которые больше интересуют. Если не найду ничего лучше Артил. академии, то, конечно, нечего делать, туда пойду, и я доволен, что начал заниматься математикой с нынешнего года.

А куда иначе пойти? Завись это вполне от меня, вышел бы, надел статское платье и жил бы в о л ь н ы м г р а ж д а н и н о м (понимаешь?), слушая лекции в ун-тете, и не сделать ли так?.. уехать бы куда-нибудь отсюда, на Амур, что ли, если только там хорошо и есть к чему приложить свои труды, а я чувствую довольно сил, чтобы заняться и быть на что-нибудь полезным...

Я, кажется, заврался.

Увидимся ли мы летом? Я думаю, увидимся, отец зовет после лагеря провести отпуск в деревне; конечно, с большим удовольствием, — по пути увидимся в Москве, можно будет подольше пожить. Кстати, я получил от него отчаянное письмо, он от кого-то узнал, что я сидел под арестом, он в отчаянии, потому что думает, что, просидевши 12 дней, я не буду

камер-пажом и пр.; конечно, не пропустил удобного случая прогнать тебя и Колю<sup>1</sup>. Прощай.

*П. Кроткин*

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Воскресение, 30 апреля 1861 г.

Ты не знаешь, мой друг, куда деться по окончании корпусной жизни. Мне кажется, что этот вопрос не так-то трудно решить.

Счастье состоит в удовлетворении потребностей. Удовлетворять всем своим потребностям при какой-нибудь одной известной обстановке жизни — вряд ли возможно. Поэтому, чтобы быть возможно более счастливым, надо выбрать себе такую обстановку, при которой легко удовлетворялись бы хоть наиболее сильные потребности.

Т. к. ныне сильнейшие потребности могут со временем стать слабейшими и наоборот, то очевидно, что создавший себе известную обстановку жизни не может поручиться, что проживет в ней свой век в относительно полном счастье. Но что ж из этого. Ведь в какой-нибудь обстановке да надо же сущест-

<sup>1</sup> П. А. был посажен под арест в карцер на две недели осенью 1860 г. за то, что был одним из главных зачинщиков «бунта» против ротного командира. Новый ротный командир корпуса посягнул на некоторые «вольности», которыми пользовались пажи, в частности, прежние ротные командиры не входили в классы, так что в классах пажи были изобавлены от надзора фронтowego начальства. Но новый ротный командир стал заходить в классы, где пажи обычно готовили уроки. Присутствие ротного в классах сильно возмущало пажей, и однажды П. А. не выдержал и громко заявил ротному, что «тут место инспектора классов, а не ротного командира». Ротный, не влюбивший П. А., тотчас же донес об этом начальству, и П. А. был посажен под арест в карцер. П. А. хотели было даже исключить из корпуса за его поведение. Но благодаря заступничеству директора корпуса генерала Желтухина П. А. был оставлен в корпусе как «первый» ученик и в июне 1861 г. был назначен фельдфебелем и камер-пажом царя. (О «бунте» в корпусе см. «Записки революционера», т. I, стр. 138—140, изд. Общ. политкаторжан.)

(Прим. ред.)

вовать. — И уже, конечно, если так, лучше существовать до поры до времени в той обстановке, которая хоть года на два может считаться вполне удовлетворительной. Да и вообще, чтобы быть счастливым, не надо слишком далеко заглядывать вперед. Не всяк может жить надеждами и тому подобным.

Итак, Петя, исследуй прежде всего: какие потребности преобладают в тебе и будут преобладать еще года два, три. Затем узнай: при какой обстановке эти потребности, наиболее сильные, могут быть наиболее легко удовлетворяемы. — А потом останется тебе позаботиться только об учреждении этой найденной обстановки.

При учреждении ее надо не трусить. Надобно смело отрекаться от возможности удовлетворения тех более слабых потребностей, удовлетворять которых никак нельзя при найденной обстановке, способствующей легкому удовлетворению слабейших потребностей.

Вот пример: наиболее развита во мне потребность независимости. Затем — комфорта в обширном смысле этого слова. — Чтоб быть относительно счастливым, что надо было мне избрать, когда приходилось выбирать между первым минус второе и вторым минус первое? Что-нибудь из двух и никак не оба. Что ж надо было делать? Очевидно: жертвовать второе первому, избрать первое минус второе. Так поступай и ты, Петя. А придумать обстановку, наиболее способствующую легкому удовлетворению сильнейших потребностей — нетрудно. Пожалуй, я помогу. Напиши мне только: «какие потребности преобладают и будут еще на верное года два преобладать в тебе» — смотри, не ошибись.

Что до меня лично, я относительно счастлив не потому только, что моя обстановка вполне удовлетворяет моим главным потребностям, но еще и потому, что я не имею в жизни никакой относительно постоянной цели. Отсутствие цели избавляет меня от мучений отчаяния, стыда и т. п. — В апатию — не вводит, наперекор тому, что могут думать иные. Например, я люблю размышления и чтение; занимаясь, я не имею иных целей, кроме удовлетворения потребностей знания. И несмотря на то — занимаюсь, занимаюсь, наслаждаюсь, наслаждаюсь... Моя нервная система так устроена, что



требует научных и метафизических суждений, вовсе не забываясь о внешних целях.

Что ж до моего отношения к нравственным идеалам, я считаю и его необходимым для меня условием для полного счастья. — Правда, пока я еще, кажется, не успел извлечь пользу из этого своего отношения к нравственным идеалам. Моя нервная система, к горю моему, все еще настроена до сих пор на нравственный лад. А иногда это лишает удовольствия. Но посмотрим, что еще будет впереди. Посмотрим, не буду ли я, при своем уме, несравненно счастливей, когда притупятся мои нравственные нервы.

В нашем обществе такие люди, как я, могут принести много вреда. У нас все так мерзко устроено, что очень часто, чтоб удовлетворить какой-нибудь своей потребности, надо непременно повредить другому человеку. Я этого не отрицаю. Но не о том я повел и речь. — Я просто излагаю условия моего счастья.

В обществе, состоящем из людей, относящихся к нравственным идеалам только научно, — было б очень хорошо. Это ясно: понять психологическое значение нравственных идеалов, а также сознательно выйти из рабского отношения к ним могут только умные люди.

Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предмет, на который она может устремиться; препятствия превращают ее в страсть, а удовлетворение уничтожает.

Соч. Белинского, ч. 3-я, стр. 576.

Я как-то писал тебе, что недавно познакомился с «нечто», которое до той поры было мне неизвестно. Это «нечто» — любовь. Помнишь Евгению, что видел у Настасии Гавриловны? Я никогда не считал ее хорошенькой потому, что имею вкус, но Евгения умна, непрактична, полюбила меня, имеет хорошие глаза — и я влюбился в нее. — Я познакомился с ней в середине декабря и заметил, что она обратила на меня внимание.

Любовь заразительна, особенно при потребности любви — и я стал привязываться к Евгении. Начал я ездить к Наста-

сии Гавриловне и к дяде Мите, чтоб видеть ее, болтать с ней. А болтать с ней было можно. Я толковал с Евгенией и о психологических, и об астрономических, и о других явлениях, занимался критикой религии, проповедывал метафизические суждения, бредил стихами и пр. Она понимала меня. — Но все это еще было только зарождением любви. 31 декабря 1860 г. началось иное.

Очень новая для меня и очень бывшая мне приятной сцена ночью у камина открыла мне, что Евгения любит меня. Я и прежде догадывался, когда, бывало, подходил к ней, брал ее за руки: жар, чад в голове. Но 31 декабря дело стало уже совершенно ясно. Я тоже окольным путем сознался в любви. Окольным, ибо иначе я бы расхохотался: отзывалось бы романами; в течение всего времени моей любви глаз на глаз с Евгенией я никогда, ни разу, не согрешил романической выходкой. — С нового года до конца января я провел время в большом наслаждении... Затем Евгения стала мне немного надоедать. 14 февраля она уехала в Чистополь. Дня два я погоревал, но потом стал спокойнее.

В своем втором письме я из послышки: «любящие не разлучаются», вывел умозаключение: «следовательно, я и Евгения друг друга не любим». Эта мысль еще более охладила меня. Написал я даже похоронный стих своей любви.

Я разлюбил тебя. Я вновь сижу в раздумье...  
 Но жаль мучительно минувших, чудных дней,  
 Когда в чаду любви, прижав к груди моей,  
 Я обвивал твой стан в томительном безумье...<sup>1</sup>

Между тем, по поводу моего второго письма Евгения написала очень грустное письмо. Я встрепнулся. Дня три после этого я любил мою Геню более, чем когда-либо. Но, увы, и эта вспышка кончилась.

Теперь я спокоен совершенно, я разлюбил Евгению вполне. Осталась при мне одна неумолкаемая потребность любви,

<sup>1</sup> Вариант: Я. . . . .

Н . . . . .

Когда в чаду любви, склонясь к груди твоей,  
 Сидел бывало я в томительном безумие.

(Прим. автора)

с которой, видно, всем порядочным людям приходится в молодости знакомиться.

Вот и все.

*А. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

10 мая 1861 г.

Ты думаешь, не трудно решить вопрос, куда выйти, ошибаешься, брат. Ты говоришь, надо определить, какие теперь сильнейшие у тебя потребности, и согласно с ними создать обстановку. Положим, я верно определяю потребности, а обстановку-то создать самое трудное. Я одного хочу: дай ты мне возможность заниматься тем, чем я желаю, не навязывай мне постоянных занятий, будь то караул, или учение, или экзамены из фортификации и артиллерии, или уроки у тупых болванчиков и переводы неинтересных вещей. Я понимаю, что в иных обстоятельствах трудно создать такую обстановку, хотя я готов, даже более тебя, замечу, жертвовать всевозможными удобствами, и замечал, что ты гораздо больше меня любишь комфорт; придется выбирать из нескольких зол меньшее, — это самое трудное. Мне решительно все равно, быть фронтovým офицером академистом или просто вольношатающимся; лишь бы на вольношатающемся не лежали обязанности труднее первых двух, а потому я согласен взять несколько посторонних обязанностей, лишь бы они мне не мешали учиться, подготовиться хоть к тому, чтоб со временем суметь управлять своим имением, служа в какой-нибудь выборной должности или там чем хочешь. Я желаю искренно быть сколько-нибудь полезным. Я не теряю надежды на то, что могу быть хоть немного полезен, я чувствую, что трудиться я готов, и, может быть, выберу себе труд по силам, тогда, выполняя его, достигну своей цели, — но ученым?.. я улыбнулся писавши, тем более литератором? расстался я с этим с тех пор, как кончил издавать «Временник», авось буду полезен хотя честно работая в своем именишке, ну, одним словом, это определится со временем, — род моей деятельности, а пока я должен учиться, — я ничего не знаю и именно не хочу, чтоб мне в этом мешали... Вот придумывай обстановку. — Надеюсь, ты поймешь меня, хотя я и трудно высказал свою мысль (и выражаюсь трудно, вероятно потому,

что мысль не выработалась). Впрочем, авось, может, увидимся. Кстати, как ты думаешь сюда поехать, еще в середине мая ты, кажется, говорил, что будешь жить в Петергофе, а теперь в Петергофе кроме самих обитателей (очень немногих служащих) никого нет. Напиши, как это ты собираешься и на чем основываешь свой расчет попасть в Петербург.

\* \* \*

Ты написал о своей любви, и я понял то, о чем смутно догадывался, думал, но не решался спросить. Еще на Рождестве, когда я смотрел на тебя и на Евгению, ты считал нужным оговариваться, что ты не можешь в нее влюбиться, что она не хороша, но спешил еще прибавить, что тебе нельзя влюбляться, что ты человек, который должен работать. Потом ты рассказал мне о портрете... Помнишь? Затем Нас. Гавриловна и Леночка говорили, что бог знает, что с тобой делается, что тебе приходилась выгодная работа, что ты не взялся, потом Н. Гавр. сказала мне по поводу разговора, который я навел на Евгению, что она очень рада, что «теперь это все» кончилось, а то ты совсем зажился у Писаревых, что теперь Евгения уехала. Я думал, думал над этим, но, не желая вмешиваться своими расспросами и намеками, молчал, теперь я понял и твой «бред стихами», как ты называешь, и ту особенную интонацию голоса, с которой ты говорил, в них что-то звучало такое — как ты не говорил всякие стихи. Быть может, это тебе было едва заметно, а меня заставляло задумываться.

*П. Кропоткин*

Какого-то рода новости о тебе?

Пришли, если тебе не нужны, твои письма.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Я только что пришел от Вареньки Друцкой<sup>1</sup>, она здесь проездом из-за границы. Она слышала много об тебе (притом,

---

<sup>1</sup> Двоюродная сестра братьев, дочь их тетки Елены Петровны, вскоре вышла замуж за двоюродного брата П. А. и А. А. — Ивана Ивановича Мусина-Пушкина, фамилия которого упоминается в настоящем письме.  
(Прим. ред.)

помнишь, что я говорил тебе про нее) и желает с тобой вновь познакомиться или возобновить знакомство, что ли, потому что она тебя видела еще маленьким, и просила меня написать это тебе.

И потому, если хочешь, отправляйся к ней, она вероятно остановится у Пушкиных. Если не хочешь, то, если когда-нибудь встретишься с Пушкиными, скажешь, что получил мое письмо, когда ее уже не было в Москве; а пробудет она там два дня, едет же завтра, 13-го.

Скоро я буду тебе писать.

*П. Кроткин*

12 июня.

А после последнего нашего прощания, я все еще поджидал тебя. Думаю — нет, нет да придет, еще не уехал.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

15 июня 1861 г.

Получил я, мой друг, твое письмо. Не пойду я к Вареньке. Во-первых, потому, что не стоит возобновлять дружбу на два или на три дня. Во-вторых, потому, что мне лень тащиться в Сокольники. В-третьих, потому, что одежда моя никуда не годится. Первое и второе главное.

Я, брат, с того же дня как приехал в Москву<sup>1</sup>, стал вести следующего рода жизнь: от 8 утра до 8 вечера сплю. В 8 вечера обедаю. Затем до 8 утра — или занимаюсь, или гуляю, или сижу с теми, кто ко мне приходит навестить меня. В 8 ч. утра пью чай и ложусь спать.

Скучно жить! Мой теперешний образ жизни нравится мне однако более, чем прежний; более удобств всякого рода. Буду я так жить только ровно до 1 сентября, впрочем, конечно, если не почувствую влечения продолжать и после лета.

Написал я отцу письмо. Посмотрим, что будет. После моего приезда из Петербурга это уже второе. Я написал, что меня сгонят с квартиры на улицу, если он не пришлет денег, да и право сгонят. Месяц, пожалуй, даже полтора подождут, — а потом марш, если не расплачусь.

<sup>1</sup> 31 мая, или 1 июня, не помню хорошо.

(Прим. автора)

Доказывал я и то отцу, что вследствие свойства фосфористых жиров мозга <sup>1</sup>, долгой борьбы из-за возможности заниматься, чем хочу, и недостаточности знания я года полтора (или, может быть, год, не помню) не буду в состоянии получать деньги на житье.

Что до службы, я написал наотрез, что никогда не буду служить, что лучше откажусь совсем от жизни, чем от независимости и возможности заниматься науками. Сказав (написав), я маленько пустился в метафизику. Вот в этом роде: что мне до того, что будет после смерти... ничего не будет; не буду я жить... небожие, т. е. отсутствие ощущений, лучше безотрадной жизни на службе.

Что до настоящего времени, я доказал ему, что теперь не могу служить, оттого что человек не может одновременно сидеть в двух комнатах. Быть от 9 до 2 ч. утра в университетской аудитории и в то же время в Палате — нельзя.

Ну, тут-то я подоврал. В университет-то я не очень шляюсь. У меня занятия исключительно домашние: размышления, писание, чтение. Физика и химия меня не интересуют; физиологией и анатомией я пока не занимаюсь, а астрономией и геологией можно с большим успехом заниматься дома. Об антропологии нечего и говорить.

Я, брат, все никак не могу расстаться с мыслью о том, как бы мне учредить около себя общество из 2, 3 или 4 смертных, с которыми я бы сходил в убеждениях и образе жизни. Шляться бы проповедывать, где можно, атеизм и матерьялизм да возможность отречься от всех законов, обычаев и нравственных убеждений. Ярцева приглашал, — не хочет; не хочет второго, т. е. отречения на практике, вследствие моих вечных разглагольствований, он в теории уже давно стал относительно этих пунктов таким, как я <sup>2</sup>. Ярцев превосходный математик и порядочный метафизик.

---

<sup>1</sup> Так и написал: фосфористые жиры. — Это темно немного и гадательно. Лучше бы сказать: досадного для меня, так сказать, несовершенства движений в нервах.

<sup>2</sup> В моем обществе изящество, красота и удобства жизни не исключались бы. Одевались бы мы как могли хорошо. Удобства жизни — приятное завещание прошлого. (Прим. автора)

Ну, конечно, я не надеюсь своими проповедями (хоть бы большинству смертных, гадающих нашу планету) переломить исторические завещания, но хоть бы нескольких заставить отречься от истории, т. е. того, верней, что завещала она стеснительного и могущего быть отвергнутым отдельной личностью.

Васильковский уехал к отцу, в Малороссию.

Твой брат *Александр*

Евгения, славу богу (ой, вот и прорвалась история — жаль), ничего не пишет, да и я не пишу. Я даже не являлся к ее сестре... Я маленько тогда подпил с Ярцевым и его братом. Да вот и вчера я немного подкутил, взяв, конечно, в долг в лавке. Изредка не мешает. Герцен, так тот уверяет, что «порядочный человек не может не пить, кто не пьет (конечно, не запоем) — тот эгоист» и т. д. См. «Былое и думы», «Полярн. зв.» 1858 г.

Тихонравов<sup>1</sup> пьет тоже, ну и на практике прилагает с нами «теорию относительности» — изредка.

Ботаника и зоология и пр., и пр. меня пока не занимают как науки. Метафизическая часть их, однако, занимает меня. Например виды в зоологии даже очень занимают; нет, не очень, не то я б усердно изучал. Виды занимают по отношению к геогении.

*А. Кропоткин*

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

5 июля 1861 г.

Получил я деньги от отца 24 июня. Рассчитался я с хозяйкой до 12 августа, и с лавочником, и с булочником; даже табак закупил. Прислал отец 60 р. А вчера я получил от него неприятное письмо; пишет, что вследствие освобождения крестьян живет только пенсионом (?!) и потому не может мне высылать ни одной копейки. В завершение всего лезет со службой.

Что касается службы, то я отсылаю ему по этому поводу очень милую страницу. Не знаю только, произведет ли она на него

<sup>1</sup> Проф. Московского университета, историк литературы. (*Прим. ред.*)

то действие, которого мне хочется. Вообрази, не написав «ни одной нелепости», я однако умудрился опозорить гражданскую службу во имя нашего фамильного достоинства. Каково! Например... «Притом желал бы я, чтобы Вы вообразили меня каким-нибудь поганым писцом Департамента, которому всякая дрянь спину повернет; Вы бы не захотели знать меня при убеждениях своих о достоинстве человека порядочного звания. А родные да Ваши знакомые, так те бы просто запирали дверь перед моим носом, потому что в их мнении чиновничка нисколько не лучше холопа... Если же Вы станете приводить примеры, то я скажу: во-первых, что тех людей вы верно с собой не равняете; во-вторых, что если и служат люди, в Вашем мнении равные Вам и сынам вашим, то они проводят мелкие чины не в Департаментах, а у себя дома. Вы подумайте об этом, папаша, что скажут, если я, Ваш сын и носящий вашу фамилию, поступлю писцом в Департамент. Ведь Вы сколько-нибудь дорожите мнением света, так Вам и нечего желать мне службы...» Затем следует, кажется, очень неловкое напоминание, что дедушка содрогнулся бы от одной мысли, что я служу писцом в Палате. Это уж чересчур иронично и может уничтожить эффект предыдущего. Я бы непременно уничтожил это место, если бы не лень переписывать.

В моих словах, как можешь видеть, если прочитаешь внимательней, нет ни одной нелепости. Я просто заявляю нелепые факты, те нелепые мысли действия, которые обнаружались бы в отце, родных и знакомых отца, если бы я стал палатским чиновником. А между тем эта картина, может быть, заставит отца прекратить предложение службы. Стр[аница] о службе кончается так: «...Конечно, люди, которые хотя и дворяне, но все-таки вроде лакеев и мещан<sup>1</sup>, будут говорить иное; но неужели Вы станете их слушать?»

Я бы не задумался опозорить службу и приняв дидактический тон, излагая как бы мои собственные убеждения; да не понадобилось. Что такой поступок, может быть, противоречил бы нравственным идеалам современного мира, об этом я не позаботился. Я не чувствую потребности рабства перед нрав-

---

<sup>1</sup> По происхождению — примечание для тебя. (Прим. автора)



ственным идеалом и во имя идеи, которой не признаю своим властелином, не пожертвую ничем. С той поры, как я освободился из-под ига нравственного идеала, я, кажется, поступаю как бы нравственно только вследствие м и л о с е р д и я. Очевидно, что при таком побудит[ельном] чувстве я спокойно могу делать все, что не доставляет кому-нибудь горя, а следовательно, не возбуждает во мне сожаления. Милосердие же я верно оттого, что довольно развитой человек. Существует философический факт, что чем развитей человек, тем он милосерднее; в его нервной системе сильно возбуждается неприятное ощущение при виде страдания органического существа. И ощущение тем более сильное, чем сродней тому человеку жизнь страдающего существа. См. Лаврова «Теория личности».

Недавно меня посетила славная мысль, уничтожившая во мне очень неприятное ощущение. Для исполнения известного тебе предприятия мне понадобится будущей весной не менее 80 руб. Думал, я думал, откуда достать,—и придумал. Ты получишь при выпуске 500 р. от Александра II; следовательно, 80, которые мне необходимы в случае решительного..., я возьму у тебя. А т. к. тебе дадут 500 р. не весной, а летом, я где-нибудь займу 80 р. до времени твоего выпуска. Расплатиться тебе поручу.

В своем предпоследнем письме (с деньгами) отец написал: «Если ты хочешь, чтоб я тебя знал и делал бы тебе вспомоществование, то вот условие: 1-е помириться с зятем моим Н.П.К. и сестрой твоей<sup>1</sup> и попросить у них прощения в невежествах твоих, им сделанных. 2-е поступить на службу под начальство ген. Тарновского, твоего родственника по покойной твоей матери, или, если этого не захочешь, то в университет настоящим студентом». Что ж до условий, то я согласен, т. е. 1-е сойду с Н. П. К., 2-е поступлю в университет студентом. 1-е можно исполнить хоть сейчас, 2-е будущей весной, потому что просьбы о поступлении подаются весной.

Конечно, в студенты я не поступлю. Что ж до примирения, то завтра пойду к сестре и прямо объявлю, что пришел в их дом потому, что иначе отец не будет высылать денег. Но вот беда,

---

<sup>1</sup> С которой я не думал ссориться.—Примечание мое. (Прим. автора)

оказалось, что просьбы подаются до 14 июля. Как быть? Я узнал это наверно 2 дня тому назад. Отец тоже знает это, ибо упоминает № «Московских ведомостей», где напечатаны положения о приеме в университет. А незнание латинского языка он не примет за отговорку. Пожалуй еще подумает, что я нарочно обманул его, сказав, что просьбы... и т. д.

Я продал свой револьвер за 25 р. и на 30 р. сшил себе порядочную русскую одежду. Рубашка голубая. Выкрашу в черный цвет, когда затаскается.

Моя русская одежда будет готова завтра к вечеру. Твое письмо получил сегодня, 5 июля.

[*Без подписи*]

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Мы теперь в лагере, и я уже начал занятия с Классовским<sup>1</sup>, пока еще греческим языком только за неимением латинской книги, — надули при покупке. Дело идет очень ладно, подвигается вперед очень быстро, у него удивительно хорошая метода, я взял всего 3 урока и уж замечаю сам, что ощутительно подвинулся, — правда, сначала скучны склонения, спряжения и пр. дрянь, зубришь да и только, потом пойдет лучше, когда самому можно будет начать переводить, — но все-таки я доволен тем, что взялся за это, — даром бы протаскался весь лагерь, а теперь занят, работаю довольно и чувствую, что на душе как-то лучше.

\* \* \*

Я купил себе несколько книг кроме греческих и латинских грамматик. «Введение в изучение химии» Жерера, которую теперь и читаю, и «О внешних чувствах» Баландина, — признаюсь, я большего ожидал от нее, впрочем, пожалуй, прочел ее не даром, познакомился с физиологическим процессом, происходящим при передаче впечатлений нашими нервами, с устройством органов чувств. Скоро примусь за «Популярную астрономию» Араго, я купил ее для библиотеки.

---

<sup>1</sup> Классовский, Влад. Игнатьевич (1815—1877), преподаватель Пажеского корпуса; филолог. Классовский, заметив выдающиеся способности П. А., настойчиво советовал ему готовиться в университет и предложил ему давать частные уроки. (Прим. ред.)

\* \* \*

Я умалчиваю об твоей мысли об обществе, ты знаешь, как мои убеждения сходятся в этом с твоими, я еще несколько раз передумал об этом, — остался при том же.

\* \* \*

Что за фантазия писать отцу такие письма? Что он поймет тебя? А не поймет, так к чему же? Ты бы еще по-китайски написал. Твоя цель, чтоб он выслал тебе деньги, а не по-китайски перед ним говорить, он еще, пожалуй, сделает сближение фосфористых жиров со спичками, он об фосфоре не имеет другого понятия, странный ты человек.

Я сегодня получил письмо от Саши Друцкого<sup>1</sup>, — пишет об книгах, между прочим он пишет, что Варенька<sup>2</sup> очень огорчена, что не виделась с тобой, и пр.

Ты, вероятно, знаешь об ней, что она давно влюблена в Ив. Ив. Пушкина<sup>3</sup>, хотели жениться, насилиу устроили, и свадьба будет в январе, конечно, потихоньку (но с согласия родителей), а то могут засадить в монастырь. Конечно, пока это останется между нами двоими, а то могут помешать. Прощай.

*П. Кропоткин*

1 июля 1861, Петергоф.

Через несколько дней мы увидимся. 4-го я еду в Никольское. Я писал об этом отцу, прося выслать деньги, но ответа еще нет, потому что он только сегодня, 30-го, получил мое письмо, но я вчера получил от него 25 р. на доплату человеку жалования, за библиотеку и т. п. Это все подождет, а на эти деньги я еду в Никольское. Надеюсь, что хватит.

Вот почему я еду: 1—увидимся с тобой, 2—мне от 3-го до 27-го деваться некуда, 3-е мы выходим из лагеря, отпуск до 27-го.

<sup>1</sup> Двоюродный брат Кропоткиных.

<sup>2</sup> Двоюродная сестра П. А. и А. А. — Варвара Дмитриевна Друцкая, сестра вышеупомянутого Саши Друцкого.

<sup>3</sup> Товарищ и двоюродный брат П. А. и А. А. Кропоткиных, в то же время двоюродный брат Варвары Дм. Друцкой. Несмотря на свое близкое родство, И. И. Пушкин женился на Вар. Дм. Друцкой. О проекте женитьбы «потихоньку», т. е. без широкой огласки, и пишет П. А. в настоящем письме.  
(Прим. ред.)

В Корпусе никого не остается, я один, надо для меня дежурного офицера и т. п., одним словом, страшная возня из-за меня одного, это тем более неприятно, что глупое фельдфебельство делает это еще более неловким. Петр Николаевич<sup>1</sup> в отпуску, Дмитрий<sup>2</sup> в Стрельне живет с офицером и вовсе не будет мне рад, остается ехать в Никольское. Один товарищ зовет меня к себе в деревню, но это не всем приятно, и с тобой я в этом случае не увижусь. Я выезжаю 4-го в 2 часа, буду в Москве 5-го в 8 ч.; придется переночевать, напиши без церемоний, можно ли у тебя переночевать. Настасия Гавр.<sup>3</sup> здесь, так что у нее нельзя, вероятно ты мне не откажешь в этом.

\* \* \*

Скажу тебе о моих занятиях (математикой) латинским и греческим, что успехи огромные, — я уже прошел спряжения, латинск. и греч. (последние страшно запутанны), теперь разбираю каждое слово. Недалеко ушел, но дальше уйти невозможно, на это употребляется полгода в гимназиях на каждый язык. Классовский говорит разные комплименты, говорит, что в первый раз видит, чтоб можно так много сделать, вообще мастер расхваливать. Зимой, я думаю, что буду продолжать занятия для поощрения, чтоб не залениться, найму какого-нибудь дешевенького студента, только чтоб понуждал заниматься, а то согласишь, что зубрить спряжения и заучивать слова нисколько не интересное занятие, а подвернутся другие занятия, эти совсем и бросишь. Между тем, сделавши так много, одолевши самую скучную работу, жаль бросить: Классовский на это и рассчитывал.

Отец беспрестанно пишет мне то же, что и тебе. «Крестьяне ничего не платят, живу-де одним «пенсионом». Мне написал самое любезное письмо, вообрази, очень доволен, — там Ле-

---

<sup>1</sup> Петр Николаевич Кропоткин, сын Николая Алексеевича Кропоткина, брата отца П. А., гвардейский офицер.

<sup>2</sup> Дмитрий — Дм. Николаевич Кропоткин, двоюродный брат Петра Алексеевича, флигель-адъютант Александра II, позднее харьковский ген.-губернатор, убитый в 1878 г. революционером Гольденбергом за жестокие расправы над политическими каторжанами.

<sup>3</sup> Тетка братьев Кропоткиных.

(Прим. ред.)

ночка, и все письмо так и дышит радостью, даже про тебя и Колю ничего не пишет, между тем как прежде это была обычная тема его рассуждений, особенно Коля в последнее время. Что до твоего письма, то едва ли оно произведет желательное действие, во-1-х, оно слишком противоречит тому, что ты до сих пор говорил, 2-е, он скажет: «слишком возгордился», — «почище его да служат, — всякий должен начать с маленьких чинов». Елиз[авета] Мар[ковна]<sup>1</sup> разовьет эту тему и сейчас заметит поддельный тон, который слишком у тебя проглядывает, — даже она заметит, уверяю тебя.

Потом твоему поступлению в ун-тет, отложенному до будущего года, отец не поверит, — ты его обманывал подобными штуками, тебе придется еще размазывать мысль об этом, делать вид, как будто занимаешься лат[инским] и т. п.

На меня ты можешь смело рассчитывать для своей поездки, только я эти деньги получу не ранее как к концу июня, а потому постарайся занять, я отдам.

Прощай, больше пока писать нечего. 5-го в 9-м часу мы увидимся, м. б. раньше, если ротн. командир предложит мне уехать из лагеря до выступления, сам же проситься не буду.

*П. Крототкин*

30 июля 1861 г.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Пишу тебе, милый Саша, только чтоб дать весточку о себе, не пишется что-то, я не в духе, грустно, почему? Бог весть, хандрю.

Араго<sup>2</sup> я тебе не посылаю, потому что еще не получил, ждут инспектора, чтоб отдать его, а инспектор в Москве, болен, будет не ранее 15-го. Я видел его и даже пользовался для справок. Он лежит в кабинете инспектора около классов, а я там занимаюсь по правам фельд[фебеля].

Недавно написал отцу условия, чтоб заниматься в Академии<sup>3</sup>. Нужно не мен. 200 р. до мая 1862. Теперь в Академии

<sup>1</sup> Мачеха.

<sup>2</sup> Книга «Общепонятная астрономия» франц. астронома Араго, вышла в русск. пер. в 1861 г.

<sup>3</sup> Академия генерального штаба.

(Прим. ред.)

два отдела, технический и фронтной. В техническом (я верно туда пойду) только 4 предмета — химия, математика (интегр. вычислен.), то же недурно, и арифметика и баллистика. Потом во 2-м классе еще теор. механика. Следовательно сносно. Верно туда пойду.

Прощай. Больше что-то не пишется.

*П. Кропоткин*

7/IX—61.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

23 сентября 1861 г.

Ну, брат, я просто не знаю, что делать. Отец все пристаёт со службой, писал, что тогда только станет высылать деньги, когда я соглашусь служить. Ну, я и согласился; я тебе писал, что намерен был делать: отдавать переписывать свои бумаги за жалование, а жить на отцовские деньги; конечно, я этого не писал отцу, а просто изъявил свое согласие. Между тем в ответ на это он написал Леночке: во-первых, что не намерен доставать мне место, да что и сестру просит не доставать, во-вторых, что денег на содержание, а также и на одежду высылать мне не будет.

Ну, что тут будешь делать? Рассчитывая—очень естественно—на отца, я занимался в области науки только тем, что мне было интересно, а ни наука о знании, ни астрономия, ни геология, ни антропология вообще, ни метафизические теории не могут доставить денег. А более я ничего не знаю, так что уроками не могу пробавляться, если бы даже они и нашлись. В лакеи, ремесленники и т. п. — хуже, чем умереть. Служба?

Да, вот вчера просил сестру, думаю — месяца два ничего, пострадаю, а там отец уже непременно станет высылать и приведу я в исполнение вышеизложенный проект. А место-то, говорит Леночка, раньше трех месяцев никак нельзя достать. Чем же мне жить, скажи ради всех чертей (которых нет).

Я написал отцу письмо, в котором умоляю его выслать мне хоть 65 р., которые уж должен он мне, чтобы мог я расплатиться, с кем надо. Но положим, что он и вышлет; у меня все-таки после расплаты ничего не останется.

Да и у Васильковского кроме 8 р. в месяц за уроки ничего нет. Был у него банковый билет, да уж теперь и помину нет о нем, — заплатили хозяину, да прачке, да 5-е, да 10-е, смотришь, осталось несколько рублей, да и то если эти 18 р. у него не возьмет сегодня или вчера не взял один заимодавец.

А ведь первого октября надо опять за месяц вперед внести 20 р. за стол и квартиру; а мелочные расходы: чай, сахар, хлеб, прачке, табак, освещение, бумага, письма и пр. и пр.

Если до 1 октября мне с неба не свалится какое-нибудь обесценивающее нечто (место, занятие, деньги) — я сделаю следующее: 1) куплю полушубок (займу денег), 2) ружье в 3 руб., 3) пороху, пистоны, дробь, 4) достану денег на ночлеги и обогревание днем на два-три месяца по 5 коп. в сутки, затем уйду из Москвы, куда глаза глядят. Пока службу достали б, пришлось бы здесь умереть с голода. Так пойду ж я и перейду в то «естественное состояние», о котором мечтали философы прошлого столетия. Жаль только, что ружье и т. д. все это плоды цивилизации. Питаться буду какими-нибудь птицами, которых застрелю, конечно: именно, галками, воронами, голубями. Жарить буду на вертеле, и, уж разумеется, без масла.

Что ж делать, Петя, один исход! Невесело это «естественное состояние», да оно одно и остается на выбор. Нет никаких средств достать денег на прожитие 3 или 4 месяцев до первого получения жалования на службе. Может быть, я не уйду далеко от Москвы, попрошу Леночку все-таки искать место, и когда будет готово — вернуться; а может быть и совсем останусь в «естественном состоянии» до смерти отца, если доживу до нее. Испытаю, что значит «естественная воляность».

Я читаю теперь «Principes de Géologie» Lyelle, — превосходно, восхитительно! Куда все эти Котты и т. п. Ведь я с Ляйелем одинакового воззрения на геологические перевороты; не мудрено, что наслаждаюсь более чем над другими геологами. [Кто нашего прихода — тот и хорош — всегда так бывает]. Я добивался этой книги с 1859 г.

Только вот в чем беда; чтоб перейти в «естественное состояние» надобно денег. Право парадокс, да так; в том-то и дело, что состояние не совсем «естественное». Ко мне просится один молоденький паренек, брат Ярцева. А если его взять, то мало будет и 25 р.; одни полушубки двоим 12 р. — Притом я боюсь, чтоб этот паренек не стал раскаиваться, пожалуй не вынесет нужды, холода, голода и начнет роптать. Я уже выставлял ему всю бедственность положения, но он все одно твердит: возьмите, возьмите, с вами готов хоть куда. Оно, брат, и лестно видеть такую привязанность, да лучше б вдвоем было, притом я б этого господина начал обращаться на путь истинный, только как-то страшно; что если это его погубит. Я-то положим или умру, или уж никак не сгибну,—а он-то?

Вот, брат, и думай, что делать. Даже для того, чтоб перейти в «естественное состояние», надо по расчету 26 р., а где их взять. 3 р., положим, есть, Леночка вчера дала, 3 р. достану еще где-нибудь, а затем — аминь, негде. Просто не знаю, что делать.

\* \* \*

А р а г о погоди высылать, ибо вернее всего, что 1 октября я уйду.

О петербургских делах ничего не пиши, чтоб не попасться; в с е з н а ю <sup>1</sup>.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Твой план ни к чорту не годится, только с отчаяния и могла притти в голову подобная нелепость. Я знаю, ты страшно самолюбив, из-за моего письма ты плана своего не переменишь, но подумай, тут куча препятствий. 1) Тебя постараются не выпустить кредиторы из Москвы, если ты не расплатишься, 2) надо денег для перехода в «естественное состояние», а если ты их достанешь, то ты можешь употребить их более лучшим образом

---

<sup>1</sup> Под «петербургскими делами» А. А. подразумевает студенческие волнения в Пет. университете осенью 1861 г. Несмотря на предупреждение брата, П. А. в письме от 30 сент. (см. ниже) тем не менее говорит довольно подробно об этих «петербургских делах». (Прим. ред.)



в Москве. В твоём естественном состоянии жить тебе будет нечем, галок не так легко стрелять, как кажется, — близко не подпускают, да и стрелять ты не умеешь, а потом, хоть будь у тебя или не будь вид, тебя непременно сочтут за бродягу и упрячут куда-нибудь.

Сверх того, еще не все потеряно. Напиши отцу «повразумительнее» без ученых слов, которые тут только портят, я с своей стороны тоже напишу. Чорт возьми, наконец извинись перед ним еще раз, неприятно, — но что же делать, твое безвыходное положение тоже неприятно. Наконец попытайся сходить к Пушкиной, попроси ее написать отцу, жаль Друцкой нет, та сумела бы, разве ей написать, она в Можайске. Наконец, если б только расплатиться за прошлое, как-нибудь проживешь еще месяц, два, а тем временем отца можно будет образумить, а я не теряю надежды, что он сколько-нибудь вышлет. Ты ошибаешься, ты можешь учить, давать уроки, прочитавши историю, географию, ты в состоянии будешь ее передать другому, и, поверь, передашь вдесятеро добросовестнее и лучше, чем любой учитель; наконец, отец, узнавши, что ты даешь уроки, скорее всего вышлет денег. А твой план положительно неудовлетворителен. Подумай, ты вероятно лучше меня можешь придумать что-нибудь, но не решайся на этот переход, что за жизнь будет, сам твердишь—тебе нужно время для занятий, а тут будет оно? а месяца 2 так проскитаться, — ух как неприятно! Еще, ради бога, или кого там хочешь, одним словом подумай, не вздумай брать с собой Мишу Ярцева, зачем его впутывать, хоть он и сам навязывается, а почему ты знаешь, что он тебя сам не будет потом ругать, — а если он заболит? Сам заболит, приятель, взятки гладки, брат с тебя нечего, а заболит товарищ, за тебя возьмутся, плата за ночлег, пожалуй за присмотр, — ты не забудь, что ты под Москвой будешь, а не в благословенной степной губернии, где все это можно было даром бы сделать. Наконец могут быть сотни случайностей.

Подумай.

Чорт возьми, письмо безалаберно вышло, но чорт с ним. Прощай!

*П. Кроткин*

25 сентября 1861 г.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

30 сентября 1861 г.

Что, брат, вот какая штука вышла: Леночка без меня распорядилась, отрекомендовала меня Тарновскому, да отцу написала, чтобы денег высылал на прожитие и на обмундировку. Авось вышлет. Если вышлет, поступлю в Дворцовую контору здесь, а там посмотрим, что будет...

Если же отец ничего не вышлет и нельзя будет поступить — по неимению платья, — да если еще какого исхода не сыщется, одна дорога — в «естественное состояние».

\* \* \*

Здесь, брат, у нас в университете чорт знает что делают, не то что у вас. Никакого единодушия — ничего. Мы вот что намерены (несколько человек) сделать: в понедельник или вторник увлечь студентов к попечителю, требовать, чтобы он от имени университета требовал реформ, каких мы захотим. Университет закроют после этой демонстрации, за нашим последуют прочие, тогда авось добьемся. Если ж к попечителю не пойдут, мы, несколько человек, выкинем какой-нибудь скандал, чтобы закрыли университет. Закрытие нескольких университетов авось подействует на Александра.

С нашими скотами-студентами, брат, ничего лучше не сделаешь. Начали было подписку собирать, чтобы адрес составить, да вышла разногласица — начали теперь отступать и те, которые согласились было, вообще конца не предвидишь.

«Араго» погоди высылать.

А. Кропоткин

Напиши немедленно и подробнее, что делается теперь в Петербурге.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург, 4 окт. 1861 г.

Письмо твое получил вчера, но не отвечал вчера, потому что некогда было.

Вот что у нас делается.

Ничего хорошего, — везде подлость, мерзость, гадость. В понедельник на прошлой неделе, кажется, было собрание студентов университета<sup>1</sup>. Университет закрыт, студенты собрались, была сходка, совещались о мерах, которые нужно принять. Приехало все начальство, Ник. Никол., Михаил Николаевич<sup>2</sup>, а Филипсон<sup>3</sup> удрал. Потребовали войска, подняли Финляндский и Гатчинский полки по тревоге и т. п. Эскадрон гвард. гренадер был вызван. Студенты ходили к Филипсону гурьбой по Владимирской, потом шли торжественным шествием по Невскому с полками, за ними следовали жандармы, но тронуть не могли, не за что. Университет закрыт за то, что читали (говорят) прокламации в университете, там закрыли комнаты, где курили и где были сходки, запечатали, представили инвалидов и т. п. Делали пошлости. Наконец, после всего закрыли. За это и начались «уличные беспорядки».

В понедельник на прошлой неделе сходка была важнее, «демонстрация» сильнее, потребовали войска. Патруль (от полиции) студенты приняли насмешками, ругательствами, он должен был уехать. Несмотря на войска и прочее, сходка продолжалась, говорили спокойно, совещались (о чем — не могу сказать наверное). Студентов хотели разогнать войском, отесняли понемногу, говорят, было скомандовано на руку, но оставили. Михаил Николаевич был против этого, вообще против того, что подняли войска. Некоторые говорят, что вообще он сочувствует студентам, что он в совете громко ругался за все эти меры. Очень может быть, он вообще довольно симпатичная личность. Зато Николай Николаевич<sup>4</sup> — увы!.. Впрочем он теперь уехал.

Начали хватать студентов, ловить всех, кого вздумается агентам тайной полиции. По всему городу ходят патрули, разьезды, в частях стоят команды, полки в готовности высту-

<sup>1</sup> Между прочим студенты всех приглашали притти на сходку, если кто сочувствует. Звали на улицах, звали, если кого встречали у знакомых. (Прим. автора)

<sup>2</sup> Великие князья, братья царя. Царь в это время был в Крыму.

<sup>3</sup> Филипсон, Гр. Ив., генерал, сенатор, известный деятель по покорению Кавказа. В 1861 г. был назначен попечителем Петербургского учебного округа, но после студенческих волнений подал в отставку.

<sup>4</sup> Брат царя.

(Прим. ред.)

пить, караулы усилены. Беспреданно встречаем жандармов командами, их видели, идут, остановятся у фонаря, запишут что-то. Идет студент ночью. Сзади подкрадется агент 3-го отделения, ударит по башке, за ним двое, и вяжут. Потом отводят и сажают повсюду в крепость, части и т. п. Говорил один дворник, что на Владимирской около дома Филиппсона, если сходились студенты, то по звонку дворники должны были собираться и вязать, кого укажут. Дворник простодушно объяснил: «ну и вяжешь, а он норовит драться, ну и заедешь в морду». Так ловят несметное количество. На-днях, в понедельник на этой неделе, было сходбище, вероятно, около университета, видели очевидцы—такое шествие: впереди войска составляют цепь, по бокам тоже, жандармы тоже составляют цепь, идет взвод, за ним 16 студентов, взвод, еще 16 студентов, взвод, цепь, жандармы, за ними несметное количество городских. Это торжественное шествие после сходки от университета по Тучкову мосту в крепость.

Арестованных много, до 300 по слухам. Но вот факт. Один подрядчик просил знакомого мне фабриканта поставить непременно нынче или завтра 53 одеяла для студентов в крепость. Верно же были одеяла прежде и потребно 50. А в частях их тоже очень много. Офицер говорил, что он должен был послать команду с унтером, чтоб перевести из одной части в другую студента. Его сдали связанного. Он приказал развязать, чтоб вести по улице. Таких фактов бездна.

Интересно вот что. Студентов переловлено до 300. Но они не унывают нисколько, всякого встречаешь с веселой физиономией.

Назначена сходка, всем это известно, войска выстроены, везде жандармерия. Ничего. Все приходят, говорят. Требуют, чтоб разошлись. Расходятся не раньше, как если оттеснят войском или когда кончат сходку. Вообще характер сходок не более как «демонстрация». Хотят добиться, чтоб открыли университет, и избавиться от матрикул<sup>1</sup> и пр. стеснений.

---

<sup>1</sup> Причиной волнений послужило то, что вновь назначенный в 1861 г. министр нар. проsv. адмирал Путятин принял целый ряд мер, стесняющих свободу студентов. Одной из таких мер было введение «матрикул»,

Они очень мирно все это делают, не стесняясь, но без лишних выходов, все хладнокровно. Общество им сочувствует. Медико-хирург. академия за них. Артиллерийское училище тоже. Там должна была быть сходка, но не удалось, развели мост Литейный и, что забавно, поставили барку, как будто она должна пройти, но она простояла так несколько часов не двигаясь.

Мих. Николаевич был в Арт. училище, говорил, как говорят, очень дельно, просил не вмешиваться, надеясь вызвать сочувствие к себе, и наконец спросил, сочувствуете ли вы мне? Многие вообще приняли очень холодно. Говорят, очень шумели в понедельник, кричали, что картечью их бы надо и т. п. Но это говорят.

Прочее все положительно верно, где только слухи, я поставил говорят.

Никто не предвидит, чем все это кончится, — исхода нет, в военных кругах только одного хотят — пороха. Этим думают оправдать перед государем то, что выводили войско и придавали такой важный характер закрытию университета. У нас шутят, пустяки.

Между прочим сидят в крепости В. Костомаров <sup>1</sup>, Н. Костомаров <sup>2</sup> (как говорят) и пор[учик] Энгельгард под арестом.

---

т. е. особых билетов, которые студенты должны были получить в управлении университета и затем предъявлять каждый раз при входе, причем нежелательным элементам матрикеры не выдавались, и тем самым студент изгонялся из университета. Наконец, чтобы остановить наплыв в университет демократических элементов, было отменено освобождение от платы бедных студентов. Этими мерами правительство хотело приостановить развитие революционных идей среди студенчества. В это время в Петербургском и Московском университетах стали возникать многочисленные студенческие кружки с радикальным направлением и среди студентов были сильно распространены литографированные издания произведений Фейербаха, Молешотта, Бюхнера и французских социалистов.

(Прим. ред.)

<sup>1</sup> Костомаров Всеволод (1839—1868), писатель. Во время ареста на допросе выдал Н. Г. Чернышевского, благодаря чему Чернышевский и был арестован в июне 1862 г.

<sup>2</sup> Костомаров Н. И. (1817—1885), известный историк, проф. Петерб. универ. Во время студенческих волнений 1861 г. он не был арестован, но после волнений и закрытия университета он вышел из состава профессоров Петерб. университета. (Прим. ред.)

стом. Наша надежда, русский химик <sup>1</sup> и тот попался за то, что проходил по Литейной и поругался с кем-то из высшей полиции. Н. Н. <sup>2</sup> хочет его выгнать, он только что и надеется, что на Михаила Николаевича.

Между прочим поймали агента 3-го отделения, который распространял слухи, что в воскресенье будет сходка у Казанского собора, в надежде, что соберутся и будет стычка. В Пажеский корпус приходил мужчина, переодетый в женщину, узнавать, что думают пажы о студентах и т. п. Говорил, что в воскресенье будет назначена сходка для всех *не до в о л ь н ы х*, за Шлиссельбургской заставой б. собраны войска, и решено ввести в дело *а р т и л л е р и ю*, если сходка состоится и не будет расходиться. Оказалось выдумкой — сходки не было.

Все недовольны действиями Паткуля, Игнатьева и Шувалова <sup>3</sup>.

Подлость, мерзость, гадость.

Я тоже писал об тебе отцу в довольно энергичных выражениях, подействует, я думаю.

\* \* \*

Ты знаешь, что я решил итти в Академию, надо б уроки брать. Должно бы стоить около 200 р. Я написал отцу, полагаясь на его обещание, и получил отказ. Доходы-де плохи, эмансипация виновата.

Я не знал, на что решиться; будущность вольношатающегося опять была вызвана на сцену, я стал серьезно о ней подумывать. Но вот сегодня получил письмо от Каминского, офицера в Арт. академии, с которым хотел было заниматься. Я передал ему через одного товарища, что не могу с ним занимать-

<sup>1</sup> Подразумевается Менделеев Д. И., который в это время был приват-доцентом Петерб. университета.

<sup>2</sup> Великий князь Николай Николаевич (старший).

<sup>3</sup> Паткуль. Ал-др Влад., генерал-адъютант, петерб. обер-полицеймейстер в 1861 г. Игнатьев, Пав. Никол., генерал-адъютант, был в 1861 г. генерал-губернатором в Петербурге. Шувалов, Петр Андреевич, управляющий III отделением «собствен. е. и. в. канцелярии», позднее (1866—1874 гг.) шеф жандармов. (Прим. ред.)

ся, тот, вероятно, объяснил почему, и вот письмо, которое я получил:

«Все-де заставляет думать, что домашние обстоятельства несколько мешают вам заниматься математикой, так как вы этого хотели. Я знаю вас из слов Хрещатицкого (одного товарища казака, я говорил тебе про него) и наконец я знаю вас лично (я видел его раз 6), а потому осмеливаюсь вам предложить: отбросив все светские предрассудки, столь вам несвойственные (отбросьте их из любви к науке)».

...В заключение: «Еще раз скажу вам, отбросьте все предрассудки и пользуйтесь, если только я вам могу быть полезным. Предложить это вам было почти моею обязанностью, ибо я сам безвозмездно пользовался уроками 2 года».

Жду ответа.

Весь ваш Ефим Каминский».

Вот какого рода письмо. Он простой, честный малый, поляк, любит математику страстно и не принадлежит к числу тех математиков, которых так много в Корпусе и о которых мы говорили с тобой. Отказаться почти нет возможности, принять не совсем ловко; я нахожусь в затруднении, но, кажется, переговорю с ним завтра и соглашусь заниматься 1 час в неделю. Буду проходить сам, а с ним просматривать что потру нее.

Приходилось плохо, надо было итти в Академию, и я готов был решиться заниматься сам, не итти же во фронт, ты это знаешь, я не раз тебе писал и говорил.

Напиши мне твое мнение об этом (на оба предложения).

Араго я могу выслать теперь.

*П. Кротопкин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Извини, Саша, что я не писал тебе довольно долго, — положительно некогда было, целые дни завален был работой. Занимаюсь математикой. Мой учитель славный малый, любит математику от души, читает прекрасно, и проходит очень скоро, много приходится работать. Да к тому же подоспела надобность к классам подзаняться, я запускаю по-части, так что времени выдавалось очень немного. А ты отчего не

пишешь? Ведь тебя выпустили (мне говорил Петр Николаевич<sup>1</sup>). Кстати, как он тебе понравился? Письмо Васильковского меня несколько не удивило, я был уверен, что ты примешь деятельное участие и что тебя упрячут, был до того уверен, что, разговорившись с одним товарищем о здешних мерзостях, я сказал ему и про тебя и вполне уверенно говорил, что ты будешь сидеть где-нибудь. Напротив, письмо Васильковского меня успокоило. Один господин, рассказывая мне о том, что было в Москве, по письму из Москвы, которое ему читали, сказал, что в числе пострадавших есть, кажется, какой-то Кропоткин, и говорил, что там сказано, что чуть ли он не ранен<sup>2</sup>.

Я ждал письма от Вас[ильковского] и немного удивлялся, что так долго его не было. Теперь же ты выпущен, что же ты ничего не напишешь, что тебе намерены сделать и т. п. Петр. Ник. говорит, что вероятно арест вменят в наказание и не более. Правда ли?

Между прочим наш Желтухин приехал на-днях из Москвы и говорил мне, что слышал в «городе», что тебя арестовали, что ты что-то ответил попечителю вроде того, что долг всякого порядочного человека был присутствовать при сходке и заявить свое сочувствие, что-то вроде этого. Желтухин не мастер выражаться.

Что здесь делалось? Ты вероятно слышал и читал. Последние штуки Преображенского полка просто гадки, со временем м. б. расскажу, если ты сам не знаешь, как оно было на самом

<sup>1</sup> Двоюродный брат П. А. и А. А.

<sup>2</sup> Речь идет о студенческих волнениях в Москве, в которых А. А. Кропоткин принимал активное участие. Студенты большой толпой направились от университета по Тверской ул. к дому генерал-губернатора (ныне Дом Мос. совета). На Тверской площади, против гостиницы «Дрезден», на студентов набросились полиция и дворники. Это побоище получило название среди студентов «дрезденской битвы» (по имени гостиницы «Дрезден»). Много студентов было избито, арестовано и посажено на съезжую. В их числе был и А. А. Кропоткин, который был после этого исключен из числа вольнослушателей. (О студенческих волнениях в Москве в 1861 г. см. воспоминания П. Д. Шестакова под заглавием «Студенческие волнения в Москве в 1861 г.», «Русская старина» 1898 г., том 60).

(Прим. ред).



деле. Вся эта подлость меня возмущала, просто кровь портила, чорт знает что!

А теперь ничего себе, наполняется университет студентами, тех, кто не хочет брать матрикулу, отсылают на место рождения, так одного господина, который родился и прожил только несколько лет на Кавказе, отсылают туда, ну он и берет матрикулу, словом, мера, нечего сказать...

Про себя скажу, что мне теперь хорошо живется, целые дни занят, математика идет хорошо. Потом теперь принялся за изучение французской революции и периода после нее, теперь я дошел до этого, так что времени свободного нет, только раз в неделю хожу в манеж, геморой разбить, а то слишком много сижу, да раз на стрельбу, уметь стрелять из штуцера, может быть, пригодится когда-нибудь. Не правда ли?

Вообще в настоящее время я чувствую себя хорошо, — день все кажется слишком коротким, дня не хватает, да к тому же снова встают вопросы о материализме и пр. Вообще я замечаю, что постепенно склоняюсь более и более к твоему образу мыслей об общем устройстве и пр., сам как-то приискивая доводы, я уже как-то несколько раз развивал их.

Прощай, уж очень поздно. Завтра рано вставать.

*П. Кроткин*

3 ноября 1861 г.

Надо будет скоро Леночке написать, поблагодарить за подарки, не говори ей, что получил от меня письмо.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

7 декабря 1861 г.

Не писал я долго потому, что все ждал денег — ты угадал. Ждал со дня на день, каждый вечер спрашивал своего Ивана<sup>1</sup>, нет ли писем, и отец с тех пор, как я приехал из деревни, ничего мне не присылал, так что Араго послать решительно было не на что, тем более, что книга довольно тяжела и,

<sup>1</sup> Денщик П. А.

(Прим. ред.)

будучи в полной уверенности, что завтра может быть получу деньги, я и не писал. Теперь посылаю Араго, — держи, сколько хочешь, у меня в распоряжении русский перевод. Ты увидишь, что чертежи перепутаны, некоторые находятся в конце IV тома, впрочем ты сам разберешь.

\* \* \*

Недавно я раздумывал, отчего наша переписка такая вялая сравнительно с прежней, неужто меня не интересует ничто, что бы могло заинтересовать тебя, что я тебе никогда не пишу такого, над чем можно остановиться, что бы подало повод к переписке, как прежде? Не поверю этому. Обо многом мы могли бы переговорить и сошлись бы мы с тобой в мнениях, конечно, более, чем ты предполагаешь. Ведь тогда решали мы отвлеченные вопросы, об которых каждый мог исписывать листы, тогда ты разрушал мои верования, писал об своих сочинениях, я возражал, я отстаивал старое, а то высказывал свои мнения в виде предположений. А теперь? Теперь не то. Ты высказываешь мне напр. свои убеждения относительно чего-нибудь. Я с тобой не соглашаюсь больше в подробностях, об этих подробностях стоило бы только переговорить, перекинуться словом, и я пожалуй бы и согласился, но излагать это в письме очень трудно, да и не стоит. Потом ты сам заметишь, что я после, может быть, соглашусь, но соглашаюсь-то я туго, и не путем одних отвлеченных рассуждений, а больше вглядываясь в факты, напр. в вопросе о пролетариате, об том, что скоро предстоит громадный переворот в обществе, ты давно мне это высказывал. Что же мне было тебе ответить? И да и нет. Может быть будет, а может и нет. А теперь, когда я перечитал о том, как живет несчастный рабочий в Англии и во Франции<sup>1</sup>, когда меня несколько раз дрожь пробирала читая это, когда я убедился, что теории политической экономии тут не помогут, тогда я сделался таким же, если не более даже, горячим защитником пролетария, как и ты.

---

<sup>1</sup> Петр Алексеевич говорит здесь о статье Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», напечатанной в «Современнике» в № № 9 и 10 за 1861 г. Эта статья представляет изложение книги Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Статья Шелгунова произвела сильное впечатление на девят-

Наконец сколько мелочей я бы мог тебе передать о самом себе, сколько заметок над моим характером, а вздумай я писать об этом, выйдет, пожалуй, чепуха, бессмыслица, а переговорить есть кое о чем.

Знаешь ли, мне пришел на ум твой приезд в Петербург, мы сидели по получасу молча или переговариваясь чуть ли не о погоде; неужели же не об чем мне было говорить тебе? Вздор.

Наконец прибавь к этому, что я вообще туго высказываюсь, и право, я даже несколько конфузился, т. е. не конфузился, а так как-то мне не совсем ловко было тебе высказываться, и не снюхались, как ты заметил. А почему не снюхались? Ведь не в 1-й раз свиделись; а потому, что я тебя из писем-то твоих знал, да другим немножко знал, чем ты есть на самом деле, да и ты меня также знаешь, хоть и не хитрим друг перед другом.

Погоди, поживем вместе, лучше узнаем друг друга, может быть как-нибудь и сойдемся ближе на деле.

Да, что ты пишешь о своем мирозерцании, последняя фраза непонятна, сам виноват, темно выражаешься.

\* \* \*

Ну, баста, написал я довольно, самым безалаберным образом, я всегда стараюсь только набросать, да ты это и по почерку заметишь, потом я из набросанного, может быть, и сумел бы что-нибудь сделать, только всегда приходится писать совершенно вновью, в письмах же не стану этого я делать, да и нет надобности, мы все-таки, надеюсь, пойдем друг друга.

\* \* \*

К чему ты зовешь Колю? Что ты ему дашь? Ваня Кроп[откин] <sup>1</sup> так же скоро тебя бросит, как и всякого другого, когда ты ему наскучишь, а Коля <sup>2</sup> тебя же будет упрекать, будет надоедать и пр., сколько я могу судить по тому, как я его знаю.

---

надцатилетнего П. А., и он написал о ней рецензию, напечатанную в журнале «Книжный вестник» № 24, 31 дек. 1861 г. Эту рецензию можно считать первой печатной работой П. А. Кропоткина.

<sup>1</sup> Двоюродный брат П. А. и А. А.

<sup>2</sup> Старший брат.

(Прим. ред.)

Ты кутишь, к чему? Хорош ты в пьяном виде? пей, нализывайся время от времени, но не без просчета, да и Искандер, кажется, советует напиваться только время от времени, с этим я согласен, бывает приятно иногда забыться и заснуть. А здоровье твое? Смотри, наживешь себе разной венерии.

А, *il faut faire de l'argent*<sup>1</sup> несогласен.

Прощай.

*П. Кропоткин*

Твое письмо получил только сегодня, мой человек задержал его, — сунул в ящик и забыл отдать. Араго высылаю завтра.

8 декабря. Посылка опять не готова, а письмо и так уже запоздало, я его отсылаю сегодня, а посылка, верно, пойдет завтра.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

23 декабря 1861 г.

«*Astronomie populaire*» я получил; благодарю тебя. Ты сожалеешь о былом времени, когда наша переписка была оживленной. Самому мне досадно, брат, что она идет вяло и что мы уже не решаем ничего общими усилиями.

У тебя еще много есть таких убеждений и отношений к разным вещам, которых ты не подвергал строгой критике. Ты признаешь еще много догматов и поклоняешься еще многим кумирам. Переписка à la былое время изменила бы тебя. Критика всевозможных догматов и разоблачение всяких кумиров — мое высшее наслаждение, моя специальность. Если бы с твоей стороны я нашел сочувствие, я бы помог тебе. Мне бы хотелось, чтобы ты не признавал ничего святым и ни перед чем не преклонялся; мне бы хотелось также, чтобы догматы свои ты подвергнул критике; чтобы если и пришлось тебе возвратиться к некоторым из них, то чтобы возвратился ты к ним не как раб, а как сознательный человек. Например, что касается до нравственного догмата, мне бы хотелось видеть тебя справедливым не во имя справедливости самой, как до-

<sup>1</sup> Нужно добывать деньги.

(Прим. ред.)

гмата, но по влечению неспособной к обиде твоей собственной природы, если она такова; тогда бы ты мог говорить: я не могу обижать, я не могу не быть справедливым, а не «я должен». Тогда б даже нельзя было, собственно говоря, сказать, что ты возвратился к догмату; ты был бы справедлив не по догмату, а по влечению и строению мозгов своих. Что ж до кумиров, мне бы хотелось, чтобы ты совсем перестал преклоняться перед ними — необходимый результат критики. Ты, например, уважаешь науку, талант, ум, человека, падаешь ниц перед идеями равенства, братства, свободы. Что за рабство такое? Что за религия? Что ты нашел во всем этом? Чем например наука лучше солнца, земли, чернозема, хлеба? Я не понимаю уважения.

Но не вызвать тебя, Петя, на переписку вроде прежней. И устно, и письменно случалось мне начинать; ты не продолжал.

По всей вероятности, я после праздников приеду в Петербург доставать денег. Прошу об этом пока ни к кому не говорить. Так надо. Даже товарищам не надо говорить.

От отца писем не получаю.

*Кн. Александр Кропоткин*

Мой адрес теперь: на Плющихе, в д. Дороган. Я живу один. Хозяин д. Сазонов попросил меня съехать за то, что я в пьяном виде 14 декабря спихнул его в шею с лестницы и поломал всякую дрянь.

А Васильковский расстался со мной, он уверяет, что заниматься в одной комнате двоим трудно.

## 1862 год

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

6 января 1862 г.

Посылаю тебе вместо привета на Новый год следующие стихи Михайлова, переведенные из Гейне:

Брось свои иносказанья  
И гипотезы пустые!  
На проклятые вопросы  
Дай ответы нам прямые.  
Отчего под ношей крестной  
Весь в крови влачится правый?  
Отчего везде бесчестный  
Встречен почестью и славой?  
Отчего? Иль силе бога  
На земле не все доступно?  
Или он играет нами?  
Это подло и преступно!  
Так мы спрашиваем жадно  
Целый век, пока безмолвно  
Не заткнут нам рта землю...  
Да ответ ли это, полно!

Надеюсь, эти выстраданные стихи не нуждаются в комментариях.

Недавно я написал небольшую прокламацию, составленную по «Великоруссу»<sup>1</sup>, но краткую. Я ее уже начал рассылать

---

<sup>1</sup> Под таким названием в 1861 г. вышли первые в России нелегальные листки, исходившие, по некоторым предположениям, из кружка лиц, близких к Чернышевскому. Листки распространялись среди интеллигентных кругов Москвы и Петербурга и, как мы видим, с ними был знаком и Александр Алексеевич Кропоткин. Всего вышло три листка.

по губерниям, а вероятно скоро она будет отлитографирована. Вот она (она обращена к дворянам):

«Россия находится в очень опасном состоянии. Крестьяне недовольны «Положением 19 февраля». За обнаружением их везде последовали бунты. Поголовного восстания оттого только не было, что народ принимает «Положение» за указ, имеющий силу только до весны будущего года. Если к тому времени крестьянам не отдадут даром ту землю, которой они владели до сих пор, они подымутся поголовно, настанет пора самых неистовых мятежей. Недовольный, обманутый в своих надеждах, народ истребит всех дворян. Остановить его будет н е в о з м о ж н о; он слишком многочислен, весь не перестреляешь. Да войска, при общем восстании, и не станут стрелять в народ.

Итак, во имя о б щ е г о блага, надо освободить крестьян с землей без выкупа, избавить их от всяких повинностей относительно помещиков: в некоторых деревнях крестьяне требуют себе всю помещичью землю; бояться этого нечего; получив даром свой прежний надел, они успокоятся.

Вознаграждение за землю; отходящую к общинам, помещики могут получить от государства. Устроить это очень легко при самом умеренном косвенном налоге. Рубля 4 в год с каждого имущего русского, и в несколько лет дело кончено. Всем будет лучше, если крестьянский вопрос решится благополучно — все пусть и примут участие в вознаграждении помещиков.

Устроить это вознаграждение было бы вдвое легче при лучшем состоянии государственной казны. В настоящее время

---

Программу «Великорусса», повидимому, разделял А. А. и он решил пропагандировать идеи «Великорусса», составив приводимую им в письме «прокламацию». «Великорусс» обращался «к просвещенной части нации» с призывом «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства». Программа «Великорусса» заключалась в требовании отмены «сословно-крепостных отношений» и созыва народных представителей для выработки конституции. Вместе с тем «Великорусс» предлагал радикальное решение национального вопроса — отказ «от насильственного удерживания других цивилизованных племен в составе нашего государства», вывод войск из Польши и отказ от всей Украины. Этими требованиями «Великорусс» и объясняет свое название. В общем лиц, составлявших листки «Великорусс», можно считать конституционными демократами.

(Прим. ред.)

она находится в самом жалком положении. Главные причины этому: содержание огромного войска, шальные траты на Двор и царское семейство; да владычество над Польшей, поглощающее десятки миллионов рублей.

Наше судопроизводство так же плохо, как и финансы; администрация положительно дурна; законы же надо изменить почти все без исключения. И это главное.

Как средство наиболее мягкое помочь беде предлагаем следующее:

Подать государю Адрес о необходимости коренных преобразований. В гостиных, клубах, на съездах, собраниях, словом, везде, где можно, надо распространять эту мысль.

И осуществить ее как можно скорее. До весны будущего года недалеко.

Составить Адрес надо следующим образом: 1) изложить недостатки нашего общественного и политического устройства; 2) просить разрешения послать в одну из столиц выборных представителей от всей Руси для составления конституции, нового Свода законов и для благоразумного решения крестьянского вопроса. Подача Адреса—дело дворян как людей более или менее образованных. Общее желание дворян будет исполнено. Если дворянство, в самом непродолжительном времени не одумается, патриоты обратятся к народу. А с народом мы поведем иные речи».

Проект о 4 р. принадлежит мне; я рассчитал. С одного чая посредством акцизной пошлины (фунт чая уже продается 20 и более коп. дешевле прежнего, а к апрелю будет еще дешевле; говорят, что 2-рублевый будет стоить 65 к. с.) можно ежегодно набирать около 50 000 000 р. На выкуп, великолепно выгодный, всех помещичьих земель, которые надо отдать крестьянам, надо около 2 200 000 000 руб. или, верней, 2 160 000 000 р.

В Петербург, пожалуй, не приеду. Обстоятельства донельзя плохи. У меня нет самого необходимого.

*Кн. Александр Кроткий*



АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

1862 г. <sup>1</sup>

Сходи к Тарновскому и объяви, что я прошу его достать мне в возможно короткий срок место под его ведомством. Лет мне 20 лет и 5 месяцев, коллежский регистратор, к о н ч и л к у р с в I Моск. кадетском корпусе, в 1859 году в июне выпущен — статским по неохоте быть военным. Сын такого-то. Пока — ничем не занят (кроме наук). И пр.

Попытаюсь. Авось отец будет высылать что-нибудь (когда объявлю, что служу уже).

Жди скоро письма.

*Твой брат*

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

12 февраля 1862 г.

У Тарновского до настоящего времени я не был. Я был болен. 2 раза я был у Леонилы, собирался еще вчера в театр, — но схватили такие боли в желудке, лихорадка, что я едва высидел, пока они обедали, и удрал в Корпус в лазарет. Провалился в постели целую неделю, ничего не ел, — у меня было небольшое воспаление в кишках и сильные головные боли; так как ничего серьезного не было, то я и не писал тебе. Теперь вот уже 3-й день как я встал с постели и поправляюсь. Из лазарета, впрочем, выйду нескоро.

Такая у меня подлая натура, все это от печени происходит и нужно непременно отправиться куда-нибудь, где потеплее, и переменить образ жизни, как говорят доктора.

Скоре после твоего отъезда я получил от Вани Кр. записку, просит заставить тебя написать ему и т. п. Впрочем, ты вероятно сам его видел.

На-днях у меня был Ив. Ив. Пушкин <sup>1</sup> в лазарете, только что приехал с Варей из Москвы и пришел звать меня к себе вечером, но к сожалению не мог быть у них. Он спрашивал о тебе и был между прочим в полной уверенности что ты здесь.

<sup>1</sup> Без даты.

<sup>2</sup> Двоюродный брат П. А. и А. А.

(Прим. ред.)

Он спросил меня, «что посчастливилось ли тебе здесь достать что-нибудь». Я отвечал, что, кажется, нет.

Писать тебе, право, больше не о чем. Я прочел Льюиса «На берегу моря». Очень доволен, между прочим познакомился с неск. довольно интересными фактами о нервной системе, о воспроизводении; статья очень хорошо и подробно у него разработана, а вопрос, сам знаешь, очень интересный. Его «Физиологию»<sup>1</sup> я себе приобрел.

Теперь я читаю очень хорошую книгу Jouvenel, *Les commencements du monde. Génèse selon la science*<sup>2</sup>.

Хотя в этой книге приходится половину пропускать, потому что она наполнена элементарными сведениями, зато остальную половину читаю с удовольствием.

Прощай.

*П. Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Питер, 18 февр. 1862 г.

Между прочим в числе вопросов, которые я более других обдумывал во время своей болезни, меня больше всего занимал вопрос о моей будущности. Данные не блистательны: от отца мудрено ожидать чего-нибудь, дай бог, чтоб обмундировку сделал порядочную, это особенно ясно стало из последнего его письма, где он предупреждает, чтоб я не надеялся на его пособие, а сам старался бы устроиться и т. п., что доходы в высшей степени плохи и пр. Следовательно (больше и больше), является необходимость поступить в академию. Вместе с тем академия меня, как тебе известно, не тянет, жизнь в эти 2 года представляется скучною, деятельности не предвидится никакой, не называть же деятельностью то, что я буду таскаться каждое утро в академию и слушать разных дураков, впрочем пожалуй и умных, но об чем? Следовательно,

<sup>1</sup> Книга Льюиса «Физиология обыденной жизни», имевшая большое распространение в 60-е и 70-е годы.

<sup>2</sup> Жувенель, «Начало мира. Происхождение вселенной согласно науке». (Прим. ред.)

предвидится скука, хандра, гадость. Вдобавок ко всему этому придется перебиваться кое-как и с трудом нося стесняющий гвардейский мундир, и имея стесняющие знакомства, и получая немного. К тому же надо быть в стеснительной необходимости *bon gré, mal gré* поддерживать связи с отцом, просить беспрестанно пособий и т. п. Кроме того я каждую зиму болею здесь. Отчего? Печень страдает. Отчего же летом, поедая чорт знает что и в каком количестве, промокая до последней нитки на маневрах, подчас напиваясь крымского, одним словом при всевозможных неблагоприятных обстоятельствах я болен не бываю? До сих пор я ни разу ни в деревне, ни в Петербурге, ни в Петергофе я летом болен не был. Отчего? Я спрашивал доктора. Оттого что летом вообще при теплой обстановке отделение печени бывает гораздо правильнее. А у меня всегда нелегкий пропуск от неправильности отделения печени. Следовательно, вот еще причина, чтоб в Петербурге не оставаться, а ехать куда-нибудь где потеплее. С другой стороны, в Петербурге или в Москве может удерживать многое, — ты, книги, сообщения с порядочными, т. е. сколько-нибудь мыслящими людьми (котор. между прочим я знаю не слишком-то много).

Но вот что:

Мне припомнилось, что я писал где-то: «хоть бы на Амур отправиться». Теперь я думаю об этом. Ведь на Амуре тепло, потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места.

Потом мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годеи ли я или нет: мне кажется, что я на что-нибудь да гоужусь. А деятельность на Амуре найдешь: я сегодня шутиа сказал Дмитрию Николаевичу<sup>1</sup>: хоть на Амур отправляйся, и объявил, что напишу об этом отцу, пускай-де раздумывают и охают с Елиз. Марковой. Он мне сказал: «Ты подумай об этом; я тебе ручаюсь, что здесь тебе доставят славное место, только заикнись, что хо-

---

<sup>1</sup> Двоюродный брат П. А., флигель-адъютант Александра II, впоследствии харьковский генерал-губернатор, убит в 1879 г. революционером Гольденбергом. (Прим. ред.)

чешь туда ехать. Все-таки здесь будут говорить: фельд[фельбель] Паж корпуса и схватятся как за клад словно, туда готовы вербовать всякого, да мало решаются ехать — далеко. Если себе достать место «по особым поручениям», то знаешь что ты если хочешь, то работы найдешь пропасть, если не хочешь, можно ничего не делать, а будут давать поручения разъезжать, а мне это с руки. Потом — близко к Америке, а у меня есть эта мечта перебраться туда, и через Северную в Южную, со временем можно будет и это сделать, мало того, на казенный счет наверное. Действительно одно плохо — далеко, но телеграф доведен до Тобольска или до Иркутска, а в довершение, если не понравится, можно всегда вернуться, глядишь, с переездами годика полтора или два прошли.

Но если бы рук для борьбы захотела свобода,  
Сейчас полечу на защиту народа.

По первым симптомам — можно прискакать...

Вообще надо будет подумать об этом, поразузнать о климате Амурского края, о растительности, природе и жизни. Наконец о лицах, с которыми пришлось бы служить.

Есть одно препятствие — отец, но ему стоит заикнуться, что академия это рассадник вольтерьянства и разных завиральных идей — ну и баста. Но вероятно, что он все-таки будет злиться, скажет, что ничего не будет присылать, но ведь он почти то же и теперь говорит, а если будет, то с всевозможной неаккуратностью и бранью высылать 300 р. для Петербурга то же, что ничего для Амура, т. е. жалование плюс его 300 р. то же, что жалование на Амуре (оно больше, наконец прогонные, которые даются щедро). Прибавь к этому разнобразию, самостоятельность, и пожалуй выйдет, что я буду не в накладе.

Я об этом подумаю, а у тебя спрашиваю твоего мнения и совета.

Не понравится этот исход, так предлагай другой.

Конечно, прежде всего я постараюсь разведать про обстановку, потом про то, можно ли будет попасть по особым поручениям или вообще куда-нибудь посамостоятельнее, а то в линейном казачьем войске служить не стоит.

\* \* \*

Теперь я несколько поправился после болезни<sup>1</sup>, но далеко не совсем, желудок не варит, голова тяжела, печень болит, и вдобавок ко всему этому геморрой разболелся ужасно. Целый день я принужден расхаживать по комнате из угла в угол.

Вообще здоровье плохо, поправишься, так не надолго, на время. Кстати я себе представляю с удовольствием, как придется заболеть дома будущей зимой при средствах самых скудных и при дорогих лекарствах — весело, нечего сказать.

\* \* \*

Не меньше, чем об Амуре, я думал о тебе, уж чего я ни придумывал, кстати я замечаю, что на выдумки я большой мастер, фантазер, — но пришел к окончательному убеждению, что для тебя ничего не придумаешь, т. к. приходится предположить, что действуешь не ты, а другой человек. Это еще особ[енно] трудно, что судишь по данным, которые тебе представл[яются] из собств. опыта, наблюдений, одним словом предполагаешь, что человек все-таки действует на основании нравственного убеждения и способен пересилить свою лень на первые минуты, приняться за что-нибудь, потом пойдет уж не так трудно, но ты этого делать не станешь, одним словом, надо стать не тем, что ты есть.

Кстати ты упоминал про Рудина. В новом издании Тургенев прибавил к Рудину несколько строк. Он идет в 48 г. на баррикады, помахивая сабелькой и его подстрелил венсенский стрелок.

Я жду с нетерпением нового романа Тургенева «Отцы и дети». Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отжидают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представит?

Прощай. В июне увидимся на несколько дней.

П. Кроткин

---

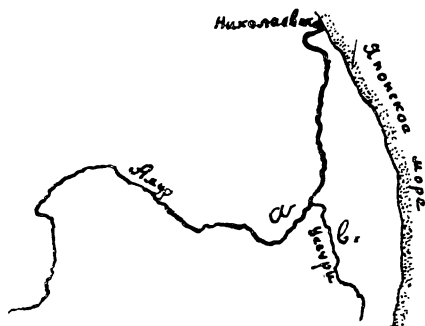
<sup>1</sup> Вчера вышел из лазарета, хотя не совсем еще здоров, но в надежде, что на свежем воздухе лучше поправишься. (Прим. автора)

Скажи пожалуйста, что тебе трудно разбирать мою руку или нет? Если трудно, напиши, я буду писать тише и следовательно разборчивее.

Пойдет 20 фев.

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Что же ты не пишешь, друг Саша, я давно не получал от тебя писем, ты верно чем-нибудь занят. Если ты болен, так попроси кого-нибудь написать. Отвечай на мое письмо об Амуре, я написал также батьке и Е. М., то-то удивятся. А я чем дальше, тем больше начинаю убеждаться, что ехать на Амур лучший исход. Сведения, которые собрал, довольно благоприятны. Вот карта:



Южная часть дуги Амура *a* и место между Уссури *в* чудное место, растет дикий виноград и пр., тигры, одним словом, южный климат. Затем к устью гораздо хуже, холодно. Николаевск на холодном месте, но можно поселиться и на юге.

Я об этом много думал, жду от тебя ответа, потом что батька напишет, и затем начну хлопотать об месте.

У Гарновского я был, — обещаются, да что толку, — ничего не добьешься, одними обещаниями, кажется, и ограничишься

Прощай.

*П. Кропоткин*

11 марта.

Я все еще не совсем здоров, хотя и выбрался из лазарета. Гадко, холодно, даром что весна.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

15 марта 1862 г.

Человек, чувствующий сильное влечение к какой-нибудь определенной деятельности, сознает в себе это влечение, знает о нем, знает, чем именно надо заняться ему, чтобы быть наиболее счастливым. Человек, желающий заняться чем-нибудь определенным и знающий об этом своем желании, знающий, чем заняться, чтобы быть возможно более довольным жизнью, — знает и как именно устроить себя в жизни; знает, куда ему деться: пойти ли в студенты, пойти ли в войско, поступить ли в департамент, приняться ли за обучение народа, заняться ли исключительно наукой и т. д. В последних двух случаях обстановка относительно безразлична.

Ты же, Петя, не знаешь, куда именно пристроить себя, куда деться; это значит, что ты не знаешь, чем именно заняться; значит, ни к какому определенному занятию не чувствуешь особого влечения. И если тебе кажется, что ты желаешь заняться т е м - т о , то я скажу тебе, что это Пете только так к а ж е т с я .

С о з д а т ь себе потребность, стремление, способное определить жизнь, нельзя; возбудить в человеке такого рода потребность могут только внешние обстоятельства. (Возбудить ли, разбудить, в собственном смысле этого слова, т. е. возбудить прирожденное; или же с о з д а т ь вновь, — не в этом теперь у нас дело). Но может человек, не знающий себя, человек не самосознательный, в о о б р а з и т ь существование в себе такого рода потребности; и за этим актом при большей или меньшей решительности неминуемо следует страдание, апатия, хандра, недовольство. Берегись этих созданий воображения. Ты можешь нанести себе много вреда, посвятив себя какой-нибудь определенной деятельности.

Что ж делать, если в тебе нет сильного влечения к какой-нибудь определенной деятельности. (Что у тебя его нет, я доказал: если бы в тебе существовало д е й с т в и т е л ь н о е стремление к определенной деятельности, ты бы уже знал о нем; давно бы знал, куда деться; давно бы приготовил себя

к этой определенной деятельности; не колебался бы, не спрашивал советов.) Да не будет это укором тебе; но дурно быть несознательным человеком, дурно, если ты воображаешь себя склонным к какой-нибудь определенной деятельности, между тем как ни к какой такой деятельности не чувствуешь сильной склонности.

Правда, в тебе, кажется, есть одно стремление, стремление принести людям пользу да самому быть возможно более счастливым. Но что до первого пункта, при таком стремлении, при таком общем, неопределенном стремлении, прошу лучше ни за что определенное не браться, а сидеть сложа руки. «Избави бог от этаких друзей. Услуга нам при нужде дорога, но за нее не всяк умеет взяться». Умеет взяться за дело так, чтобы принести благо, только человек, во-1-х, умный (что до этого, ты умен), во-2-х, любящий, любящий эту, эту именно деятельность, этого второго условия нет в тебе. — Общее, отвлеченное желание приносить пользу человечеству, все равно как любовь к женщинам вообще и ни к какой в особенности (конечно, предполагая связь только при любви), — самое бесплодное желание, неспособное принести никакого плода. — А иного стремления у тебя нет; нет стремления к определенной деятельности. И не берись за такую деятельность, как уже я сказал.

Как можешь уже догадаться, ехать на Амур я не советую тебе; прошу даже тебя не ехать туда. На Амуре ты можешь только хандрить и мучиться еще более, чем в Москве и Петербурге. Золотой месяц наслаждения новизной пройдет быстро. Только естествоиспытатель может ощущать в себе неумолкаемую любовь к природе, наслаждаться ею ежедневно, ежечасно... Простое созерцание наскучит быстро; для обыкновенного смертного любовь к природе возможна только перемежающаяся, в воспоминании, или же в сердце, как любовь к родине.

Если думаешь веселиться на Амуре помимо службы, образумься; не даром туда никого калачом не заманишь; притом, там и общества-то нет. — Если же хочешь ехать туда для деятельности, вспомни то, что сейчас прочитал в этом письме моем. Или не видишь ты, что ни к чему не чувствуешь сильного, жизнь определяющего влечения. А следовательно, не



чувствуешь сильного влечения и к какой-либо деятельности на Амуре.

Притом, я уверен, что очерк деятельности на Амуре, которой ты желаешь посвятить себя, очень неопределенен и общ. Ну, в самом деле, какой с п е ц и а л ь н о й деятельностью желаешь ты там заняться? Да и желаешь ли с и л ь н о !

Не кидайся никуда, не связывай себя ничем, иначе: много натерпишься. Выбери себе такую обстановку, которая бы удовлетворяла твоей главной, действительно сущей потребности, а вместе с тем не налагала на тебя никаких определенных обязанностей.

Если, разрушив наперед создания своего воображения, а потом сознав д е й с т в и т е л ь н у ю свою сильнейшую потребность, ты мне напишешь о результате своих дум,—я, конечно, приищу тебе такую обстановку, которая была б для тебя лучшею. Впрочем, тогда и сам догадаешься.

Твое последнее письмо я получил сегодня: не писал так долго по неимению денег; сегодня взял 20 к. у С. М. Обстоятельства мои плохи. Мучащих долгов: 175 р. Несколько дней я не обедал; несколько дней не имел ни чая, ни сахара, ни табака. Потом — достал. А через несколько дней буду опять безо в с е г о, даже свечей, кроме, может быть, обеда. Что дальше будет, не знаю. Может быть, придет один товарищ. Ведь у меня и белья-то нет, ношу Ванино; нет и летней одежды. Впрочем, все это еще вздор, особенно отсутствие чая и т. п., в сравнении с мучениями моими от невозможности уплатить долги.

По студенческому делу мне присудили: или остаться в Москве, 1 год, не имея права выезжать без разрешения, находясь под надзором полиции, представив поручителя (пуста формальность). Или: то же, но на родине. Все бы ничего. Но как удрать за границу, если понадобится. Находящийся под надзором не смеет выезжать.

В феврале я начал писать тебе письмо о нравственности; исписал целый лист, доказывая, что ум не может влиять непосредственно на волю, что критика для практической деятельности также безразлична и т. д.; исписал лист, да и то повершил только с первой половиною пункта. Второй пункт гласил бы: человек всегда нравственен.

Что до 1-го, сомневаюсь, не знаю. Но 2-е безусловно верно. Нравственность, т. е. ощущение в себе идеала человеческого достоинства, стремление жить сообразуясь с его велениями, мучения при безнравственном поступке, — все это общее, неотвязное свойство человеческой породы. Недавно я даже у Катрфажа нашел подтверждение этой мысли, хотя и несогласен с его взглядом вообще на человека. А Гоголь вот что говорит; привожу как пояснение; я недавно заметил это место в «Тарасе Бульбе»: «...но... У последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже..., есть и у того, братцы, крупица нравственного чувства (у Гоголя—«русского»); и проснетя он когда-нибудь, и... схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками испить позорное дело».

Да, — это так. Но объяснить это явление не берусь. Отчего в человеке нравственность. Отчего она. — неотвязное свойство всех людей?

Если и существуют у меня гадательные и необдуманые ответы на эти вопросы, то я не хочу их высказать.

Что касается до моего нравственного состояния, правда, я подлецом отпетым еще не был; но все-таки слова Гоголя немало относятся ко мне. Я проснулся. Отчего? Бог весть. Но очнулся небось еще в вагоне. А может быть и дня 2 после приезда из Петербурга.

*Кн. Александр Кропоткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Пойдет 22 марта.

Спасибо, Саша, за твое письмо, я с удовольствием перечитываю его...<sup>1</sup> Да, пришли 1-й лист твоего начатого письма о нравственности, ничего, что не кончил, — мне интересен 1-й пункт, со 2-м я согласен.

Со всем, что ты написал о деятельности, вполне согласен. Только ты меня не понял... Ты говоришь, обдумай свои потребности и тогда решишь и т. д. Но ты знаешь, пожалуй,

---

<sup>1</sup> Многоточие в подлиннике.

(Прим. ред.)

не хуже меня, мои потребности, — я не раз тебе высказывал их и на словах и в письмах: мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нужно, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали; а обстановка может мешать, когда ты хандрить, ты не больно-то будешь работать, когда ты болен желудком, то же. Вот что мне желательно, а не желательно быть больным по несколько раз в зиму (от сидячей жизни и дурного климата), не желательно хандрить, скучать, прозябать, таскаться в Академию, уставать от ходьбы и от слушанья разной нелепости, котор. более и более кажется мне неприятной, и не желательно бедствовать (знаешь, бедствовать можно, когда себя утешаешь, что я-де терплю, да зато имею вот то-то и то-то.) Этого «то-то», какое бы оно ни было, у меня не будет, если я поступлю в Академию. Не желательно сталкиваться и жить постоянно с разными скотами, которым я не сочувствую.

Теперь надо разобрать, где я скорее могу удовлетворить всему этому; оставаясь здесь (В Петерб. или Москве) или уезжая куда-нибудь, начиная с Venezia la bella<sup>1</sup> и кончая Архангельском. (На Амур, — п. ч. легче всего это устроить.)

Невыгоды петербургской жизни, которые я сейчас тебе перебрал, кажется, довольно важны; большей части их не будет, если я уеду отсюда, — я останавливаюсь на Амуре и начинаю перебирать невыгоды тамошней жизни. Придется служить где-нибудь — это отнимет часть времени, но я уже писал тебе, что буду я в состоянии работать казенной работы столько же, сколько мне захочется взять на себя, потому что туда едут служить и выслуживаться, следовательно едут с охотой что-нибудь делать (это факт, а не предположение)... Первое неудобство для меня не есть неудобство. Действительное же неудобство есть отсутствие тебя; это неудобство действительно важно для меня. В Петерб. оно, правда, существует, но в меньшей мере. Мы бы могли непременно видаться в год раз, а тут 2 года уж не будем видаться, остается одно — переписка. Ты м. б. скажешь, письма идут долго, но ведь это

<sup>1</sup> С «прекрасной Венеции».

(Прим. ред.)

относительно, сравнительно с Москвой и Петерб.: получая все письма через 2—3 месяца, к этому привыкнешь и это не будет казаться долгим, особенно если письма будут часты.

Давай дальше перебирать неудобства. Говорят даль, а я говорю, нет, близко, смотря откуда считать, вольно вам брать за центр Питер, а я возьму Тихий океан, мне это решительно все равно, — я запасусь книгами, и мне будут высылать книги, выбор книг я могу поручить тебе же. Нужны деньги— да, но Амур так мало знаком, узнать его так хлопочут, что я убежден, что стоит предложить свои корреспонденции «Современ. летописи»<sup>1</sup> и примут с удовольствием, платить будут тебе. Преимущество на стороне Амура. Главное климат при моем здоровьи, а климат там лучше. Мне кажется, что именно так, как я рассматривал, следует рассматривать этот вопрос, а ты немилосерднее всего остального накинулся на деятельность, о которой я и упомянул-то (если не ошибаюсь) вскользь. Потом есть много мелочей, на которые можно тебе кое-что заметить, хоть бы о наслаждении природою. Это для меня так важно, я так наслаждался всегда природою, и это наслаждение, так всегда на меня действовало, что, будь сегодня хорошая погода, я лучше работаю, лучше себя чувствую, после нескольких минут наслаждений природою я на 2 дня веселее. А в какой мере я наслаждаюсь иногда, ты этого не знаешь. Новизна, да я ж тебе писал, что есть возможность достать себе эту новизну. Вообще замечу, что ты об Амуре имеешь самое смутное понятие, что если б ты познакомился покороче, то м. б. немного лучше смотрел бы на это. Я более и более убеждаюсь, что ехать на Амур мне лучше, чем здесь оставаться в Академии.

\* \* \*

Саша, душака, что я скажу тебе утешительного? Я знаю, что нет ничего неприятнее в беде, как сожаление, сочувствие без помощи. Я думал, что бы такое сказать тебе? Все так пошло выходит. Крепись, всему же бывает конец.

---

<sup>1</sup> Еженедельное приложение к газете «Московские ведомости». Из Сибири в период 1864—1867 гг. П. А. посылал в «Современную летопись» целый ряд своих корреспонденций, которые были напечатаны.

(Прим. ред.)

\* \* \*

Отец бесится, я ему написал письмо, — останется доволен и укротится — ручаюсь.

Прощай.

*П. Крототкин*

Напиши твой адрес, — оказывается он в тех письмах, которые у Чистякова.

Посылаю тебе только 4 марки, потому что сам и мой человек Иванов тоже без денег, жду от отца со дня на день.

*АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

26 марта 1862 г.

Право, не знаю, что написать тебе об Амуре. Не знаю, отчего, но я твердо убежден, что ты не раз помянешь меня, если уедешь туда. И я верю своему чутью; оно у меня очень развито, и вряд ли когда обманывало меня. Чутье мое в науке достойно внимания; почти все мои убеждения начинались с догадок, обязаны своим происхождением ч у т ь ю; а какковы мои убеждения, ты знаешь. Людей я чутьем узнаю необыкновенно быстро; редко ошибаюсь, даже вряд ли когда; опыт едва ли не всегда подтверждал мои догадки. И т. д. Когда ты объявил, что намерен поступить в Академию <sup>1</sup>, я немедленно почувал, что так это не кончится, и написал тебе: не разглашай, не стесняй себя; а если очень желаешь, то занимайся хоть тайно. Оказалось, что я был прав; сколько видно из письма твоего, ты даже стал питать к Академии отвращение.

Так поверь хотя моему чутью, Петя. Не езд на Амур, не связывай себя, не езд даже на два года. Что ты захочешь вернуться, в этом я убежден. А где ж, до смерти отца, найдешь ты средства к возвращению. Прогонов не дадут. А р а с с ч и т ы в а т ь на экономию из жалованья, на доход со статей, которых будущее бытие очень сомнительно, наконец— на смерть отца—очень неблагоприятно. Может быть да, может быть нет; и н е т вероятнее.

<sup>1</sup> В Артиллерийскую.

(Прим. ред.)

Привези мне свои письма, когда поедешь в Москву. Или нет. Отдай их Дьякову. Он скоро поедет сюда. Дьяков, верно, все там же. В доме, где Знаменская гостиница, третий подъезд по Лиговке, кв. № 12. Ну, да найдешь. Ты ведь уже был там. Письма запечатай.

Мои письма возьми у Чистякова. На Литейной, рядом со славным пятиконным домом Юсуповой, значит против Симеоновского переулка, пройдя его — если с Невского; на двор; направо, посредине подъезд, вверх, во 2 этаж, кв. Фрибуса.

Начало моего письма о нравственности я разорвал. Да чорт ли тебе в нем. Подожди. Когда-нибудь я напишу тебе много о нравственности. Я еще не понял это явление. Да и кто его понял!

Я, кажется, еще никогда не заявлял тебе хорошенько, отчего я признаю духовные явления в теле? А пора бы! Я давно, давно порешил этот вопрос. Даже в том виде, как теперь, мои взгляды очень стары: 1859 год! Я всегда буду материалистом; ничто не поколеблет меня. Так как именно между нервами и духовными явлениями замечается связь и зависимость, я признаю духовные явления явлениями в нервах. Как происходит все это. Какое именно движение в нервах — эквивалент данного духовного явления, т. е. ощущения как ощущения, я не знаю. Впрочем, это пока никто не знает. — Что такое, т. е. сумма как и х д в и ж е н и й есть дух, как нервная деятельность. Чорт знает. Об этом есть книги, более или менее порядочные; вот хоть у меня лежит об этом статья Ноака; но с этой точки зрения духовные явления меня и не так интересуют. Мне бы хотелось познать духовные явления, их законы. И это-то познать и изучить уже очень важно; притом для такого психологического знания нет надобности в физиологии, чему я очень рад. Мне хочется простой наблюдательной психологии, науки о духовных явлениях как таковых, т. е. о духовных явлениях; как ощущениях, науки, создающейся внутренним опытом. Но где достать такую книгу, существует ли такая книга. Кажется да, и потому я постараюсь достать. Herbart, Waitz, Benecke, верно, многому бы научили меня. Какие б тогда открылись передо мной новые круго-

зоры! Я чувствую, что при эрудиции мог бы многое открыть, я чувствую, что во мне есть сила. Разве не свидетельствуют о ней мои убеждения, мое мирозерцание. Едва ли не все мои убеждения плод моего самобытного, оригинального мышления, значит — сила у меня есть. Но, по необразованности, я направлял пока, да и теперь продолжаю направлять ее только на общие вопросы, что, впрочем, очень естественно. Я не могу заняться решением частного вопроса, потому что слишком мало знаю. Как рассудишь — я порази- тельно мало знаю! Так как же заниматься мне специальным вопросом? Да, знание великое дело. Мало быть умным, надо еще много знать, чтобы принести свою лепту в сокровищницу знаний. И я желаю учиться. Но способен ли? не один ли я из тех людей, которые вследствие силы ума многое чутьем узнают, но толково ничего не знают, потому что усидчиво заниматься неспособны. Может быть. Даже более чем вероятно. — Я, Петя, и сороковой доли того, до чего додумался, не заявил тебе в письмах; значит, я умен; отчего же я так мало знаю, знаю только то, до чего сам дошел (общие истины), как не оттого, что не способен к р у д у, к усидчивому учению. Хорошие люди в 20 л. и при менее сильном уме, чем мой, узнают много; и оттого занимаются уже частными вопросами. А я? Нет, Петя, из меня никогда ничего не выйдет, и я вовеки веков буду поверхностным человеком. Необразованный ум, как бы ни был силен, не может не быть верхоглядом, — и таков мой ум. А таков он оттого, что во мне слишком мало развито в н и м а н и е, слишком много развита л е н ь. Я уже говорил тебе, кажется, какую громадную роль придаю в н и м а н и ю. Внимание — это зерно гениальных открытий, первое условие их существования.

*А. Кроткин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

Ты не советуешь мне ехать на Амур, — хотя чутье довод довольно сильный, но и я своему чутью верю по тем же причинам, что и ты, а мое чутье говорит мне, что жизнь в Петербурге и в Академии меня не удовлетворит, что мне будет нехорошо. Между прочим ты ошибаешься, я не думаю питать

отвращения к той обстановке, с которой нельзя мне будет расстаться, если я останусь здесь, а заниматься в Академии<sup>1</sup> я пожалуй не прочь, хотя и сознаю, что мне несколько лень приниматься за артиллерию, за обработку своих познаний в интегр. исчислениях, т. е. за делание задач и т. п. Противна будет жизнь в кругу этих личностей, противно прозябанье — скучно! Мое чутье ничего не говорило мне положительного о том, хорошо ли там будет или нет, говорит только, что будет разнообразие, интересные места, на Уссури роскошная растительность и пр., впрочем вернее, что говорит это не чутье, а рассудок да книги, которые прочел.

Послушай, в Петербурге гадко, на Амуре чутье говорит тебе, что будет гадко, ну... куда же? Ты как будто не договариваешь — говори если так.

Между прочим вернуться всегда можно, и прогоны дадут, не дадут другому, а мне дадут, я уверен, пошлют курьером, на то он и Амур, а не Питер.

Впрочем, всего лучше было бы, как тебе, конечно, известно, уехать отсюда и учиться где-нибудь поближе Амура, но это едва ли возможно.

— Письма пришлю если не с Дьяковым, который, может быть, уже уехал, то по почте, а мне на Святой *п о л о ж и т е л ь н о* не удалось к нему зайти, итти мне очень далеко, то денег нет, то являясь в Корпус, во дворец или в разводы, то дождь ливмя, что было всего чаще, впрочем скоро я распоряжусь, вышлю. Прощай.

Получил сегодня от Леночки письмо и 5 руб. денег, у нее самой своих денег нет, впрочем ее письмо такое теплое, что я был рад ему.

Прощай, пиши.

*П. Кроткин*

18 апреля 1862 г.

<sup>1</sup> Артиллерийской.

(Прим. ред.)



ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург, 27 мая 1862 г.

Саша, вопрос о выпуске решился окончательно, я еду на Амур. Почему? ты знаешь. В последнее время я более, чем когда-либо, подумывал об этом, чтоб надеть статское платье и, позанявшись летом, держать экзамен в университет, и более, чем когда-либо, убедился в невозможности это сделать. С отцом нет возможности сладить, он тычет в глаза, что вот ты меня совратил и положительно отказывается от выдачи всяких денежных пособий, он рад случаю, он упрям, он мечтал все время про гвардию и про Академию и пр. Надо рассчитывать на свои средства; выходя в штатскую службу я получаю от корпуса не 500 р., а 220, но я должен кое-что, я рассчитывал на 500 р., здесь делают вычеты, чтоб расплатиться, мне необходимо более 250 р., даже платья не на что сшить, нечем прожить и 10 дней, — невозможность очевидна. Оставалось что же? Итти в Академию, итти во фронт здесь или итти на Амур: фронт мне противен, 1-й же лагерь меня замучил бы нравственно. Академия: срочная работа все лето артиллерией, технологией химии (не самой химией) и математикой, последнее пожалуй, но первые два противные в высшей степени, — я совсем болен теперь с экзаменами, — то же предстояло бы мне в августе после целого лета, проведенного до 12 ч. утра сидеть за всякою дрянью, затем, что еще хуже, эта самая жизнь в Академии, я познакомился поближе с академическим обществом, познакомился и разочаровался, — меня пугает, что и сам я могу сделаться таким. Правда, Академия имеет и свои хорошие стороны, жизнь в Петербурге, где под рукой больше средств заниматься, чем в Никольском, театр, опера, которыми бы я изредка мог пользоваться, некоторые называют общество, — но им я не утешаюсь, — в Петербурге ничто меня не удерживает, пожалуй я даже рад, что распрощаюсь с ними.

На Амуре: шестимесячная дорога, новизна, некоторая независимость, избавление от неудобств Академии, надежда поселиться в хорошем климате и уверенность в том, что увижу много интересного. Этого довольно, довольно одного избавления от неудобств.

Я надеюсь устроиться на Амуре довольно хорошо; на счет содержания надеюсь быть обеспеченным. Наконец служба там представляет много удобств, если поладить с тамошним начальством, и на это надеюсь. Корсаков, губернатор В. Сибири, молодой еще человек и, говорят все, хороший. Хвалят также Казакевича, губернатора Амурской области, и Буссе, губернатора Примор. обл. Затем Михаил Николаевич <sup>1</sup> пишет Корсакову обо мне, я знакомлюсь с матерью Корсакова (которая очень хорошая женщина), она просила меня отвезти что-то ее сыну и видит в этом, что, исполняя это, я о ч е н ь ее обязываю—все приедешь туда как будто не совсем незнакомый, а это важно, я могу устроиться, чтоб поселиться в Приамурской области посреди тропической растительности, что полезно для здоровья, избавит от болезни печени, следовательно отчасти и от хандры, кроме того, прослужа год, могу ехать в отпуск на 4 месяца, хоть куда-нибудь в Восточной Сибири или в Японию, и в отпуску дается содержание, разъезды мне с руки, одним словом, выгоды есть, и надеюсь, что 3 года (6 месяцев в дороге туда, 2 отпуска, 8 месяцев и т. п.) пройдут довольно незаметно. Ты спросишь, что же я там буду делать? Да на первых порах хоть то, что собирался и здесь сделать, выучить английский язык, буду заниматься кристаллографией, изучать дальше математику, если не наскучит, но вообще я уверен, что без дела я сидеть не буду.

Вообще, Саша, не доверяй слишком твоему чутью, не бойся за меня, что я там пропаду, что мне будет гадко; мое чутье мне говорит, что в Академии будет нехорошо, про Амур оно молчало, я выбрал Амур.

Увидимся мы с тобой скоро, я думаю уехать отсюда не позже 20-го, в Москве пробуду несколько дней, вероятно с отцом, и поеду в Никольское, там останусь до 3-го, 5-го июля; затем в Москву, где пробуду дней 5, 6, потом в путь, по Влад[имирской] ж. д. до Нижнего.

Отец делает со мной чорт знает что. Обещал мне когда-то чуть не золотые горы, если выйду в гвардию или Академию, потом писал, что непременно приедет сюда к выпуску или прийдет Елизавету Марковну, чтоб делать обмундировку,—

---

<sup>1</sup> Вел. князь, брат царя.

(Прим. ред.)

это уж он обязан сделать. Я писал ему, что выпуск 8-го или 9-го и звал его к 25—26 мая, рассчитывая, что необходимо нужно по крайней мере 2 недели, чтоб сшить обмундировку. Вдруг 25-го получаю от него письмо, что я-де в Москве, еду в Тамбов на-днях, там буду размежевываться с крестьянами и приеду в Петербург к 15 июня (поспеет к 15-му все это сделать!), а ты сшей себе из тех денег, что дают при выпуске, необходимо нужное в обмундировке, а я пополнию потом остальное, приехавши сюда. Это очень покойно пополнить. А вместе с тем из этих денег я получу (и то не ранее 20 июня) не более 70—90 руб.: белья нет, нет ничего положительно.

Я написал ему письмо, напоминая все обещания, и говорю, что непременно ожидаю его сюда во вторник или среду на этой неделе, сегодня он получит это письмо, посмотрим, если он не придет, я буду в самом отчаянном положении. Такого скупердяя, как он, никогда не случалось встречать,—придет пополнишь обмундировку?! И не забудь, что он еще не знает, что я выхожу на Амур, я написал ему об этом только в последнем письме, следовательно, это все его милости при полном исполнении его заветных мечтаний, гвардии и Академии. Что же при неполном?

Невеселы первые встречи при выпуске, это еще тем более неприятно, что рядом вокруг тебя все так радуется выпуску, ждут не дождутся его...<sup>1</sup> невесело.

Пиши, Саша, о твоём здоровьи, ты все в клинике, отец писал, теперь скоро увидимся, — наговоримся, прощай.

*П. Крототкин*

*ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ*

2. VI. 6 ч.

Саша, что с тобой? Как тебе не стыдно меня обманывать. Ты сильно болен, а хочешь представить это пустяками, бабушка Сулима рассказывает, что ты терпишь бог знает что, ты сильно болен, у тебя нет ни копейки, чтоб хлеба купить, зачем ты все это скрываешь, это дурно, — так не следует

<sup>1</sup> Многогочие в оригинале.

(Прим. ред.)

делать. Ты из клиники не выписался, а тебе пришлось уходить, п. ч. клинику закрыли, и ты теперь не здоров, пиши и не обманывай, а рассказывай все как есть. Ты заставляешь предполагать чорт знает что, так как приходится судить по доходящим слухам, которые, может быть, преувеличены.

Письма я тебе писал, не знаю, отчего ты не получал, а посылал я, кажется, два. Твои письма (не мои) я отправил с Колей Сулима <sup>1</sup> и упрасивал его отослать их тебе, когда он приедет на квартиру Вани <sup>2</sup> (в д. Страх.). Получил ли ты их? Не писал я по почте, потому что денег не было...

Выпуск 7-го, 10-го, говорят, присяга, 15, 17-го, как только получи прогоны, поеду в Москву, может быть, даже раньше, тогда увидимся.

Теперь же денег мало, отец не хочет и слышать об Амуре, предлагает Кольванский пехотный полк, который стоит в Никольском, чтоб отдохнуть лето; я же положительно еду на Амур и ты не изволь за меня беспокоиться, я уверен, что там будет мне лучше, чем здесь. Саша, тебя там не будет, тебя теперь нет со мной, и вчера, третьего дня я хотел ехать в Москву, чтобы увидеться с тобой, посоветоваться и увидеть отца, я бы и сам сладил дело, Саша, отец главное потому не хочет, чтоб я ехал, что «что скажут». Скажут, что сослали за вольнодумство и пр., но кроме того он в самом деле боится за меня, за мое здоровье и... все-таки он добр, на него сильно подействовало, что я еду на Амур, это меня заставило призадуматься, и я жалел, что тебя не было здесь, но я решился, увидимся,—расскажу подробнее до мелочи, почему теперь не требуй от меня этого.

На нероскошную обмундировку у меня хватает, мне дают готовое жалование на подъем и двойные прогоны. Двойных прогонов хватит на дорогу, до Перми, по ж. дороге и на пароходе, или же от Нижнего уже (это будет в конце Макарьевск. ярмарки) можно ехать наверное с купцами до Иркутска, у них свои тарантасы и они всегда рады попутчику с подорожными. От Иркутска очень недалеко до реки Аргуни,

---

<sup>1</sup> Двоюродный брат П. А. и А. А.

<sup>2</sup> И. И. Мусин-Пушкин, двоюродный брат П. А. и А. А.

(Прим. ред.)

по ней на лодках и на пароходах хоть до Николаевска, главное добраться до Иркутска, там, увидавшись с Корсаковым<sup>1</sup>, я получу назначение, куда ехать...

*П. Кропоткин*

2 июня 1862 г.

---

На этом письме имеется пометка карандашом рукой Александра Алексеевича: «Последнее письмо Пети из Пажеского корпуса».

Ниже этой пометки рукой Петра Алексеевича карандашом написано: «13-го был смотр и нас произвели в офицеры». Приписка была сделана, вероятно, в Англии, когда П. А. получил переписку и просматривал ее.

24 июня 1862 г. Петр Алексеевич выехал из Петербурга в Москву и далее в Сибирь. В жизни П. А. открывается новая страница.

*Редакция*

---

<sup>1</sup> Генерал-губернатор Восточной Сибири

*(Прим. ред.)*

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аксаков С. Т.**—48.  
**Александр I**—88, 96.  
**Александр II**—11, 18, 31, 32, 35, 80, 88, 177, 213, 237.  
**Анненков**—164.  
**Араго**—229, 232, 235, 244, 245, 247.  
**Аристотель**—128.  
**Бабст**—52.  
**Байрон**—47, 140.  
**Бакунин М. А.**—21, 185.  
**Баландин**—229.  
**Белинский В. Г.**—10, 11, 59, 108, 139, 154, 185, 204, 220.  
**Бенардаки**—124.  
**Бенекс**—265.  
**Беренс**—210.  
**Бестужев**—29.  
**Бланки А.**—150, 151.  
**Бруно, Джордано**—195.  
**Буссе**—269.  
**Бюхнер Л.**—15, 30, 128, 148, 156, 162.  
**Бьянчини**—131, 139, 141, 145, 151.  
**Бэкон Френсис**—144, 148, 156, 162, 180, 191, 198.  
**Валуев**—30.  
**Васильковский**—34, 159, 160, 161, 165, 166, 172, 180, 188, 209, 211, 212, 226, 234, 243, 248.  
**Вельтман А.**—98.  
**Веневитинов Д. В., поэт**—45, 47, 57, 70, 101, 145.  
**Вольтер Ф. М.**—46, 54, 55, 61, 62, 65, 73, 78, 79, 191.  
**Воронцов-Вельяминов**—140.  
**Гарнье (Garnier)**—145.  
**Гартунг**—66.  
**Гегель**—33, 47.  
**Гераклит**—156.  
**Герbart (Herbart)**—265.  
**Гершен А. И.**—10, 11, 12, 20, 29, 30, 51, 81, 143, 145, 175, 185, 226.  
**Гете**—47, 97, 164.  
**Гизо (Guizot)**—78, 110, 111, 150, 152.  
**Гильдебрандт**—112.  
**Гиляров-Платонов Н. П.**—195, 204.  
**Гоголь Н. В.**—261.  
**Горизонтов**—156.  
**Грановский Н. Т.**—52, 76, 108, 139.  
**Гус, Иоганн**—69.  
**Гюбнер, Отто**—145, 151.  
**Гюго, Виктор**—75.  
**Гюйо**—156.  
**Даль В. И.**—158.  
**Дарвин, Чарльз**—30.  
**Декарт**—189, 194.  
**Добролюбов Н. А.**—12, 14.  
**Друцкая В. Д.**—223, 224.  
**Друцкая Е. П.**—20, 29, 32, 51, 73, 81, 88, 89, 137.  
**Друцкой А.**—150, 230.  
**Желтухин**—40, 216, 243.  
**Жювенель**—253.  
**Завадовский**—52, 215.  
**Зашук**—54, 55, 59, 61.  
**Ивановский**—77, 79, 120.  
**Игнатъев П. Н.**—241.

- Искандер—см. Герцен.  
**Б**азакевич—269.  
 Кант—33, 74, 162, 189, 190, 194, 195.  
 Катков М. Н.—110, 111, 120, 121, 180.  
 Катрфаж—261.  
 Каховский—29.  
 Кинэ—200, 201.  
 Классовский В. И. проф.—38, 124, 229, 231.  
 Кокорев—124.  
 Кольцов А. В., поэт—101, 117, 145, 164, 204.  
 Корсаков М. С.—269, 272.  
 Корш—214.  
 Костомаров Вс.—240.  
 Костомаров Н. И.—240.  
 Костыркин—37, 107—109, 117, 118, 160, 161, 202, 209.  
 Кравченко Н. П.—41, 46, 48, 50, 51, 53, 54, 60—64, 76, 148, 160.  
 Кропотка Дм. Вас., князь Смоленский—25.  
 Кропоткин А. А.—7, 11, 16—20, 22, 23, 27, 28, 31—36, 39, 41, 45, 47, 243, 249.  
 Кропоткин А. П. (отец)—18, 25, 27, 35, 39, 40, 137, 138, 212, 213, 226, 232, 233.  
 Кропоткин Д. Н.—231, 254.  
 Кропоткин Н. А.—54, 132, 209, 210, 212, 214, 246.  
 Кропоткин П. А.—7, 11, 16, 17, 19, 20, 22—36, 39.  
 Кропоткин П. Н.—98, 198, 199, 231.  
 Кропоткин В. С.—23.  
 Кропоткина Е. А.—41, 49, 51, 73, 89, 90, 102, 244.  
 Кропоткина Е. М.—39, 99, 103, 104, 119.  
 Кропоткина Е. Н.—60.  
 Кудрявцев П. Н.—75, 76, 108, 202.  
**Л**авров П. Л.—23, 174, 190, 195, 209, 211, 228.  
 Лакс А. И.—108.  
 Ламартин—27, 60, 98, 103, 152.  
 Лаплас—127, 130, 132, 179, 180.  
 Лебедев Н.—36.  
 Ленц—155.  
 Лермонтов, ген.—82, 83, 89—91, 97, 107, 118—120, 160, 178, 179.  
 Лермонтов М. Ю., поэт—145.  
 Лессинг—56.  
 Литтров—207.  
 Лоренц—57, 58, 63, 69, 139, 145, 152.  
 Ляйель, Чарльз—179, 180, 190, 234.  
 Лютер, Мартин—53, 54, 57—59, 64.  
 Льюис—253.  
**М**аколей—97, 144, 175.  
 Максимов—106.  
 Маликов—50.  
 Маркс, Карл—15.  
 Меланхтон—58, 145.  
 Менделеев Д. И.—241.  
 Миллер Ф. Б.—70, 204.  
 Мильн-Эдварс—190.  
 Минье (Mignet)—53, 59, 63, 120, 145.  
 Митчель—156, 160.  
 Михаил Николаевич, вел. кн.—35, 39, 249.  
 Михайлов М. Л., поэт—249.  
 Мишле—58.  
 Мишо—133.  
 Молешотт (Moleschott)—15, 128, 145, 156.  
 Монгольфье—145.  
 Монтеסקье—96, 145, 151.  
 Муравьев-Амурский Н. Н.—125.  
 Муравьев-Апостол—29.  
 Мюллер И.—164.  
**Н**екрасов Н. А.—30, 175.  
 Николай I—11, 28, 87.  
 Ноак—156.  
 Новосильский—155.  
**О**гарев Н. П.—10, 145, 147.  
**П**ассек В. П.—98.  
 Пассек Д.—98.  
 Паткуль А. В.—241.

- Пестель—29.  
 Пирогов Н. И.—99.  
 Писемский А. Ф.—136.  
 Платон, философ—47, 128, 145.  
 Плеханов Г. В.—14.  
 Полежаев, поэт—56, 59.  
 Прудон П. Ж.—21.  
 Пулен, гувернер—51, 63, 70, 74.  
 Пушкин А. С.—26, 27.  
 Пушкин-Мусин И. И.—137, 208, 230, 252.  
**Р**анке, историк—47.  
 Рейф—152.  
 Росси (Rossi)—145.  
 Рулье, проф.—156.  
 Руссо Ж.-Ж.—78.  
 Рылеев К. Ф.—27, 29, 98.  
**С**авельев—90.  
 Серве—39, 53, 63.  
 Серебрянский—164.  
 Смилга И.—21.  
 Смирнов Н. П.—70, 149.  
 Сократ—195.  
 Соловьев С. М., историк—76, 90, 145, 151.  
 Сорокины—102, 103.  
 Спиноза—189, 194.  
 Станкевич Н. В.—10, 53, 164.  
 Струговщиков—205.  
 Сулима Иван—26.  
 Сулима Надежда Сем.—45.  
 Сулима Ник. Сем.—26, 102.  
 Сулима Н. Н.—59.  
 Сулима С. Н.—198.  
 Сэ Ж. Б. (Say)—133, 145, 151.  
**Т**алицын—43.  
 Тацит—59.  
 Тарновский—252.  
 Тихонравов Н. С.—90, 107—109, 111—113, 118, 119, 123, 148, 160, 180, 189, 226.  
 Толстой А. К.—98.  
 Толстой Л. Н.—48.  
 Тур Евг.—189, 211.  
 Тургенев И. С.—256.  
 Тургенев Н. И.—14.  
 Тъери Авг. (Thierry)—60, 61, 78.  
**Ф**ейербах—19, 216.  
 Филарет, митрополит—112, 113.  
 Фишер Куно—148, 162, 190.  
 Фогт К. (Vogt)—145, 151, 152, 156.  
 Фукидид—59.  
**Ч**ернышевский Н. Г.—12, 14, 19, 29, 56, 249.  
 Чистяков—141, 158, 196, 209, 265.  
 Чичерин Б. Н. проф.—77, 84.  
 Чолбе—156.  
**Ш**амиль—257.  
 Шевалье—145.  
 Шекспир—47, 69.  
 Шеллинг—143.  
 Шелгунов Н. В.—245.  
 Шестаков П. Д.—243.  
 Шиллер, Фридрих—129.  
 Шульгин В.—141, 145, 151.  
**Щ**едрин (Салтыков) М. Е.—92.  
 Щепкин—147.  
 Щербина Н. Ф.—81.  
**Э**ллис—145.  
 Энгельс Фридрих—15, 245.  
 Энгельгардт—240.  
**Ю**м—145, 149, 156.  
**Я**рцев—34, 216, 226, 235, 236.





## СО Д Е Р Ж А Н И Е

И. Смилга. Предисловие . . . . .	7
От редактора . . . . .	22
Н. Лебедев. Молодые годы П. А. Кропоткина . . . . .	24

### Переписка Петра и Александра Кропоткиных

Письмо Петра Алексеевича	28 августа 1857 г. . . . .	39
» Александра Алексеевича	6 сентября " . . . . .	44
» Петра Алексеевича	10 сентября " . . . . .	48
» Петра Алексеевича	18 сентября " . . . . .	50
» Александра Алексеевича	— октября " . . . . .	56
» Петра Алексеевича	7 ноября " . . . . .	60
» Александра Алексеевича	29 ноября " . . . . .	66
» Александра Алексеевича	— декабрь " . . . . .	69
» Петра Алексеевича	31 января 1858 г. . . . .	73
» Александра Алексеевича	без даты " . . . . .	75
» Петра Алексеевича	26 марта " . . . . .	78
» Александра Алексеевича	19 апреля " . . . . .	81
» Петра Алексеевича	27 апреля " . . . . .	84
» Александра Алексеевича	3 мая " . . . . .	89
» Петра Алексеевича	17 июня " . . . . .	97
» Александра Алексеевича	25 июня " . . . . .	99
» Петра Алексеевича	30 июня " . . . . .	102
» Александра Алексеевича	19 августа " . . . . .	106
» Петра Алексеевича	23 августа " . . . . .	115
» Александра Алексеевича	11 сентября " . . . . .	117
» Петра Алексеевича	28 октября " . . . . .	124
» Александра Алексеевича	19 января 1859 г. . . . .	127
» Петра Алексеевича	23 февраля " . . . . .	132
» Александра Алексеевича	19 марта " . . . . .	134
» Петра Алексеевича	30 марта " . . . . .	135
» Петра Алексеевича	20 апреля " . . . . .	137
» Петра Алексеевича	18 мая " . . . . .	139
» Александра Алексеевича	— июль " . . . . .	141
» Александра Алексеевича	без даты " . . . . .	148
» Петра Алексеевича	26 июля " . . . . .	149
» Александра Алексеевича	13 августа " . . . . .	152
» Александра Алексеевича	25 сентября " . . . . .	157
» Александра Алексеевича	25 октября " . . . . .	160
» Петра Алексеевича	3 ноября " . . . . .	165
» Александра Алексеевича	2 декабря " . . . . .	167
» Петра Алексеевича	6 декабря " . . . . .	169

Письмо Александра Алексеевича	22 декабря 1859 г. . . . .	170
» Петра Алексеевича	5 января 1860 г. . . . .	172
» Петра Алексеевича	13 января " . . . . .	174
» Александра Алексеевича	15 января " . . . . .	176
» Петра Алексеевича	5 февраля " . . . . .	180
» Александра Алексеевича	26 февраля " . . . . .	183
» Петра Алексеевича	28 марта " . . . . .	186
» Александра Алексеевича	25 августа " . . . . .	188
» Петра Алексеевича	6 сентября " . . . . .	191
» Александра Алексеевича	— сентябрь " . . . . .	193
» Петра Алексеевича	21 сентября " . . . . .	196
» Александра Алексеевича	23 сентября " . . . . .	198
» Петра Алексеевича	19 октября " . . . . .	199
» Александра Алексеевича	18 ноября " . . . . .	202
» Петра Алексеевича	1 декабря " . . . . .	205
» Петра Алексеевича	11 января 1861 г. . . . .	206
» Александра Алексеевича	15 января " . . . . .	208
» Петра Алексеевича	6 февраля " . . . . .	210
» Александра Алексеевича	10 февраля " . . . . .	211
» Петра Алексеевича	20 марта " . . . . .	213
» Александра Алексеевича	26 марта " . . . . .	215
» Петра Алексеевича	15 апреля " . . . . .	217
» Александра Алексеевича	30 апреля " . . . . .	218
» Петра Алексеевича	10 мая " . . . . .	222
» Петра Алексеевича	12 июня " . . . . .	223
» Александра Алексеевича	15 июня " . . . . .	224
» Александра Алексеевича	5 июля " . . . . .	226
» Петра Алексеевича	1 июля " . . . . .	229
» Петра Алексеевича	7 сентября " . . . . .	232
» Александра Алексеевича	23 сентября " . . . . .	233
» Петра Алексеевича	25 сентября " . . . . .	235
» Александра Алексеевича	30 сентября " . . . . .	237
» Петра Алексеевича	4 октября " . . . . .	—
» Петра Алексеевича	3 ноября " . . . . .	242
» Петра Алексеевича	7 декабря " . . . . .	244
» Александра Алексеевича	23 декабря " . . . . .	247
» Александра Алексеевича	6 января 1862 г. . . . .	249
» Александра Алексеевича	без даты " . . . . .	252
» Петра Алексеевича	12 февраля " . . . . .	—
» Петра Алексеевича	18 февраля " . . . . .	253
» Петра Алексеевича	11 марта " . . . . .	257
» Александра Алексеевича	15 марта " . . . . .	258
» Петра Алексеевича	22 марта " . . . . .	261
» Александра Алексеевича	26 марта " . . . . .	264
» Петра Алексеевича	18 апреля " . . . . .	266
» Петра Алексеевича	27 мая " . . . . .	268
» Петра Алексеевича	2 июня " . . . . .	270

*Ответствен. редактор И. Смилга  
Лит.-техн. ред. А. Плавильчиков  
Техред и/производстве Л. Фрязинова  
Операт. часть и общее наблюд. на  
произв. ст. констр. книги М. Козлов*

*\* \* \**

*Книга сдана в набор 20/XI—31 изд.  
«Федерация», возобновлена в произв.  
издат. «АСАДВМИА» 15/III—32,  
подписана в печать 7/X—32 года.  
Тиражу 5300 экз. Москва, Уполном.  
Главлита Б—24027. Заказ тип.  
№ 1635. Зак. „Ас“ № 9. Индекс  
А—2. Бумага 62 × 94<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. 17<sup>1</sup>/<sub>2</sub>  
печат. листов, авт. 13 листов. Тип.  
знаков на 1 бумажн. лист 68 640.*

*\* \* \**

*Отпечатано в «Интернациональной»  
39-й типографии «Мособлполиграф»,  
проезд Сьюрцова - Степанова, д. 3.*





## РУССКИЕ МЕМУАРЫ

ГЕРЦЕН А. И.  
БЫЛОЕ И ДУМЫ, т. I, II и III

ЗВЕНЬЯ  
СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ  
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВУ  
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ  
XIX в., вып. II и III

КОНИ А. Ф.  
ВОСПОМИНАНИЯ О  
ДЕЛЕ В. ЗАСУЛИЧ

КРОПОТКИН П. А.  
ЗАПИСКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

СЫЧУГОВ С. И.  
ЗАПИСКИ БУРСАКА

ЮРКОВСКИЙ Ф. Н.  
РОМАН „БУЛГАКОВ“  
ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

\*\*\*

„АКАДЕМІА“  
Москва, Кузнецкий мост, 18/7,  
тел. 4-34-37  
Ленинград, Социалистическая, 14,  
тел. 1-99-98

перепи́ска П. А. Кропоткиных

# Переписка

## ПЕТРА И АЛЕКСАНДРА КРОПОТКИНЫХ

-ACADEMIA-

*Первый том „Переписки Петра и Александра Кропоткиных“ охватывает юношеские годы обоих братьев. В письмах мы находим отражение эпохи 60-х годов, быт того времени и, кроме того, можем проследить умственное развитие двух будущих выдающихся революционеров.*

*В „Переписке“ отражается отчасти та борьба „отцов и детей“, которая так характерна для переломных моментов истории. „Переписка“ дает яркое представление о том, чем интересовалась и какие вопросы волновали русскую молодежь 60-х годов.*

*„Переписка“ дает также богатый биографический материал и раскрывает пути формирования мировоззрения П. А. Кропоткина, сделавшегося из царского камер-пажа виднейшим деятелем международного анархизма. В этом отношении „Переписка“ является великолепным дополнением к знаменитым „Запискам революционера“ П. А. Кропоткина.*

Цена 7 руб.  
Переплет 2 руб.